

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»
Читинский филиал Института Дальнего Востока РАН

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КНР
В ПРОЦЕССЕ ЕЕ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ
И ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

**VIII Международная
научно-практическая конференция
10 марта 2016 г.
г. Чита**

Чита
Забайкальский государственный университет
2016

УДК 323 (510)
ББК 66.2 (5 Кит)
ББК Ф 2 (5 Кит)
А 437

Рекомендовано к изданию
Решением организационного комитета конференции
Забайкальского государственного университета

Научная редакция

Н. А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор,
зав. кафедрой востоковедения ЗабГУ
В. С. Морозова, д-р филос. наук, доцент, руководитель
Читинского филиала ИДВ РАН, начальник управления
международной деятельностью ЗабГУ

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Сопредседатели оргкомитета

Н. А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор,
зав. кафедрой востоковедения ЗабГУ
В. С. Морозова, д-р филос. наук, руководитель Читинского филиала ИДВ РАН,
начальник управления международной деятельностью ЗабГУ

Члены оргкомитета

А. А. Котельников, канд. полит. наук, представитель
Министерства иностранных дел России в г. Чите
П. В. Троицкий, канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник
Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН
Л. Е. Бляхер, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии
и культурологии Тихоокеанского государственного университета
Ли Пин, канд. филос. наук, доцент Хулуьбуирского Института русского языка
В. А. Абрамов, канд. филос. наук, профессор кафедры востоковедения ЗабГУ
И. Ю. Мальчикова, канд. геогр. наук,
начальник научно-исследовательского управления ЗабГУ
Т. В. Колтакова, канд. филос. наук, руководитель научно-образовательного
центра «Восточный центр»

**Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее
регионализации и глобализации** : материалы VIII Между-
нар. науч.-практ. конф. / Забайкал. гос. ун-т ; отв.
А. Ю. Лавров. – Чита : ЗабГУ, 2016. – 241 с.
ISBN 978-5-9293-1554-1

В сборнике публикуются доклады участников, представленные на
VIII Международной научно-практической конференции «Актуальные
проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации».

УДК 323 (510)
ББК 66.2 (5 Кит)
ББК Ф 2 (5 Кит)

ISBN 978-5-9293-1554-1

© Забайкальский государственный
университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступительное слово</i>	5
<i>Памяти Михаила Леонтьевича Титаренко...</i>	7
<i>Абрамова Н. А., Чжоу Юй.</i> «Новая полиэтничность» как проявление межкультурного дискурса в приграничном социокультурном пространстве КНР	9
<i>Антропов Р. В.</i> Совершенствование законодательства в механизме реализации демографической политики Китая, Германии и России: компаративный подход к исследованию управления процессами в области народонаселения	17
<i>Бодрова О. И.</i> К вопросу о целесообразности градации приоритетов в сфере культуры для формирования внешнеполитического имиджа КНР.....	27
<i>Борисленко О. А.</i> Анализ направлений исследований деятельности ШОС китайскими учеными	35
<i>Бянкина А. М.</i> К вопросу об «азиатском» типе трансграничного сотрудничества	45
<i>Гатаулина С. Ю.</i> Новые направления развития сотрудничества Приморского края и КНР	49
<i>Гордиенко Д. В.</i> Сравнительная оценка уровня экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов России	56
<i>Губин А. В.</i> Трехсторонние проекты Россия – Китай – Монголия как основа Евразийской экономической интеграции	61
<i>Дорожкова С. А., Кучинская Т. Н.</i> Культурные бренды как инструмент «мягкой силы» Китая	72
<i>Дубровская К. С., Морозова В. С.</i> Особенности генезиса приграничных социокультурных пространств Россия – КНР	80
<i>Дугарова С. Б.</i> Стратегия «державы высококвалифицированных кадров» в КНР	87
<i>Жуков А. В., Жукова А. А., Кононов С. В.</i> Современные образы Китая на территории Забайкальского края	95
<i>Забелина И. А., Клевакина Е. А.</i> Оценка структурных сдвигов в экономике приграничных регионов РФ и КНР	107
<i>Захарян А. В., Морозова В. С.</i> Особенности генезиса ценностного мировоззрения учащейся молодежи России и Китая	113

<i>Исаева Н. В.</i> Китайский пояс Евразии	124
<i>Киреев А. А.</i> Территории опережающего развития как фактор развития сотрудничества Китая и России (на примере Амурской области).....	132
<i>Колпакова Т. В.</i> Проблема виртуального социального управления в Китае.....	140
<i>Котельников А. А.</i> Проблема создания туристического бренда как фактор, препятствующий развитию въездного туризма из КНР в Забайкальский край.....	149
<i>Лу Чуньюе.</i> Понятие приграничного сотрудничества в исторической ретроспективе (по китайским и российским источникам)	155
<i>Немировская Е. П., Чжоу Лися.</i> Позиционирование регионов южного Китая в контексте туристического международного взаимодействия с Россией (на примере о. Хайнань)	165
<i>Петрунько К. А.</i> К вопросу о перспективах российско-китайского сотрудничества в области гражданской авиации	173
<i>Почагина О. В.</i> Деформация семейных связей как угроза социальной стабильности в КНР	181
<i>Се Илин.</i> Потенциал приграничного сотрудничества между Забайкальским краем и провинцией Хэйлунцзян.....	193
<i>Симоненко О. А., Ускова М. В.</i> Перспективы решения тайваньского вопроса	206
<i>Сунь Янь.</i> Русская культура в исследованиях китайских ученых	219
<i>Тарабарко К. А.</i> Научные центры исследования «мягкой силы» как часть национальной стратегии КНР	228
<i>Яковлева А. Е.</i> Некоторые особенности социокультурной адаптации китайских граждан при сдаче комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации.....	236

Вступительное слово

Уважаемые участники конференции!

Тематика VIII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации» традиционно отражает результаты исследований в контексте усиливающегося взаимодействия РФ – КНР. Наличие большой протяженности российско-китайского приграничья требует формирования новой парадигмы анализа приграничного региона как специфичной формы организации пространства, заданной не только географическими рамками, но и социокультурными особенностями. Именно поэтому авторы преследуют и практические задачи поиска эффективных механизмов соработки России и Китая в общем поле межгосударственных и межцивилизационных взаимоотношений.

Забайкальский государственный университет уже на протяжении восьми лет выступает площадкой для реализации плодотворного диалога ученых, преподавателей, студентов, всех, заинтересованных в процессах соработки РФ – КНР. Тематика материалов, представленных в сборнике, связана не только с международной спецификой, но и, прежде всего, ориентирована в направлении восточного вектора России, т. е. в направлении развития Сибири и Дальнего Востока. Не случайно расширяется и география участников, представляющих синологическую науку как академических структур столицы (Институт Дальнего Востока РАН), так и ученых-синологов Сибири (Национальный исследовательский Томский государственный университет), Дальнего Востока (Дальневосточный федеральный университет, Благовещенский государственный педагогический университет, Тихоокеанский государственный университет). Интересны мнения наших зарубежных коллег, представляющих образовательные организации КНР (Хэйлунцзянский институт иностранных языков, Хэйхэйский университет, Хэйлунцзянский университет, Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии).

Нельзя не отметить, что основная когорта востоковедов, работы которых представлены в сборнике, является коллективом научной «Школы интерпретаций региональных практик современного Китая» (руководитель – доктор философских наук Н. А. Абрамова) – школы, воспитавшей несколько поколений востоковедов и выступающей одним из основных центров Забайкальского края по подготовке синологов, квалификация которых предусматривает комплексное знание специфики Китая, включая владение китайским языком.

Очевиден и научно-исследовательский, а также творческий потенциал организаторов конференции, одним из которых выступает Читинский филиал Института Дальнего Востока РАН. Содержание заявленной конференции являет собой пример эффективной реализации инновационного типа интеграции академической и вузовской науки, осуществляемый посредством совместного участия представителей структур РАН и вуза.

Уверены, что конференция пройдет в конструктивной обстановке обмена мнениями, в процессе которого будут найдены новые драйверы роста для нашего приграничья, что в свою очередь будет также способствовать углублению взаимодействия представителей российской и зарубежной науки, интенсификации их научных связей. Желаем участникам дальнейшей плодотворной работы, установления новых контактов и успехов в реализации научных идей!

Н. А. Абрамова, В. С. Морозова

Памяти Михаила Леонтьевича Титаренко...

Во время верстки сборника данной конференции к нам поступило печальное известие об уходе из жизни академика РАН, директора Института Дальнего Востока, величайшего востоковеда Михаила Леонтьевича Титаренко. Безусловно, каждый синолог в нашей стране и за ее пределами знаком с его трудами, работами. Однако китаеведческая школа Забайкалья, находящаяся на периферии, получила от Михаила Леонтьевича гораздо больше, чем просто печатные издания (хотя и этот вакуум был заполнен благодаря его поддержке). Мы всегда будем помнить его визиты в Забайкальский государственный университет – он тратил свое время на дорогу в Читу и обратно только для того, чтобы прочитать лекции нашим студентам, для которых его посещение было просто неоценимым подарком. В свою очередь, входя в его кабинет, мы сразу попадали в атмосферу уюта, тепла и заботы. Заглянув в его всегда приветливые и как бы улыбающиеся глаза, мы очаровывались его глубочайшими знаниями и простотой, непринужденностью общения. Слова, воспоминания, просто мысли, высказанные ниже, мы посвящаем памяти Михаила Леонтьевича...

А. А. Котельников, представитель Министерства иностранных дел России в г. Чите, кандидат политических наук: С Михаилом Леонтьевичем Титаренко мне довелось очень хорошо пообщаться в ноябре 2009 года в Пекине, во время проведения очередного заседания российско-китайского комитета мира, дружбы и развития. Меня он поразил своей эрудицией, отличной памятью. Михаил Леонтьевич много рассказывал о своей молодости, проведенной в Китае, о встречах с китайскими руководителями. Слушая его, мне казалось, что сухие страницы учебника истории оживают, и я сам становлюсь очевидцем тех событий.

А. В. Макаров, председатель Забайкальского регионального отделения Общества российско-китайской дружбы, декан юридического факультета, доктор юридических наук, профессор: Михаил Леонтьевич принадлежал к числу тех наших выдающихся современников, кого еще при жизни считали классиками, на чьих трудах выросло не одно поколение китаеведов. Академик, заслуженный деятель науки, профессор, директор ИДВ РАН

в личном общении был теплым и приветливым человеком, глубоко чувствующим и понимающим китайскую культуру и китайский национальный дух. Эти качества помогали выстраивать ему прекрасные дружеские отношения с самыми высокими официальными лицами КНР. На посту Председателя Центрального правления Общества российско-китайской дружбы он внес неоценимый вклад в углубление отношений добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами. С Михаилом Леонтьевичем меня связывали личные добрые отношения, он высоко оценивал китаеведческое образование в Забайкалье, придавал огромное значение развитию российско-китайского партнерства на приграничных территориях, всегда оказывая поддержку в реализуемых нами проектах.

В. С. Морозова, руководитель Читинского филиала Института Дальнего Востока РАН, доктор философских наук, доцент: Жизнь Михаила Леонтьевича – яркий пример беззаветного и преданного служения Родине во благо развития межгосударственных и межцивилизационных отношений России и Китая. На его работах воспитано не одно поколение востоковедов, синологов. Отметим, что его труды, переведенные на многие языки мира, хорошо знакомы не только китаистам. Несмотря на масштабную, ответственную работу по установлению и укреплению связей РФ – КНР, Михаила Леонтьевича также отличало потрясающее жизнелюбие, оптимизм, чувство юмора. Михаил Леонтьевич всегда был неравнодушен к окружающим его людям, и в особенности, к молодому поколению. В 2008 году на базе Забайкальского государственного университета был открыт первый в России филиал Института Дальнего Востока РАН, руководство которым Михаил Леонтьевич доверил молодому коллективу кандидатов наук нашего университета. Несомненно, дело, начатое им, будет продолжено на самом высоком уровне. Выражаем искренние соболезнования семье, родным и близким, коллегам Михаила Леонтьевича. Светлая память о нем навсегда останется в наших сердцах.

УДК 130.2:39 (510)

Наталья Андреевна Абрамова,
д-р филос. наук, профессор,
зав. кафедрой востоковедения,
Забайкальский государственный университет,
e-mail: abramova3@mail.ru

Чжоу Юй,
канд. филос. наук,
преподаватель Маньчжурского института,
Университет Внутренней Монголии,
г. Маньчжурия, КНР,
e-mail: liliya_198237@163.com

«Новая полиэтничность» как проявление межкультурного дискурса в приграничном социокультурном пространстве КНР

В статье рассматривается возникающий феномен «новая полиэтничность» как характеристика пространства приграничья. В этом же контексте описывается межкультурный дискурс, который осмысливается шире, чем межкультурная коммуникация.

Ключевые слова: *социокультурное пространство, приграничье, полиэтничность, межкультурный дискурс, коммуникация.*

Natalia Andreevna Abramova,
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of Oriental Studies Department,
Transbaikal State University,
e-mail: abramova3@mail.ru

Zhou Yu,
PhD (Philosophy Sciences),
Lecturer of Manzhouli Institute,
Inner Mongolia University,
Manzhouli, China,
e-mail: liliya_198237@163.com

“New multi-ethnicity” as an expression of intercultural discourse in border sociocultural space of China

The article describes the emerging phenomenon of the “new multi-ethnicity” as a characteristic of the border area. In the same context intercultural discourse is discussed: it is interpreted wider than the cross-cultural communication.

Keywords: *sociocultural space, border area, multi-ethnicity, intercultural discourse, communication.*

Китайское социокультурное пространство как объект исследования представлено в научной литературе рядом публикаций, общее направление которых задано монографией В. А. Абрамова «Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения» [1]. На этой основе стали возможны исследования локальных пространств, в том числе и китайского приграничья.

Развитие китайского приграничного социокультурного пространства, которое является сегментом уникального пространственного ареала трансграничья, вмещающего несхожие по своим культурным основаниям Китай, Россию, Монголию, Корею, детерминируют стратегии, обозначенные в современной риторике КНР в терминах «мягкая сила», «могущественное культурное государство». Для Китая социокультурное развитие приграничного пояса становится приоритетным. Согласно китайской стратегии формирования «могущественного культурного государства», которая содержит задачи максимального использования культурно-ценностного потенциала приграничья КНР, этому пространству отводится роль главной площадки презентации китайской культуры и апробации инновационных межкультурных практик. Поэтому культурно-географическое своеобразие пространства приграничья КНР, его потенциал, способы позиционирования и развития вызывают особый научный интерес. Специфику развития изменяющегося социокультурного пространства китайского приграничья определяет активизация международных интеграционных процессов, влияющая на интенсивность межкультурного общения. В китайском приграничье возникают новые формы коммуникации, имеющие свои механизмы управления, выявление которых составляет отдельную научную проблему.

Одну из характеристик приграничного социокультурного пространства КНР мы определяем как межкультурный дискурс. Для прояснения методологических позиций, необходи-

мых для определения его содержания, мы обратились к работам О. А. Нестеровой, которые обладают необходимым теоретическим заделом для исследования специфики китайского приграничья. Автор рассматривает российско-китайское межкультурное взаимодействие в дискурсивных и коммуникативных стратегиях, развертывая его как пространство взаимодействия различных миров [4]. Поскольку многозначность понятия дискурс требует описания его трактовок, О. А. Нестерова прежде всего анализирует объем этого понятия. Данная категория представляется в гуманитарном знании: как сложное единство языковых и неязыковых факторов (значимое поведение); как направление лингвистики, изучающее речевое поведение в единстве с социокультурными, политическими, психологическими и другими факторами; как вербально-коммуникативные практики; в широком контексте как инструмент социальной критики.

Есть и другие определения: «В истории классической философии использовалось для характеристики последовательного перехода от одного дискретного шага к другому и развертывания мышления, выраженного в понятиях и суждениях, в противовес интуитивному схватыванию целого до его частей; в современной французской философии постмодернизма – характеристика особой ментальности и идеологии, коток рые выражены в тексте, обладающем связностью и целостностью и погруженном в жизнь, в социокультурный, социально-психологический и другие контексты» [3]. Множество точек зрения не исключает наличия общего содержания дискурса. О. А. Нестерова (вслед за Т. А. Ванн Дейком) считает межкультурный дискурс важной составной частью социокультурного взаимодействия. Эта позиция является для нас отправной точкой уточнения содержания понятия «межкультурный дискурс» в условиях приграничного международного взаимодействия.

Мы рассматриваем межкультурный дискурс как сложный феномен, имеющий вербальное и экстралингвистическое измерения, представляющий процесс речевого поведения, вклю-

ченного в определенный социокультурный контекст. Межкультурный дискурс формирует фундамент для выработки стратегий и тактик межкультурной коммуникации, поскольку в нем находят отражение стереотипы восприятия друг другом представителями разных культур, культурно-исторические символы, установки, ассоциации, некая коллективная память, знания о мире. Все эти предпосылки при их учете помогают формировать межкультурную деятельность, определять сценарии поведения, адекватные сложившейся ситуации.

Мы разводим понятия «межкультурная коммуникация» и «межкультурный дискурс». Межкультурный дискурс формируется и реализуется только в процессе межкультурной коммуникации. Коммуникация – это взаимодействие. Как происходит оно, по каким моделям поведения, с какими ожиданиями, представлениями, стереотипами, основанными на исторической традиции, – все это входит в содержание дискурса. Это инструмент коммуникации, который влияет на ее содержание.

Важным является отличие дискурса от коммуникации по субъектному признаку. В межкультурной коммуникации явно обозначен субъект. Приведем имеющиеся определения межкультурной коммуникации: это «процесс общения между коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков» (И. И. Халеева); «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» (Е. М. Верещагин); «общение людей, представляющих разные культуры» (С. Г. Терминасова).

Межкультурный дискурс не всегда имеет субъект, он дает возможность не вступать непосредственно в коммуникацию с представителями других культур, но с помощью СМИ, искусства, литературы, различных видов творческой деятельности или в виртуальном пространстве осуществлять межкультурное общение.

Важно и то, что коммуникативное общение подразумевает общение «здесь и сейчас». Коммуникативный акт начинается и заканчивается. Межкультурный дискурс не имеет такой

линейности, он включает предисторию контактов, запечатленных в сознании участников коммуникации, которая накладывает отпечаток на восприятие коммуникантов, на их поведение и т. д. Поэтому он помогает формировать сценарии поведения носителей различных культур, вступающих в непосредственное взаимодействие.

В китайском приграничном социокультурном пространстве, которое является частью трансграничного пространственного ареала Китай – Россия – Монголия или Китай – Россия – Корея, возникает специфический формат межкультурного дискурса. Он разворачивается как взаимодействие различных по своим цивилизационным основаниям культур. В многочисленных научных публикациях отражена типология этого взаимодействия. Мы принимаем точку зрения о том, что характерными чертами современной китайской межкультурной реальности является «переплетение основных типов взаимодействия (противостояние, симбиоз, синтез)» и незавершенность процесса синтеза [2]. Мы полагаем, что в китайском приграничном пространстве в качестве основного типа представлен симбиоз культур, который в отличие от синтеза не предполагает возникновения нового качества. Это положение соотносится с утверждением о том, что «в приграничных территориях возникают взаимовыгодные сообщества, так называемые «трансграничные социально-экономические симбиозы»», формируя «новую полиэтничность», реально существующую в приграничье» [6].

Осмысление понятия и описание феномена «новая полиэтничность» дано в коллективной монографии «Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе», в которой изложены результаты исследовательского проекта Научно-образовательного форума по международным отношениям (НОФМО) под руководством известного российского ученого А. Д. Боготурова.

Объективным основанием для операционализации понятия «новая полиэтничность» является стремительное и кардинальное изменение общества и социокультурного простран-

ства, влекущее за собой появление новых феноменов, требующих терминологического оформления. Анализируя процессы, происходящие в приграничных пространствах, где особенно заметны разного рода трансформации, авторы монографии на основе широкого междисциплинарного подхода вырабатывают стандарт и характеристики «новой полиэтничности», определяя взаимосвязи понятия с другими ключевыми терминами, принятыми в науке. В основу анализа положено понятие этничности, которое рассматривается с позиций различных подходов. Социолог Б. Винер выявил наиболее характерные определения этничности в работах зарубежных ученых, где этничность рассматривается как: принадлежность к социальному меньшинству или этнической группе; этничность есть этническая идентичность; или этничность как социальная граница. В российской науке, по мнению авторов монографии, наиболее удачным можно считать определение известного российского этнолога В. А. Тишкова, который рассматривает этничность как категорию, обозначающую существование культурно отличительных (этнических) групп и форм идентичности [7].

Этнокультурное многообразие особенно заметно в своеобразных этноконтактных зонах, которыми являются приграничные социокультурные пространства, насыщенные процессами этнической миксации, ассимиляции, аккультурации. Рассматривая модели взаимного сосуществования культур, авторы со ссылкой на социолога А. Согомонова характеризуют современные общества как мультикультурные или мультиэтнические, отражающие доктрину культурного и этнически не структурированного пространства постсовременности [5].

В монографии сказано, что в приграничье как особом субрегионе протекают активные социально-экономические, этнокультурные процессы, формируя некую «культурную гомогенность» и своеобразный тип этнодемографического сообщества. Граница при этом рассматривается как «принципиальный фактор», формирующий феномен «новой полиэтничности». Понимая под «новой полиэтничностью» особую форму организации социального пространства в приграничье

(«приграничное сообщество»), авторы приводят ее характеристики по параметрам: территориально-географические, социально-экономические, этнодемографические.

Первые выражаются в устойчивых транспортных связях между приграничными населенными пунктами; в упрощении режима пересечения границы для краткосрочных перемещений жителей приграничных территорий; в трансформации сети поселений в приграничных регионах; в «стягивании» населения из глубинных регионов в приграничные территории (внутренняя миграция населения).

К социально-экономическим характеристикам отнесены: формирование особых социальных сетей в приграничье, включая неформальные экономические отношения; интенсификация различных форм экономической миграции и туристического обмена между населением приграничных регионов на индивидуальном уровне и стихийной основе; активизация деятельности институциональных форм экономического взаимодействия в приграничных зонах и повышение инвестиционной активности соседних стран (открытие «свободных экономических зон», формирование «полюсов роста»).

Основные этнодемографические характеристики определяют изменение этнического состава, увеличение этнического многообразия населения в приграничных регионах.

Данные выводы, на наш взгляд, применимы для описания социокультурного пространства китайского приграничья. Мы понимаем «новую полиэтничность» как специфическую характеристику социокультурного пространства китайского приграничья, которое наполнено интенсивным взаимодействием приграничных общностей, связанных особыми вариативными международными социокультурными практиками и социальными сетями (формальными/неформальными), которые ситуативно влияют на многообразие населения приграничья, трансформируя его демографический и этнический состав.

Трансформация этнической «мозаичности» носит динамичный и циклический характер. Одним из факторов форми-

рования «новой полиэтничности» является активная межкультурная деятельность, которая целенаправленно конструируется культурной политикой центральной и региональной власти КНР в приграничном социокультурном пространстве с участием представителей других культур (русской, монгольской, корейской и др.).

Список литературы

1. Абрамов В. А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. М.: Вост. кн., 2010. 240 с.
2. Абрамова Н. А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие (социально-философский аспект). Чита: ЧитГУ, 1998. 258 с.
3. Можейко М. А., Сергей Лепин. Дискурс // Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/phil_dict/article/filo/filo-229.htm7text (дата обращения: 15.09.2015).
4. Нестерова О. А. Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. М., 2010. 446 с.
5. Согомонов А. Мультиэтничность // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН: Ин-т философии РАН, 2002. С. 120.
6. Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / отв. ред. В. И. Дятлов, С. В. Рязанцев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С. 10.
7. Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. 229 с.

УДК 340.5

Роман Владимирович Антропов,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. лабораторией контрастивных исследований

немецкой и российской систем права,

Забайкальский институт предпринимательства СибУПК,

e-mail: roman-antropov23@rambler.ru

Совершенствование законодательства в механизме реализации демографической политики Китая, Германии и России: компаративный подход к исследованию управления процессами в области народонаселения

Статья посвящена современному развитию отраслевого законодательства (конституционного, семейного, миграционного, трудового, социального обеспечения и иного) Китая, Германии и России с учетом мер по реализации национальной демографической политики. Приведен краткий обзор оригинальных немецкоязычных публикаций, характеризующих источниковедческую базу исследования; на примере вышеуказанных стран рассмотрены особенности в государственном управлении процессами в области народонаселения.

Ключевые слова: *Китай, Германия, Россия, демографическая политика, отраслевое законодательство, сравнительно-правовые исследования.*

Roman Vladimirovich Antropov,

PhD (Juridical Sciences), Associate Professor,

Head of Laboratory of Contrastive Studies of German

and Russian Legal Systems,

Zabaikalsky Entrepreneurship

Institute of Siberian University of Consumer Cooperative,

e-mail: roman-antropov23@rambler.ru

The legislative development in implementation arrangements of demographic policy of China, Germany and Russia: the comparative approach to the study of process control in the sphere of human population

The article is devoted to the modern development of sectoral legislation (constitutional, family, immigration, labor, social security and other) of China, Germany and Russia in view of measures to implement the national population policy. A brief review of the original German-language publica-

tions describing the research base of source is given; on example of these countries the special features in public administration in the field of human population are considered.

Keywords: *China, Germany, Russia, the demographic policy, sectoral legislation, comparative legal studies.*

Устойчивое демографическое развитие страны требует четкой консолидации усилий как центральных органов государственной власти, так и органов государственной власти субъектов и местного самоуправления. Страны с наибольшим количеством населения, к которым автор относит, безусловно, в первую очередь Китай (более 1,3 млрд человек), руководствуются, как правило, положениями утвержденной национальной концепции демографической политики на определенный период при решении задач в области народонаселения. В свою очередь, в основу демографической политики современного государства заложено своевременное реагирование на демографические тенденции в текущий период, что предполагает необходимость мониторинга и совершенствования действующего отраслевого законодательства как приоритетных линий работы национальных правительства и парламента.

В условиях развития интеграционных связей России на Западе и на Востоке представляется целесообразным изучение отраслевого законодательства Китая и Германии с целью дальнейшей оптимизации политических и экономических связей со странами, входящими в круг национальных интересов России в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе [1].

Для получения достоверных сведений о состоянии демографической политики Китая, Германии и России мы обратились к различным источникам, выделяя среди прочего оригинальную немецкую научную и справочную литературу. Так, осмыслить современную демографическую ситуацию в Китае в значительной степени помогает недавно изданный немецким исследователем Берндом Зибертом современный справочник по Китаю, дающий четкие представления о политике, обществе, праве, экономике и культуре Поднебесной [12].

Немаловажное значение в контексте исследуемой темы имеет книга другого немецкого автора Маркуса Хернига «Китай: портрет страны» [9].

Значение стабильного экономического роста при руководящей роли Коммунистической партии Китая (КПК), концентрация на национальных приоритетах и иные аспекты в реализации демографической политики затрагивает отчасти книга Йоахима Фокеля «Что происходит в Китае?: причины и аспекты роста» [13].

С позиции компаративных исследований более чем полезной становится для понимания сложности обозначенного вопроса книга Анны Шрайтэр «Немецко-китайский мир труда: взгляд в межкультурные будни бизнеса в Германии и Китае (общество контрастов)» [11].

Анализ современных печатных источников, а также онлайн-ресурсов позволяет сделать следующие основополагающие выводы по обозначенной проблеме.

Демографическая политика регулирования рождаемости для ограничения роста населения проводится в Китае с 1979 года. Изначально ее целевая установка сводилась к тому, чтобы к 2050 году удержать численность населения страны в пределах полутора миллиардов человек. Заметим, сегодня без законодательного ограничения рождаемости в КНР проживало бы на 300–400 млн человек больше. Чтобы минимизировать процесс перенаселения, с середины с 70-х гг. XIX в. в Поднебесной проводился жесткий курс на ограничение рождаемости. За редким исключением китайским семьям разрешалось иметь лишь одного ребенка. Например, позволялось иметь более одного ребенка в тех случаях, когда один из супругов был единственным ребенком в своей семье, разрешалось представителям некоторых этнических меньшинств, а также сельским жителям ряда провинций, если первой на свет рождалась девочка. Нарушители демографических правил подвергались серьезным взысканиям со стороны властей (увольнение с государственной службы; исключение из рядов

Коммунистической партии Китая и т. д.), а также облагались денежными взысканиями, налагаемыми в качестве наказания.

Благодаря контролю Государственного комитета по делам планирования семьи задача сдерживания роста населения до недавнего времени успешно выполнялась. Однако в последнее десятилетие власти Китая стали наблюдать негативные последствия демографической политики: произошло стремительное старение рабочей силы; рождаемость в Китае снизилась до уровня естественного воспроизводства (этот коэффициент в Поднебесной составляет 1,7 при минимуме в 2,1); актуализировался гендерный дисбаланс (на сегодняшний день среди детей до 15 лет на каждые 100 девочек приходится 118 мальчиков, на которых в будущем, согласно китайским традициям и Конституции КНР, ложится финансовое бремя обеспечить старость отцу и матери). По прогнозам экспертов, уже к 2060 году каждый третий китаец будет пенсионером, что приведет не только к нехватке рабочей силы, но и колоссальной нагрузке для пенсионной системы, которая и без того не охватывает своей поддержкой всю структуру китайского общества.

01 января 2016 года в КНР вступил в силу закон, разрешающий семьям иметь двух детей. Закон был разработан на основе решений пятого пленума ЦК Компартии Китая, учитывая мнение Национальной комиссии здравоохранения и планирования семьи. А инициатива отмены принципа «одна семья – один ребенок» принадлежит Китайской академии социальных наук. «Государство поддерживает принцип, по которому одна супружеская пара может иметь до двух детей», – указано в официальном тексте этого нормативно-правового акта.

Ранее, в октябре 2015 года, ведомство приняло решение продолжить смягчение политики «одна семья – один ребенок». Впервые о реформе демократической политики китайское руководство задумалось в 2013 году, когда вступили в силу первые послабления и некоторым парам разрешили родить второго ребенка.

Радикальные реформистские направления в демографической политике Китая позволят к 2050 году увеличить число

трудоспособных граждан на 30 млн человек. При этом общая численность населения КНР к 2029 году достигнет своего пика (1,45 млрд человек).

Таким образом, историческое решение Коммунистической партии Китая по отмене правила «одна семья – один ребенок» призвано принципиально изменить демографическую ситуацию, гендерный и возрастной состав населения республики, а вместе с тем осуществится мечта миллионов китайских семей о втором ребенке. По данным Государственного комитета по делам здравоохранения и ограничения рождаемости, около 90 млн китайских матерей теперь могут решить завести второго ребенка. Но в целом официальные китайские власти сохранят определенные ограничения на количество детей в семье, по меньшей мере, до 2045 года.

Современная Германия имеет во многом схожие с Китаем демографические проблемы, например, такие, как низкая рождаемость и старение населения. Начиная с 70-х годов прошлого столетия смертность в Германии превышает рождаемость (сегодня рождается примерно 1,4 ребенка на одну женщину), что ускоряет демографический упадок – начиная с 2003 года в Германии заметно сокращается народонаселение. На рубеже тысячелетий Федеративная Республика значительно отставала от других стран в разработке современной политики в сфере поддержки семьи. По данным Центра по изучению демографических изменений (г. Росток), средний возраст жителей Германии сегодня достиг 40,9 лет. К 2050 году средний возраст немецких граждан выйдет на отметку в 50 лет [7]. По последним исследованиям Организации по экономическому и социальному развитию (ОЭСР), на данный момент в Германии проживает 81,9 млн человек [8]. Данные показатели объясняются помимо низкой рождаемости также ростом средней продолжительности жизни немецких граждан (75,4 года для мужчин / 81,2 года для женщин).

Демографические изменения привели к дефициту профессиональных кадров, ухудшению экономического потенциала республики и подвигли федеральное правительство к про-

ведению серьезных социальных реформ. 02 сентября 2015 года Федеральный правительственный кабинет Германии принял решение и в дальнейшем развивать демографическую стратегию «Каждый возраст идет в зачет – для лучшего благосостояния и качества жизни всех поколений», что предполагает планомерное проведение мероприятий по увеличению рождаемости, повышению уровня занятости населения, улучшению возможностей совмещения семьи и профессиональной деятельности (в первую очередь, для женщин, имеющих детей). Федеральное правительство определило 10 «направлений-лозунгов» достижения данных целей, в частности, таких как: «молодежь определяет будущее»; «сильные партнерства для крепких семей»; «мотивированно, квалифицированно и экологично трудиться»; «альянс для людей со слабоумием»; «государственная служба как привлекательный и современный работодатель»; «усилить регионы с демографической нестабильностью – способствовать качеству жизни в городах и в сельской местности» и т. д. [1].

В рамках данных мероприятий немецкие власти постепенно увеличили количество мест в детсадах с тем, чтобы женщины могли совмещать уход за детьми с профессиональной деятельностью, и, как следствие, доля занятых в экономике женщин составляет теперь 68 % (шестое место по показателям в Европе). 78 % работающих мужчин выводят Германию на третье место после Швейцарии и Нидерландов [9].

Вместе с тем, создав Германии привлекательной имидж страны миграции, республика столкнулась с рекордным числом беженцев. По данным немецкой ежедневной газеты “Die Welt” в 2015 г. в страну въехали почти 1,1 млн беженцев (1 091 894 человек), преимущественно из Сирии, Афганистана и Ирака, что стало рекордным числом за всю историю Федеративной Республики [14]. Основными федеральными землями, принявшими наибольшее число мигрантов, стали Северный Рейн-Вестфалия (231 020 человек), Бавария (159 022 человека) и Баден-Вюртемберг (140 887 человек). Гигантский приток беженцев, включая нелегальных (290 000 человек), стал причи-

ной ужесточения миграционного законодательства. Немецкие власти осенью 2015 года ввели новые ограничения для въезда мигрантов в страну. В соответствии с ними тот, кто приехал в ФРГ, нарушив новые иммиграционные правила, должен быть выдворен из республики в течение четырех дней. Но наряду с ужесточением были улучшены условия воссоединения семей беженцев, равно как и то, что беженцы получают бесплатную еду в местах первичного размещения и 143 евро в месяц на основные нужды.

В октябре 2015 года немецкий Бундестаг вновь принял пакет законов, значительно ужесточающих миграционное законодательство. Согласно пакету, список безопасных стран происхождения миграции расширен за счет Албании, Черногории и Косово. Это, по мнению немецких парламентариев, позволит ускорить процесс высылки граждан этих стран на родину. Планируется также ускорение высылки из Германии тех мигрантов, которые просят убежище в стране, исходя из экономических соображений. Беженцы, у которых истек срок пребывания в Германии, теперь будут высылаться из страны без предупреждения. Кроме того, финансовая помощь беженцам в местах первичного распределения будет по возможности заменена социальной. Денежные выплаты доступны мигрантам только на месяц вперед. Кроме этого, определенным группам сократят денежное пособие. При этом нововведения также предусматривают финансовую помощь всем 16 федеральным землям и постоянное участие правительства в расходах на мигрантов. С 2016 года Федеральное правительство намерено выделять землям по 670 евро в месяц на каждого беженца с момента его регистрации и до окончания рассмотрения прошения. Таким образом, в 2016 году регионы смогут получить из федерального бюджета около 4 млрд евро.

Упреждающим реагированием федеральных органов власти на дальнейшее ухудшение демографической ситуации в России стало обновление действующего отраслевого законодательства: программа выплат материнского капитала, который сегодня получают российские семьи при рождении второ-

го или последующих детей, продлена до 2018 года; с 2006 года введены родовые сертификаты с ежегодной индексацией, установленной нормами российского законодательства; очевидны многократные позитивные новеллы Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [3] и Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [4]; в регионах России утверждены региональные демографические программы, направленные на улучшение демографической ситуации; уменьшен отток квалифицированных специалистов; увеличены объемы привлечения на постоянное место жительства в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и т. д.

В целях консолидации усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления муниципальных образований, организаций и граждан Российской Федерации по обеспечению условий для устойчивого демографического развития страны в России утверждена и действует «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [2].

Заметим, что в России указное правотворчество (правотворчество Президента) имеет очень сильные позиции в иерархии правовых актов. В контексте исследуемой нами темы необходимо отметить значение Указа Президента РФ «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» от 07.05.2012 г. № 606 [5] и Указа Президента РФ «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике» от 31.08.2012 г. № 1248 [6].

Таким образом, проанализировав комплексно основные направления демографической политики Китая, Германии и России и охарактеризовав кратко основные правовые средства, применяемые государствами для решения своих демографических проблем, автор определяет четкую концентрацию каждого государства на национальных приоритетах в преодолении наиболее проблемных вопросов с примени-

ем эффективных законодательных мер в общем механизме их решения. Результатом правотворческой работы отечественного и зарубежного законодателя стало, в первую очередь, стремление повысить во всех странах уровень рождаемости за счет рождения в семьях второго ребенка и последующих детей, а также укрепление института семьи. В Германии и России, помимо прочего, делается акцент на привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития федерации, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции. Отмечается своевременное реагирование всех трех республик на текущие демографические тенденции, координация действий законодательных и исполнительных органов государственной власти. Национальные правительства комплексно подходят к решению демографических задач, осуществляя мероприятия в этой сфере с должным охватом основных направлений демографического развития (смертность, рождаемость и миграцию) в их взаимосвязи.

Список литературы

1. Антропов Р. В. К вопросу о целесообразности изучения социального и трудового права Китая и Германии в условиях глобальных экономических трансформаций мирового устройства // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 20–32.
2. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 (ред. от 01.07.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.
3. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: федер. закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ (ред. от 29.12.2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1929.
4. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федер. закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 30.12.2015 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. №1 (1 ч.). Ст. 19.
5. О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 606 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2343.

6. О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике: указ Президента РФ от 31.08.2012 г. № 1248 (ред. от 04.01.2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 36. Ст. 4871.
7. Das Rostocker Zentrum zur Erforschung des Demografischen Wandels (RZ): Prognosen und Planung [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rostockerzentrum.de/forschung/prognosen_und_planung (дата обращения: 12.01.2016).
8. Deutschland: Zahlen und Fakten [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/de/countries/germany-de> (дата обращения: 12.01.2016).
9. Hernig M. China: Ein Länderporträt. Berlin: Ch. Links Verlag, 2014. 224 S.
10. Jedes Alter zählt – „Für mehr Wohlstand und Lebensqualität aller Generationen“: Weiterentwicklung der Demografiestrategie der Bundesregierung: Bundesministerium des Innern 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demografie-portal.de> (дата обращения: 12.01.2016).
11. Schreiter A. Deutsch-Chinesische Arbeitswelten: Einblicke in den interkulturellen Unternehmensalltag in Deutschland und China (Gesellschaft der Unterschiede). Bielefeld: Transcript Verlag, 2015. 304 S.
12. Siebert B. Kleines Handbuch Volksrepublik China: Politik, Gesellschaft, Recht, Wirtschaft, Kultur. Rostock: Baltic Sea Press, 2014. 120 S.
13. Vockel Jo. Was ist los in China?: Einige Wurzeln und Aspekte eines Aufstiegs. Köln: PapyRossa Verlag, 2015. 153 S.
14. 1,1 Millionen Flüchtlinge kamen 2015 nach Deutschland [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article> (дата обращения: 12.01.2016).

УДК 338.467.6 (394.912)

Оксана Ивановна Бодрова,

канд. ист. наук,

доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии,

Институт международных отношений

и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского,

e-mail: oksana-rul@yandex.ru

**К вопросу о целесообразности градации приоритетов
в сфере культуры для формирования
внешнеполитического имиджа КНР**

В статье рассматриваются факторы, определяющие разделение функций государства и коммерческих структур в культурной сфере КНР. Анализируется соответствие основных подходов к модернизации в области культуры современным мировым реалиям.

Ключевые слова: *КНР, реформирование сферы культуры, индустрия культуры, дело культуры, социалистическая культура, имидж государства.*

Oksana Ivanovna Bodrova,

PhD (Historical Sciences),

Associate Professor of Oriental Languages and Linguistics

Department,

Institute of International Relations and Worlds History

Nizhny Novgorod State University named by Lobachevsky,

e-mail: oksana-rul@yandex.ru

**To the question whether the scale of priorities in the sphere of
culture for the formation of a foreign policy image of China**

The article examines the factors that determine separation of the functions of the state and commercial structures in the cultural sphere of the People's Republic of China. Analyzed compliance with the basic approaches to modernization in the field of culture to modern global realities.

Keywords: *Peoples Republic of China, the reform of the cultural sphere, the culture industry, the affair of culture, socialist culture, the image of the state.*

В вопросе существующей градации в сфере культуры КНР на современном этапе необходимо четко определить основные отрасли данной сферы, а также степень влияния тех или иных факторов, выполняющих функции регуляторов.

Поскольку вопрос реализации культурного потенциала конкретной страной чрезвычайно важен в современном политическом пространстве, следует учитывать роль действующих политических режимов и социальных приоритетов.

Прежде всего, необходимо выделить два основных пласта, составляющих собственно структуру культурной сферы современного Китая – «дело культуры» (文化事业) и «индустрию культуры» (文化产业). Данная терминология принята на официальном уровне и фигурирует в соответствующих документах. Мероприятия, осуществляющиеся в рамках «дела культуры», направлены, главным образом, на общественное благо во имя строительства социализма с китайской спецификой. Действия, направленные на реализацию рыночных интересов, извлечение прибыли, производство «культурного продукта» массового потребления, относятся к «индустрии культуры».

«Дело культуры» осуществляет исследования в области культуры (например, научно-исследовательские институты культуры и искусства, социальных наук), производство духовной продукции (к примеру, радиостанции, телевизионные агентства, государственные печатные издания) оказывает общественные культурные услуги (публичные библиотеки, общественные музеи, художественные галереи, культурные центры).

«Индустрия культуры» – это та отрасль, которая, производя «культурный продукт» и удовлетворяя разнообразные запросы массового потребителя, должна следить за экономической составляющей, стремиться к соответствующей экономической выгоде, темпы развития «индустрии культуры» КНР позволяют определять ее как новую опорную индустрию страны.

Целесообразным представляется выяснить отличия между «общественной направленностью» (公益性) и «коммерциализацией» (经营性) культурной сферы, «делом» (事业) и «индустрией» (产业), «правительственной опекой» (政府) и «рыночными интересами» (市场).

Прежде всего, «дело культуры» должно удовлетворять основные культурные права и интересы народа, не ставить главной целью извлечение прибыли, т. е. обладать «общественной направленностью». А «индустрию культуры» можно охарактеризовать как отрасль, которая занимается производством культурных продуктов (например, аудио-, видеопродукция, печатные издания), предоставлением культурных услуг, что определяет ее «хозяйственно-коммерческую» направленность.

Влияние правительства на «дело культуры» обусловлено тем, что исследовательские и производительные ресурсы полностью подконтрольны государству, следовательно, субъектами «дела культуры» выступают административные учреждения, а весь народ страны – объектом обслуживания. Тогда как в сфере «индустрии культуры» основными субъектами являются промышленные предприятия и предпринимательство, а объектами обслуживания – конкретные группы населения, интересы которых и формируют спрос на ту или иную культурную продукцию. Соответственно, производство культурного продукта ориентированно на рынок культуры, который является главной движущей силой «индустрии культуры».

«Дело культуры» претворяется в жизнь посредством функционирования «учреждений культуры» (文化事业单位), представляющих собой организационную структуру, занимающуюся исследованиями в области культуры, производством духовной продукции и социальным культурным обслуживанием, т. е. всем тем, что присуще сфере «дела». Их основной задачей является предоставление духовной продукции для удовлетворения потребностей народа в культурной жизни. Компетентия учреждений культуры подтверждается соответствующими вышестоящими правительственными ведомствами, при этом формы управления разнообразны, включают в себя многие категории и имеют довольно широкое распространение. Государство помогает партийным и государственным СМИ, исследовательским программам в сфере общественных наук, наиболее важным художественным коллекти-

вам, отражающим национальные особенности и государственный уровень; заботится об охране культурных ценностей и произведений народного творчества, представляющих материальное и нематериальное наследие Китая. «Индустрия культуры», являясь важным средством, «... которое обеспечивает процветание социалистической культуры и удовлетворение духовно-культурных потребностей народных масс в условиях рыночной экономики» [4], функционирует посредством «предприятий культуры» (文化产业企业).

Со времени начала проведения политики реформ и открытости КНР в законодательстве, касающемся культурной сферы, произошли значительные изменения, отражающие выделение новых отраслей в «индустрии культуры», в также попытки привести внутреннюю правовую базу в соответствие с мировыми стандартами. Структурно законы и нормативные акты КНР, регламентирующие культурную сферу страны, делятся на три части: 1) Конституция КНР, в которой определены основные права и обязанности граждан в области культуры, гарантии со стороны государства, отмечены обязательные действия государства по охране памятников культуры, защите материальных и нематериальных культурных ценностей; 2) сфера законодательства, которая, согласно Конституции КНР, регламентирует общественную культурную жизнь и регулирует управление государственной культурной системой. К таким законам относится, например, «Закон об охране памятников материальной культуры КНР» [5] в отношении таких сфер деятельности, как сценическое искусство, радио и телевидение, кино, издательская деятельность и др. Госсовет КНР также устанавливает административно-правовые нормы; 3) законы, регламентирующие культурную деятельность в Китае, – это законы профильных министерств и ведомств, которые применяются в ходе организации культурной деятельности и осуществлении соответствующего контроля со стороны государства, например, «Закон об авторском праве» [6], «Антимонопольный закон» [7] и др.

Можно выделить следующие основные направления в развитии «индустрии культуры»: формирование основных отраслей «индустрии культуры»; внешняя направленность развития «индустрии культуры» свидетельствует об адаптации к экономической глобализации; возрастающие культурные потребности более тесно связывают культуру и рынок, повышают требования к уровню культурной продукции, ориентированной на внешний рынок; оказание большого влияния развития «индустрии культуры» на повышение национального духа китайского народа и конкурентоспособности во внешних обменах, что позволяет нам сделать вывод о стратегическом значении развития «индустрии культуры» Китая.

Определяя приоритеты в среднесрочной перспективе, руководство КПК на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва приняло Постановление «Об укреплении строительства способности управления партией» (сентябрь 2004 г.), которое указывает на необходимость углубления реформы системы культуры, укрепления и развития культурных производительных сил. Призыв партии – «...улучшать систему рынка культуры, содействовать всестороннему процветанию “дела культуры” и быстрому развитию “индустрии культуры”, укреплять комплексную силу китайской культуры, еще эффективнее продвигать культуру Китая в мире, повышать ее международное влияние, усиливать стратегические исследования в области развития культуры» [8] – свидетельствует о стремлении китайского руководства не допустить выхода из-под контроля всех сфер культурной жизни. В данном «Постановлении» впервые официально употреблено понятие «культурные производительные силы» (文化生产力), которое осуществляет производство «культурного продукта», что характеризует Китай как страну, стремящуюся сформировать адекватный мировому уровню понятийный аппарат в сфере культуры.

В «Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения» (20.10.2005 г., Париж) отмечается, что «...культурная деятельность и культурные товары и услуги носят как экономический, так и культурный харак-

тер, поскольку они являются выражением форм самобытности, ценностей и смысла, и поэтому к ним нельзя относиться как к чему-то, имеющему только коммерческую ценность» [1]. Сравнительный анализ рекомендаций ЮНЕСКО и документов, разработанных в ЦК КПК и Министерстве культуры КНР, доказывает, что направление развития внешней политики Китая в сфере распространения продукции «индустрии культуры» соотносится с требованиями мирового уровня, однако, это не означает, что китайские «культурные продукты» на сегодняшний день в действительности соответствуют мировому уровню настолько, чтобы быть конкурентоспособными во всех регионах мира.

Усиленное внимание со стороны КПК к вопросам культуры приводит к появлению концепций, основанных на значимости той или иной сферы культуры. К примеру, в 2004 году министр культуры Китая Сунь Цзячжэн выдвинул концепцию о «Движении на двух колесах»: одно колесо – это всемерное развитие общественной культуры, при котором правительство увеличивает вложения и поощряет общество вкладывать свои силы в эту область; второе колесо – усиление культурного рынка, предполагающее поощрение общества в инвестировании и создании новых предприятий культуры, «... чтобы в полной мере выявить стимулирующую роль социалистического рынка в деле развития культуры» [3]. Особая роль в данной концепции принадлежит различным процессам поиска и экспериментов, отражающим культурные запросы широких слоев народных масс и представления китайского народа об облике китайской культуры для «выхода вовне». С целью привлечения в процесс реформирования культуры новых технологий, новых способов производства, ввода новых форм «индустрии культуры», КПК выдвинула несколько направлений развития культуры в современном Китае: 1) создание системы основных социалистических ценностей для повышения притягательности социалистической идеологии; 2) создание социалистической гармоничной культуры внутри страны; 3) создание общего «духовного очага» китайской нации; 4) стимулирование инновационных методов развития культуры.

Новейшие методы практической реализации совершенствования работы «индустрии культуры» в Китае соотносятся с ведущими направлениями деятельности ЮНЕСКО: на состоявшихся мероприятиях ЮНЕСКО «Управление рисками финансирования культуры» (2010 г.) признана насущная необходимость «...инвестировать не только в инфраструктуру национальных культур, но и в творческий компонент как основу укрепления культурных позиций стран при политической поддержке их руководителей» [2].

Собственно, основная роль в процессе реформирования культурной сферы, призванная усилить практическое культурное влияние Китая за рубежом, отводится «индустрии культуры», способной «...заметно повысить культурные качества нации, “мягкую силу” и международную конкурентоспособность государства» [2]. Именно поэтому к целям развития «индустрии культуры» относятся: создание системы современной культурной индустрии и системы рынка культуры, повышение доли добавленной стоимости «индустрии культуры» в народном хозяйстве; формирование такой структуры, где государственный сектор занимает главное место с совместным развитием других секторов; совершенствование системы культурного распространения за рубежом с учетом передовых технологий. Тогда как главными целями реформирования и развития «дела культуры» являются: создание системы публичных культурных услуг, охватывающей все общество; совершенствование творческой деятельности, обогащение нравственной культурной продукции и общественной культурной жизни, удовлетворение нравственного и культурного спроса народных масс; усиление способности важнейших китайских СМИ к распространению культурной информации; формирование открытой культурной структуры на национальной основе с привлечением зарубежного опыта для «выхода китайской культуры вовне».

Нам представляется, что градация культурной отрасли в Китае на «индустрию культуры» и «дело культуры» естественно и обусловлено политическим устройством страны,

что подтверждает исторически сложившуюся закономерность государственного контроля жизни граждан Китая. Политика в культурной сфере КНР представляет собой типичный образец китайской «гармонии»: коммерциализация культурной сферы явилась неизбежным следствием синтеза «реформ открытости» с глобализацией и уравнивается контролем со стороны государства.

Список литературы

1. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. Париж: ЮНЕСКО, 2005. 16 с.
2. Мухаметшин Ф. М. Культура в международном гуманитарном сотрудничестве // Международная жизнь. 2010. №8. С. 26–27.
3. Слияние культурных отраслей в процессе развития дела культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31515/2405909.html> (дата обращения: 22.12.2015).
4. 在中国共产党第十六次全国代表大会上的报告 = Доклад 18-му съезду КПК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65444/4429125.html> (дата обращения: 23.12.2015).
5. 中华人民共和国文物保护法 = Закон об охране памятников материальной культуры КНР [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chinaculture.org/gb/cn_law/2004-06/28/content_49666.htm (дата обращения: 23.12.2015).
6. 中华人民共和国著作权法 = Закон об авторском праве КНР [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chinaculture.org/gb/cn_law/2004-06/28/content_49622.htm (дата обращения: 26.12.2015).
7. 中华人民共和国拍卖法 = Антимонопольный закон КНР [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chinaculture.org/gb/cn_law/2004-06/28/content_49596.htm (дата обращения 26.11.2015). Кит.яз.
8. 中共中央关于加强党的执政能力建设的决定 = Официальное коммюнике 4-го пленума ЦК КПК 16-го созыва // Жэньминь жибао. 2004.

УДК 327

Ольга Андреевна Борисенко,

канд. филос. наук,

доцент кафедры философии,

Забайкальский государственный университет,

e-mail: Olenka_rabota@mail.ru

Анализ направлений исследований деятельности ШОС китайскими учеными¹

В статье представлен анализ направлений исследований деятельности ШОС среди научных работ в Китае. Сегодня в Китае открыли самое большое количество специализированных научно-исследовательских организаций, которые считают Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве объекта исследования. Непосредственно китаеведение в ШОС представляет большой интерес не только в научной общест-венности, но и в обществе.

Ключевые слова: ШОС, исследование ШОС, Китай, диалог культур.

Olga Andreevna Borisenko,

PhD (Philosophy Sciences),

Associate Professor of Philosophy Department,

Transbaikal State University,

e-mail: Olenka_rabota@mail.ru

Analysis of the research areas of SCO activities by Chinese scientists

This article analyzes of the directions of research activity of the SCO among the research papers in China. Today, in China opened the largest number of specialized research organizations, which consider the Shanghai Cooperation Organization as an object of study. Directly in China studies at the SCO is of great interest not only in the scientific public, but also in society.

Keywords: SCO, SCO Research, China, the dialogue of cultures.

Создание Шанхайской организации сотрудничества – европейской модели сотрудничества с «шанхайским духом» – есть достойная реализация внутренней политики Китая на международной арене, что позволяло заключить – ШОС как вид политического диалога – это реализация системообразую-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта для государственной поддержки молодых российских ученых (кандидатов наук) Совета по грантам Президента РФ МК № 3682.2015.6.

щих интересов государств, входящих в организацию; ШОС как диалог культур – это объединение культур разных народов задачей содружества в единую сферу коммуникации. Таким образом, изменение содержательной направленности диалога культур в условиях глобализации, актуализация его практико-ориентированного вида – политического диалога – определяло необходимость философского анализа такой его институализированной формы, как ШОС [1].

В начале 2000-х гг. появляются центры и формируется «шанхайская школа». Одним из отделений ее является Китайский институт международных стратегических исследований – это всекитайская неправительственная научная организация, занимающаяся исследованиями международных стратегических вопросов, и структурное подразделение Шанхайского института международных отношений. В настоящее время организация установила отношения взаимодействия и обмена с более 100 исследовательскими структурами в сфере стратегических и международных вопросов из более 50 стран и регионов. Совместно с представителями из России прошли семинары (2009, 2010 гг.), где обсуждались следующие темы: «Международная и региональная безопасность на фоне финансового кризиса» и «Отношения между Китаем и Россией на фоне финансового кризиса: новые обстоятельства, новые вызовы, новые контрмеры». Профессор Института международных стратегических исследований Центральной партшколы КПК, заведующий сектором дипломатии Китая Лю Цзяньфэй отмечает, что «народы соседних стран могут жить в мире и гармонии настолько долго, насколько будут находиться эффективные и разумные пути решения возникающих между ними разногласий» [4].

Центр исследований ШОС, при Шанхайской академии общественных наук КНР, в 2014г. выпустил монографию «ШОС идет вперед уверенными шагами», в которой авторы работы рассматривают большие успехи, достигаемые в процессе развития ШОС, суммируют важное значение модели развития ШОС, анализируют вызовы и возможности перед

ШОС, ставят важные задачи, которые необходимо решать в дальнейшем развитии ШОС, при этом подчеркивая, что несмотря на существующие вопросы и недостатки в процессе развития ШОС, она ставит сотрудничество в свое приоритетное направление, что является основной причиной ее достижения больших успехов. Однако, в случае отсутствия внимания, изучения, решения существующих вопросов и недостатков ШОС не в силах углубить сотрудничество, продолжить свое развитие. Обобщение прошлых уроков и опытов, рассмотрение важных задач будущего организации – это есть именно основная цель исследования данного проекта [14]. Анализируя работы в целом всего центра, складывается картина, что все они посвящены внешнеполитическому сотрудничеству КНР и России. Рассматриваются в отдельности страны участники: работа Чжан Цзяньжун (секретарь исследовательского центра России Академии общественных наук Шанхая) «Перед администрацией Путина стоит пять задач» (2013г.), где в большей степени говорится о модернизации, развитии системы образования и дальнейшего трудоустройства, защите безопасности и суверенности; а также научный труд этого же автора – «Гуманитарные ресурсы как дополнительное преимущество к развитию региона ШОС» [14] (2013 г.), где представлены рекомендации по эффективному их использованию. Образовательному пласту уделено достаточное внимание. Чжан Цзяньжун – частый участник международных конференций, на которых ведет дискуссии об образовании и частности об Университете ШОС. Пан Гуан (профессор, доктор исторических наук, директор Центра исследований ШОС ШАОН) отмечает необходимость развития отношений с другими международными организациями в борьбе с «тремя золатами»; в дальнейшем, по мнению профессора, в процессе развития ШОС может стать ключевой «политической силой и партнером для других стран в решении международных дел как на региональном уровне, так и на глобальном» [14]. Пань Гуань в одной из своих статей ищет ответ на вопрос «Что та-

кое «Шанхайский дух?» [5]», где раскрывает суть структуры – «новая модель безопасности» и «принципы мирного существования» и развития.

Проблематикой ШОС в «шанхайской школе» занимался Чжао Хуашэн [10] – директор Центра ШОС Фуданьского университета (Шанхай, КНР). Он рассмотрел эволюцию интересов в ЦАР [2], но не выделил этапов [11]. Как отмечает Чжао Хуашэн, многое зависит от участия государств – членов ШОС. Профессор достаточно тщательно начал изучать ШОС с момента его становления. Один из главных его вопросов – правильная ли позиция ШОС, – включает в себя два аспекта: во-первых, определить свои политические характеристики, во-вторых, – свои функции. Другими словами, какие задачи ШОС и что он собирается делать [15]. Сегодня диалог культур, развивающийся в условиях глобализации, выражая интересы национальных культур, решая проблему неконфликтного, толерантного сосуществования, из области теоретического осмысления переходит в практическую. Поэтому можно заключить, что новый механизм взаимодействия разных миров призван дать возможность диалогу стать реальностью [9].

В ходе систематизации и анализа концептуальных положений исследований китайских ученых по направлениям деятельности ШОС выявлена особенность – исследования носят как рекомендательный, так и описательный характер – рассматривается деятельность, функции ШОС. Все их можно разделить на блоки, одним из которых, например, является региональная безопасность. Это направление просматривается во всех последующих, так как это определяющая функция ШОС.

Отдельным внутренним блоком выделяется группа исследований взаимоотношений ЦАР – КНР – Россия. В данной системе ШОС является связывающим звеном, определяющим идеологию и деятельность структуры, являющимся институциональным ее образованием. Общие тенденции, говорят о том, что ШОС создана для сдерживания Китая в ЦА. Стратегические интересы КНР и России в ЦАР позволяют определить условия развития организации, а также объеди-

нить военные, политические возможности России и экономические ресурсы Поднебесной, для того чтобы реализовывать свои глобальные интересы и противостоять балансу влияния США в мире.

Руководитель Института России Китайской академии современных международных исследований, профессор Фэн Юйцзюнь в декабре 2011г. на конференции в Москве отметил, что в условиях активизации США, РФ и КНР как никогда должны объединить свои усилия и поднять уровень экономического сотрудничества [6]. Сегодня мы наблюдаем именно эту картину. С 2013 года Китай и Россия начали новый этап стратегического взаимодействия. Данный этап носит деловой характер. Кроме сотрудничества в традиционных отраслях, Китай и Россия расширили сферы своего сотрудничества. Поэтому на конференции в мае 2015г. директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР Ли Юнцюань в дискуссии на тему «Российско-китайское стратегическое взаимодействие на новом этапе и перспективы ШОС» отметил, что «2015 год – важный год в истории китайско-российских отношений. Торжественный военный парад был настолько впечатляющим, что его до сих пор вспоминают во всем мире, а китайско-российское стратегическое взаимодействие привлекло внимание мировой общественности» [7].

Необходима внутренняя стабильность в Центральной Азии, которая выражена в борьбе с терроризмом и обеспечении безопасности границ, при этом без участия во внутренних делах ЦА. Например, если в ЦАР произойдут внутренние проблемы, вызванные нестабильной ситуацией, но не связанные с террористической угрозой, то ШОС встанет перед дилеммой – если она не вмешается, то стабильность в ЦАР будет уничтожена, и это может принести негативное влияние на организацию, а если наоборот – то это будет противоречить ее принципам. Достаточно сложно предположить политические риски, вытекающие из проблем. Таким образом, организации

необходимо постепенно расширять сотрудничество в области региональной безопасности, решать вопросы терроризма и границ.

Стратегические интересы КНР и России в ЦАР позволяют сделать основу для развития организации, в т. ч. и объединить военные и политические возможности России и экономические ресурсы Поднебесной, для того чтобы нести свои глобальные интересы и поддерживать баланс во влиянии США в мире [3]. Как интересы экономического сотрудничества, так и региональная безопасность объединяют интересы «треугольника», а «шанхайский дух» позволит продвижению интересов двух держав и их защите в ЦАР. Яо Чжан (Yao Zhang) – китайский политолог, старший научный сотрудник Шанхайского института международных отношений и заместитель директора Института международных стратегических исследований, в 2010 г. отмечает в интервью Caucasus Times (региональное информационное агентство, специализирующееся на новостях Юга России и Закавказья), что «ШОС – это проект, созданный совместными усилиями КНР, РФ и стран Центральной Азии. После его создания Шанхайская организация сотрудничества в течение десяти лет сыграла большую роль в обеспечении безопасности, экономического и культурного развития в Центральной Азии, что является общим интересом и для Пекина, и для Москвы, и для центральноазиатских столиц. ШОС – это вообще хороший базис для мира и стабильности в регионе. Я полагаю, что в будущем ШОС может сыграть еще более важную роль для Центральной Азии, особенно в таких сферах, как энергетика, экономическая интеграция, борьба против трех “сил зла”: торговли наркотиками, организованной преступности и терроризма. С расширением влияния ШОС и его функций расширение самой Организации неизбежно в будущем, но эта структура еще молодая, имеет недостаток опыта, а потому я думаю, с процессом расширения надо быть очень осторожным» [12]. Он, так же, как и многие исследователи, говорит, что Китай поддерживает позиции России насчет территориальной целостности и национального суверенитета.

В ходе исследования представлен анализ ШОС как фактора регионального развития, рассматриваемого китайскими специалистами на уровне экономической региональной модернизации [13]. Это является показателем трансграничной политики России и Китая, что нашло отражение в одном из последних документов российско-китайского соглашения: «Российско-китайский диалог: модель 2015».

Международное влияние и статусное положение ШОС с ускоренным темпом все больше набирает обороты на международной арене. Об этом говорит и факт заинтересованности среди кругов китайских исследователей. Исследования китайских авторов разделены на блоки, но выходят на основные функции ШОС. Особое внимание уделяется взаимоотношениям КНР со странами – участниками ШОС, а также с другими государствами и объединениями, заинтересованными в развитии организации.

Сегодня в Китае открыто самое большое количество специализированных научно-исследовательских организаций, которые рассматривают ШОС в качестве объекта исследования. Руководящая роль отводится китайскому центру исследований ШОС, который состоит из отставных дипломатов, известных ученых. Хотя он является неофициальной организацией, его деятельность очень тесно связана с официальными органами, так как он является структурным подразделением Китайского института исследований международных проблем, а по результатам своей деятельности представляет самый высокий уровень исследования ШОС в Китае. Необходимо отметить, что Китайская научная академия также имеет центр исследований ШОС, а в Китайском институте изучения международных вопросов – отдел по исследованию ШОС. В г. Шанхай функционируют научно-исследовательские учреждения, которые занимаются исследованиями форм и направлений деятельности ШОС. К их числу относятся: научный центр исследования ШОС Фуданьского университета, научный центр исследования ШОС Шанхайской научной академии, научный институт исследования ШОС Восточно-Китайского пе-

дагогического университета и Китайского банка развития, институт общественной дипломатии по исследованию ШОС Шанхайского университета и другие. Таким образом, шанхайские научные круги уделяют этому вопросу большое внимание. Если со стороны российских и китайских ученых деятельность ШОС рассматривается с позиций формирования (политического, экономического, культурного) потенциала в структурировании регионального пространства, в расширении форм и механизмов международного сотрудничества, то западные исследователи делают акцент на нормативных аспектах, на проблемах демократизации политических режимов в регионе, а порой – сравнивают ШОС с ЕС, ООН или с НАТО. Стоит отметить, что китайские вузы, Академия наук, научные центры и институты создают для российских исследований конкурентное пространство, так как следуют определяющей роли КПК и государства, смысл которой состоит в том, чтобы политика «мягкой силы» была целенаправлена и действенна не в будущем, а – в настоящем.

Все исследования ШОС в КНР можно условно разделить на две категории. Одна из них представляет собой динамику реальных политических исследований, другая – делает акцент на теоретических вопросах. В последние годы в Китае стали появляться исследования, в которых освещены стратегия и тактика, вопросы экономического и военного сотрудничества государств ШОС. Заслуживают внимания работы, где представлены результаты исследований регионального развития, анализируется концепция безопасности. Вышесказанное актуализирует необходимость исследования работ китайских ученых в контексте ШОС. Анализ концептуальных положений показывает, что они раскрывают стратегию Китая, отражают идею Дэн Сяопина «ждать своего времени и развивать свой потенциал», что позволило сформировать позиционирование Китая на арене ШОС.

Непосредственно в Китае исследования по ШОС представляют очень большой интерес не только у научной публики, но и в обществе. Это связано с тем, что Шанхайская орга-

низация сотрудничества является единственной Международной региональной организацией, которая была создана не только по инициативе Китая, но и с территориальным расположением штаб-квартиры в КНР. Поэтому на уровне общественного сознания Китай ассоциируется (через деятельность ШОС) как центр международного сообщества.

В последние годы в Китае стали появляться исследования, в которых освещены стратегия и тактика, вопросы экономического и военного сотрудничества государств ШОС. Заслуживают внимания работы, где представлены результаты исследований регионального развития, анализируется концепция безопасности.

В ходе исследования представлен анализ ШОС как фактора регионального развития, рассматриваемый китайскими специалистами на уровне экономической региональной модернизации. Это является показателем трансграничной политики России и Китая, что нашло отражение в одном из последних документов российско-китайского соглашения: «Российско-китайский диалог: модель 2015».

Китайские ученые уделяют достаточное внимание и перспективам развития Шанхайской организации сотрудничества, и представляют оптимистичную картину. Вопросы расширения ШОС как никогда актуальны. С самого начала ШОС объявила себя как открытая организация, и ей необходимо генерировать растущие потребности. Произошло добавление новых членов, а также изменение аспектов работы. Расширение организации – это не только технический вопрос, но и политический.

Социальное направление представлено в работах, которые посвящены анализу общественных благ. Китайские ученые уделяют достаточное внимание перспективам развития Шанхайской организации сотрудничества, представляя в целом оптимистичную картину, что является исключительно важным фактом, подтверждающим, что ШОС является региональным интеграционным объединением, находящимся в активном процессе становления и обладающим рядом специфических черт, а также собственной траекторией развития.

Вопросы диалога и диалогических отношений выходят на первый план в современном мире в связи с глобализационным развитием и взаимоотношениями не только отдельных людей и международных организаций, которые они представляют, но в целом народов и даже цивилизаций. В этих условиях диалог представляет собой новый уровень осмысления бытия человека. Его роль усложняется уже тем, что речь идет не только о диалоге культур, а о диалоге внутри взаимодействия разных культур, которое порождено контактами людей, как исповедующих разные религии, так и относящихся к различным культурам [8].

Кросс-культурный диалог в глобальном мире сквозь призму деятельности ШОС как никогда актуален в современности. Глобализация и глобальные проблемы современности способствуют диалогу, а принципы «шанхайского духа» дают почву для культурной грамотности (понимание культур других народов). Новое мировоззрение диктует правила создания нового культурного пространства, в котором культуры народов находятся в активном диалоге и взаимодействии.

Список литературы

1. Борисенко О. А., Фомина М. Н. От диалога к политическому диалогу: методологические подходы к исследованию // Вестн. ЗабГУ. Чита: ЗабГУ, 2013. № 10. С. 119.
2. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. (中国、中亚和上海合作组织), 莫斯科卡内基中心, 2005年, (单行本); New Situation in Central Asia and Shanghai Cooperation Organization, China and Asia's Security, China in Globalized World. Vol. 1. Marshall Cavendish Academic, 2005.
3. Лю Цзянь Совместная потребность России и Китая в Шанхайской организации сотрудничества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. Вып. 1. С. 69–72.
4. Лю Цзяньфэй. Фактор стратегии гегемонии и расширения США после «холодной войны». 1998. С. 2–14.
5. Пань Гуан «Что такое «Шанхайский Дух»?» // ИнфоШОС & Компаньонь. 2009. Май.
6. Потенциал взаимодействия России и Китая в БРИКС способен решать стратегические задачи глобального масштаба [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/8100> (дата обращения: 05.12.2015).

7. Ученые из России и Китая о российско-китайском стратегическом взаимодействии на новом этапе и перспективах ШОС [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-05/19/content_35606705_2.htm (дата обращения: 19.11.2015).
8. Фомина М. Н. Философская культура: онтологический диалогизм. Чита: Поиск, 1999. С. 65.
9. Фомина М. Н., Борисенко О. А. Природа диалога: от диалога культур к политическому диалогу. Чита: ЗабГУ, 2015. 181 с.
10. Чжао Хуашэн. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. Рабочие материалы. 2005. № 5. 63 с.
11. Чжао Хуашэн. Центральноазиатская дипломатия Китая. Пекин: Шиши, 2008. 465 с. Кит. яз.
12. Яо Чжан: Китай не вмешивается в этнополитические конфликты других государств [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20698> (дата обращения: 19.12.2015).
13. Borisenko O. A., Sukharev D. V. Chinese experts on the implementation of the regional policy of the SCO as a factor of economic modernization [Электронный ресурс] // The collection includes the 8th International Scientific and Practical Conference "Science and Society". 2015. № 2 P. 93. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24148369> (дата обращения: 19.12.2015).
14. SCO Research Center, Shanghai Academy of Social Sciences of China (2014). SCO is moving forward with confident steps [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.coscos.org.cn/a/Russian/> (дата обращения: 20.02.2016).
15. Zhao Huasheng. Where is the SCO Heading? Beijing Review. Vol. 49. No. 24. 2006. June 15.

УДК 341.01

Анна Михайловна Бянкина,

ст. преподаватель

кафедры гражданского права

и гражданского процесса юридического факультета,

Забайкальский государственный университет,

e-mail: eleon-84@mail.ru

К вопросу об «азиатском» типе трансграничного сотрудничества

Статья посвящена типам трансграничного взаимодействия государств. Внимание акцентировано на «азиатском» типе трансграничного сотрудничества государств.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, азиатский тип, Россия, Китай.

Anna Mikhailovna Byankina,
Senior Teacher of the Civil Right and
Civil Process Department
Law Faculty,
Transbaikalsk State University,
e-mail: eleon-84@mail.ru

On the issue of “asian” type of cross-border cooperation

The article is devoted to the types of cross-border cooperation. Attention is accented on “Asian” type of cross-border cooperation.

Keywords: cross-border cooperation, asian type, Russia, China.

Исследователями отмечается, что для Российской Федерации характерны три типа трансграничного сотрудничества, которые выделяют как «европейский», «постсоветский» и «азиатский» [2]. Как отмечает К. В. Верховланцева, европейский тип характерен для регионов России, граничащих со странами – членами Европейского Союза или странами – кандидатами на вступление в Союз; постсоветский тип характерен для российских приграничных территорий со странами СНГ (Н. Н. Фролова, например, также выделяет постсоветский тип сотрудничества России со странами, нацеленными на сотрудничество с США и Евросоюзом) [6]; азиатский тип характерен для регионов России, пограничных с Китаем и Монголией (Н. Н. Фролова добавляет к ним также Турцию) [2, с. 21–22]. О. Ю. Дубинина, опираясь на критерии территориально-географического и культурно-исторического различия, выделяет лишь «европейскую» и «азиатскую модель» [3]. В литературе иногда встречается наименование «китайский» для обозначения «азиатского» типа сотрудничества.

Азиатский тип характерен для сотрудничества с Китаем и Монголией, хотя нередко отмечают, что это локальные приграничные контакты, представляющие собой простое взаимодействие. Это не совсем верно, так как уровень развития взаимодействия регионов в рамках приграничного сотрудничества ежегодно расширяется (можно отметить такие факторы влия-

ния на развитие связей, как экономические, природно-климатические, социально-политические, военно-политические и иные), и в нем появляются новые направления. Кроме того, подобное развитие необходимо как для населения приграничных территорий, так и для государства в целом в сфере укрепления приграничных рубежей, развития внешнеэкономического оборота и расширения социально-культурных связей, тем более что отношения между государствами имеют многолетнюю историю, на протяжении которой их цели и направления менялись.

В настоящем контексте используется «азиатский тип», под которым понимается сотрудничество российской стороны непосредственно с Китаем и Монголией. В частности, Россия активно торговала с Китаем и Монголией с давних времен. Первым этапом таких отношений была торговля через Нерчинск, по договору 1689 года, а затем – торговля через Кяхту, договор о которой был подписан в 1727 году. Исследователи отмечают тот факт, что Забайкальский участок российско-китайской границы, в частности в XIX – начале XX в., очень редко становился предметом исследований, так как граница была установлена прочно и зона отмечалась своей «неконфликтностью» [4]. Как отмечает И. Ван, «российско-китайская граница формировалась более 300 лет. Образование границы отражает ход освоения Россией Сибири и Дальнего Востока, а Китаем – своих западных и северных районов. Российско-китайская граница – это не только геополитический рубеж. Она разделяет разные цивилизационные, демографические и политические системы» [1].

И. Ван, к примеру, указывает, что в динамике российско-китайского приграничного межрегионального сотрудничества можно выделить несколько периодов: 1) с 1983 по 1989 гг., когда сотрудничество имело стабильный характер, происходил плавный рост взаимного товарооборота, четко корректировавшийся органами власти; 2) с 1989 по вторую половину 1994 гг. – стремительный рост двустороннего товарооборота без четкого государственного регулирования внешнеэ-

кономической деятельности; 3) с 1995 по 1995 гг. – резкое сокращение объема межрегионального приграничного сотрудничества; 4) с 1995 г. по настоящее время – после падения товарооборота по линии приграничного межрегионального сотрудничества начинается постепенное выравнивание ситуации, что связано с потребностью северо-восточных и восточных провинций КНР в сырье из России [1, с. 12].

В мире существует несколько процессов, оказывающих влияние на смену курса – это глобализация, переходный период в международных отношениях, а также новые вызовы и угрозы (прежде всего международный терроризм, наркотрафик, организованная преступность, опасность распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, региональные конфликты, демографические проблемы, глобальная бедность, в том числе энергетическая, а также нелегальная миграция, изменение климата). Интересы России связаны и с иными мировыми тенденциями, среди которых, в частности, развитие региональной и субрегиональной интеграции на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ), в Евро-Атлантическом и Азиатско-Тихоокеанских регионах, Африке и Латинской Америке. Интеграционные объединения приобретают все большее значение в мировой экономике, становятся существенным фактором региональной и субрегиональной безопасности, включая миротворчество.

В отношении региональных направлений внешней политики России следует отметить, что приоритетным направлением является развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ, новыми индустриальными странами (НИС) в рамках ШОС, БРИК, ЕврАзЭС и ОДКБ, а также нарастающее значение Азиатско-Тихоокеанского направления. В Азиатско-Тихоокеанском регионе взаимоотношения государств в ракурсе «Россия – Китай» имеют большое значение для определения вектора развития национальных интересов многих государств.

Список литературы

1. Ван И. Приграничное экономическое сотрудничество между Россией и Китаем: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. М., 2009. С. 11–12.
2. Верхоланцева К. В. Развитие современного трансграничного сотрудничества России и стран Европы: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2009. 45 с.
3. Дубинина О. Ю. Влияние регионализации на международные связи регионов Российской Федерации (1991–2007): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2007. 24 с.
4. Захарова А. В. Забайкальский участок российско-китайской границы в описании В. И. Венюкова (XIX в.) // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность-IV: материалы междунар. науч.-практ. конф. студ. и аспирантов (19–22 мая 2010 г.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 52–54.
5. Миндагалиева А. Ш. Цели, формы и методы приграничного сотрудничества российских регионов со странами СНГ (на примере Казахстана): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2006.
6. Фролова Н. Н. Механизм адаптации управления развитием приграничного региона к условиям интеграции: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб., 2008. 19 с.

УДК 339.92

Светлана Юрьевна Гатауллина,

*ст. преподаватель кафедры сервиса и туризма,
Дальневосточный федеральный университет,
e-mail: Obsurga@mail.ru*

**Новые направления развития сотрудничества
Приморского края и КНР**

Глобальные вызовы современности, связанные с введением санкций в отношении России, ограничили выход страны на мировые рынки финансов и ресурсов. Это обусловило необходимость расширения сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Наибольший объем торгового оборота России приходится на Китайскую Народную Республику. Лидирующую позицию сотрудничества с КНР на Дальнем Востоке занимает Приморский край. В статье анализируются итоги сотрудничества Приморского края и КНР в 2014 году. Сокращение объема торговли обуславливает необходимость поиска новых направлений сотрудничества. К таким направлениям от-

носятся новые проекты, реализуемые в Приморском крае: территории опережающего развития, «Свободный порт Владивосток», особая экономическая зона «Соллерс».

***Ключевые слова:** импорт, инвестиции, Приморский край, сотрудничество, экспорт.*

Svetlana Yurevna Gataullina,

*Senior Lecturer of the Department of Service and Tourism,
Far Eastern Federal University,
e-mail: 06surga@mail.ru*

New directions of development of cooperation of Primorsky Krai and People's Republic of China

Global challenges related to the imposition of sanctions in respect of Russia, has restricted the country's exit to the world markets of finance and resources. This necessitated the expansion of cooperation of Russia with countries of the Asia-Pacific region. The largest volume of trade turnover of Russia accounts for People's Republic of China. Leading position in the cooperation with China in the Far East accounted to the Primorsky Krai. The article analyzes the results of cooperation between Primorsky Krai and China in 2014. The reduction in the volume of trade necessitates the search for new areas of cooperation. Such areas of cooperation are new projects in the Primorsky Krai: the territory of advanced development, "Free port of Vladivostok", a special economic zone "Sollers".

***Keywords:** import, investment, Primorsky Krai, cooperation, export.*

Глобальные вызовы современности, связанные с введением санкций стран ЕС (Европейский союз) в отношении России, террористическая деятельность ИГИЛ и антироссийская деятельность руководства Турции и Украины значительно ограничили возможность внешнеэкономического сотрудничества и доступ России к мировым рынкам финансов и ресурсов.

В 2014 году, по информации Минэкономразвития России, внешнеторговый оборот Российской Федерации сократился на 5,7 % по сравнению с 2013 годом и составил 794 млрд долл. США. Экспорт снизился на 3,8 % – до 507,2 млрд США, при этом сырьевой экспорт уменьшился на 8,9 %, а несырьевой вырос на 1,7 %. Таким образом, доля несырьевого экспорта впервые за многие годы превысила 50 % и составила 51 %. Импорт снизился на 8,9 % – до 286,8 млрд долл. США, что, как отмеча-

ет Минэкономразвития России, отражает кризисное состояние российской экономики, которое сохранится до тех пор, пока не будет урегулирована геополитическая ситуация [2].

В этой связи особую актуальность приобретает расширение сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) – одного из наиболее динамично развивающихся регионов мира. Повышение эффективности интеграции России в социально-экономическое пространство АТР соответствует национальной внешнеполитической задаче формирования «коридоров» выхода страны на мировые рынки финансов, товаров, услуг, технологий, ресурсов.

Ведущая роль в развитии сотрудничества со странами АТР отводится регионам Дальнего Востока России (ДФО), доля которых во внешнеторговом обороте России по итогам 2014 г. составила 4,9 %, или 39 млрд долл. США, в том числе на экспорт пришлось 5,6 %, или 28,5 млрд долл. США, на импорт – 3,7 %, или 10,5 млрд долл. США. Одну из лидирующих позиций во внешнеторговом обороте ДФО занимает Приморский край, доля которого составляет 33 %, в том числе: по экспорту – 19 %, по импорту – 72 % [1].

Благоприятное трансграничное положение, позиционирование г. Владивостока как центра делового сотрудничества России в АТР, реализация в крае крупных международных и национальных проектов, уровень развития приграничной инфраструктуры и транспортно-логистического комплекса определяют роль Приморского края как форпоста в формировании «евразийского коридора» России в АТР.

Развитие в Приморье секторов экономики и направлений международного сотрудничества, позволяющих в наибольшей степени реализовать трансграничный потенциал края, стать «точками роста» региональной экономики и производителями конкурентоспособных товаров, услуг, технологий на рынке АТР является важной задачей органов государственной власти в регионе.

Показатели внешнеэкономической деятельности Приморского края в разрезе стран-партнеров приведены в таблице.

**Показатели объема внешнеэкономической деятельности
Приморского края в разрезе стран-партнеров, млн долл. США [1]**

Показатели	Всего	В том числе по странам				
		КНР	Р. Корея	Япония	США	Прочие
Товарооборот						
2012 г.	8997,5	4418,9	1925,5	884,9	177,4	1590,8
2013 г.	12931,1	6538,4	2246,7	1821,3	192,1	2132,6
2014 г.	12851,4	6359,8	1986,7	1947,2	299,9	2257,8
2013/2012 гг.	144 %	148 %	117 %	в 2 р.	108 %	134 %
2014/2013 гг.	99,4 %	97 %	88 %	107 %	156 %	106 %
Экспорт						
2012 г.	2249,1	878,4	575,9	159,5	4,6	630,7
2013 г.	4235,4	1782,8	988,5	324,7	76,9	1062,5
2014 г.	5260,5	2423,9	1059,4	308,9	189,7	1278,6
2013/2012 гг.	в 1,9 р.	в 2 р.	в 1,7 р.	в 2 р.	в 17 р.	в 1,7 р.
2014/2013 гг.	124 %	135 %	107 %	95 %	в 2,5 р.	120 %
Импорт						
2012 г.	6748,4	3540,5	1349,6	725,4	172,8	960,1
2013 г.	8695,7	4755,6	1258,2	1496,6	115,2	1070,1
2014 г.	7590,9	3935,9	927,3	1638,3	110,2	979,2
2013/2012 гг.	129 %	134 %	93 %	в 2 р.	67 %	112 %
2014/2013 гг.	87 %	82 %	73 %	110 %	96 %	92 %

Лидирующее положение во внешнеэкономическом сотрудничестве Приморского края занимает КНР, на ее долю приходится 50 % всего внешнеторгового оборота Приморского края, или около 6,4 млрд долл. США в 2014 году. На протяжении последних десятилетий Китай остается лидирующим партнером Приморского края в области торгово-экономических отношений. Этому способствует наличие в Приморье открытых портов и пяти пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации, расположенных в пределах Приморского края и сопредельных китайских провинций Хэйлуунцзян и Цзилинь. Данный факт оказывает благоприятное влияние на ценообразование экспортных и импортных товаров за счет снижения транспортных расходов, позволяет

взаимно дополнять экономики Приморского края и сопредельных провинций Китая. До 2014 года сотрудничество активно развивалось, однако в 2014 году товарооборот Приморского края с КНР сократился по сравнению с 2013 годом на 3 % и составил 6359,8 млн долл. США. Экспорт увеличился на 35 % – до 2423,9 млн долл. США, импорт сократился на 18 % – до 3935,9 млн долл. США. Увеличение экспорта произошло в основном за счет роста поставок нефти и нефтепродуктов в 1,8 раз – до 1536,4 млн долл. США; древесины на 8 % – до 265,6 млн долл. США. Практически на уровне 2013 года остался экспорт рыбы и рыбной муки – 535 млн долл. США. Сокращение экспортных поставок произошло по таким товарным группам, как оксиды бора, кислоты борные – на 18 %, а также руды и концентраты.

Главные статьи приморского экспорта: нефть и нефтепродукты – 63 %, рыба мороженая, рыбная мука – 26 %, древесина (лесоматериалы обработанные, необработанные) – 14 %.

Сокращение импорта на 18 % – до 3 935,9 млн долл. США к уровню 2013 г. произошло за счет таких товаров, как машины, оборудование и их части – в 3,8 раза – до 72,7 млн долл. США; электрогенераторные установки – в 2,8 раза до – 392,6 млн долл. США; обувь – на 42 % – до 218,6 млн долл. США.

Из КНР в Приморье поставлялись металлы и изделия из них на сумму 178 млн долл. США; шины пневматические – 140,8 млн долл. США; изделия из пластмассы – 103,7 млн долл. США; осветительное оборудование – на 85,7 млн долл. США; игрушки – 45 млн долл. США; саквояжи, чемоданы, сумки – 55,9 млн долл. США; плиты древесноволокнистые – 59,3 млн долл. США; ткани синтетические – на 64,8 млн долл. США и прочие товары [1].

Китайская Народная Республика – важный стратегический партнер Приморского края. В крае работает более 200 организаций с китайскими инвестициями. Среди крупнейших проектов с участием инвесторов из провинции Хэйлуцзян в Приморском крае – строительство животноводческих комплексов на территории Михайловского и Хорольского райо-

нов, проекты жилищного строительства в г. Владивостоке (корпорация «Хуасинь»). Инвесторы из провинции Цзилинь принимают участие в проекте «Большой порт Зарубино» и развитии инфраструктуры порта Славянка, а также в строительстве угольного разреза и горнообогатительного комбината в Надеждинском районе (ООО «Уголь-СП» и компания по добыче энергоресурсов «Хуафэн»).

Сокращение с 2014 года торгового оборота Приморского края с КНР вызывает необходимость корректировки концепции сотрудничества.

Новые возможности развития внешнеэкономического сотрудничества Приморского края могут быть связаны с реализуемыми в крае масштабными инновационными проектами:

- 1) формированием в крае Территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР);
- 2) реализацией проекта свободной экономической зоны «Соллерс»;
- 3) реализацией проекта «Свободный порт Владивосток»;
- 4) развитием Владивостока как центра делового сотрудничества России в АТР.

Две территории опережающего развития в Приморском крае уже созданы – ТОР «Надеждинская» и «Михайловский». Это площадки типа «гринфилд», ориентированные на выпуск импортозамещающей и экспортно-ориентированной продукции. ТОР «Надеждинская» является многопрофильной производственно-логистической площадкой. Она занимает площадь 806,8 га и находится в 32 км от Владивостока. ТОР «Михайловский» специализируется на размещении современных агропромышленных производств с полным циклом переработки, хранения и эффективной логистики сельскохозяйственной продукции. Учитывая схожесть климатических условий Приморского края и Северо-Востока Китая, а также значительный опыт китайских специалистов сельского хозяйства, сотрудничество на базе ТОР «Михайловский» может быть эффективным и взаимовыгодным.

Во Владивостоке создана промышленно-производственная особая экономическая зона на базе автопроизводства

«Соллерс», резидентам которой, помимо значительных налоговых и таможенных преференций, предлагается развитая транспортная и инженерная инфраструктура и, что немаловажно, готовые производственные площади. Индустриальный комплекс специализируется на производстве высокотехнологичного оборудования и может заинтересовать инвесторов, производящих автокомплектующие изделия, электронику, строительную технику, медицинское, телекоммуникационное и электрооборудование.

Одним из перспективных проектов, реализуемых в крае, является проект «Свободный порт Владивосток». Уникальные преференции «Свободного порта Владивосток» позволят сформировать кратчайшие глобальные коридоры из Азии в Европу через Транссиб и Северный морской путь, а также через МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» с выходом на Шелковый путь и далее на пространство ЕАЭС и Европу. Совокупные преференции этого проекта обеспечат сокращение затрат на реализацию новых инвестиционных проектов от 30 до 40 %.

Активное проведение во Владивостоке крупных международных мероприятий (форум АТЭС в 2012 г., Восточный экономический форум в 2015 г. и ряд других), созданная МІСЕ-инфраструктура формируют возможность развития Владивостока как центра делового сотрудничества России в АТР, предоставляющего инвесторам и бизнесменам КНР возможность обсуждения и выбора наиболее эффективного формата работы в соответствии с особенностями бизнеса.

Список литературы

1. Минэкономразвития России. Анализ внешнеэкономической деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/analysis> (дата обращения: 04.01.2016).
2. Администрации Приморского края. Итоги социально-экономического развития 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/development/results/2014.php> (дата обращения: 04.01.2016).

УДК 336.717

Дмитрий Владимирович Гордиенко,
д-р военных наук, профессор,
действительный член (академик)
Академии военных наук,
Институт Дальнего Востока РАН,
e-mail: gordienko@ane.ru

**Сравнительная оценка уровня экономической
безопасности приграничных
дальневосточных регионов России**

Глобальный мировой финансово-экономический кризис и политические события последних месяцев на западных границах нашей страны актуализировали практически для всех стран, включая Российскую Федерацию, проблему корректировки долговременного социально-экономического развития. Для России это означает, в частности, реализацию ее «евразийской миссии». При этом дальневосточные приграничные регионы Российской Федерации – Хабаровский и Приморский край, Амурская и Сахалинская области – занимают в этом вопросе ключевые позиции. Статья посвящена оценке уровня экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов Российской Федерации: Приморского и Хабаровского края, Сахалинской и Амурской области.

Ключевые слова: экономика, оценка уровня экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов России.

Dmitry Vladimirovich Gordienko,
Doctor of Military Science, Professor;
Academician of Academy of Military Science,
Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences,
e-mail: gordienko@ane.ru

**Comparative assessment of the level of economic security
border far eastern region of the Russia**

Global world financial and economic crisis and the political events of the last months on the western borders of our country have updated almost all countries, including the Russian Federation, the issue of long-term adjustment of economic and social development. For Russia, this means, in particular, the implementation of its “Eurasian mission.” In this case, the border regions of the Far East of the Russian Federation – the Khabarovsk and Primorsky Krai, Amur and Sakhalin region – take on this issue key positions. The article is devoted to assessing the level of economic security border of the Far Eastern regions of the Russian Federation: the Primorsky and Khabarovsk Krai, Sakhalin and the Amur region.

Keywords: *economy, assessment of the level of economic security of the border regions of the Far East of Russia.*

Оценка *общего интегрального уровня* экономической безопасности России и других государств мира базируется на определении значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства каждой страны, расчетная формула которого может в первом приближении иметь вид [1–4]:

$$V_{\text{ЭБ}} = \prod_{i=1}^I \beta_i^{\alpha_i}, \quad 0,01 \leq \beta_i^{\alpha_i} \leq 100,$$

где: $V_{\text{ЭБ}}$ – общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства государства;

α_i – вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность государства, здесь и далее полагается, что $\alpha_i=1$;

β_i – значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность государства.

При одинаковой значимости компонент безопасности национальных хозяйств развитых государств мира (т. е. при $\alpha_i=1$) и $I=9$ *наименьшее возможное* значение общего нормированного показателя экономической безопасности государства – $V_{\text{ЭБ},\min} = 10^{-18}$ – соответствует *наименьшему* уровню безопасности национального хозяйства страны. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение этого показателя – $V_{\text{ЭБ},\max} = 10^{18}$ – соответствует *наибольшему* уровню экономической безопасности государства. *Единичное* значение общего (интегрального) нормированного показателя экономической безопасности государства – $V_{\text{ЭБ}} = 1$ – соответствует критическому уровню безопасности национального хозяйства, понижение которого определяет опасность для экономики j -го государства. Это значение соответствует общему (интегральному) условному «порогу», который, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состоянием защищенности и состоянием незащищенности национального хозяйства.

Аналогично, оценка *общих интегральных уровней* экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов может базироваться на определении значений *общих нормированных показателей* безопасности хозяйства этих регионов, расчетная формула которого может в первом приближении иметь вид [1–4]:

$$V_{ЭБ,j} = \prod_{i=1}^I \beta_i^{\alpha_i} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}, \quad 0,01 \leq \beta_i^{\alpha_i} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \leq 100,$$

где: $V_{ЭБ,j}$ – общий нормированный показатель уровня безопасности экономики j -го региона;

$\alpha_{i,j}$ – вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего региональную экономическую безопасность j -го региона, здесь и далее полагается, что $\alpha_{i,j} = 1$;

$\beta_{i,j}$ – значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего региональную экономическую безопасность j -го региона (региональную составляющую общего нормированного показателя уровня безопасности хозяйства j -го региона).

Показателями-индикаторами региональной экономической безопасности могут стать: 1) объем валового регионального продукта (ВРП); 2) валовой сбор зерновых, млн. т; 3) доля инвестиций в основной капитал (в % к ВВП); 4) доля внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки (в % к ВРП); 5) доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции (в %); 6) доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве (в %); 7) доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения (в %); 8) децильный коэффициент дифференциации доходов населения; 9) уровень безработицы (в % к экономически активному населению) и др.

Предполагается, что *наименьшее возможное значение* i -го нормированного частного показателя региональной экономической безопасности – $\beta_{i,j,min} = 0,01$ – соответствует наи-

меньшему уровню экономической безопасности региона при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение i -го нормированного частного показателя – $\beta_{i,j,max} = 100$ – соответствует наибольшему уровню безопасности регионального хозяйства также при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. *Единичное* значение i -го нормированного частного показателя – $\beta_{i,j} = 1$ – соответствует пороговому уровню экономической безопасности региона. Пороговыми уровнями региональной экономической безопасности, например, для *Приморского края* могут быть: 1) для объема валового регионального продукта – доля ВРП в суммарном ВРП по субъектам РФ – 1,0 %; 2) для валового сбора зерновых – доля в валовом сборе зерновых РФ – 0,3 %; 3) для доли инвестиций в основной капитал – доля инвестиций в суммарных инвестициях по субъектам РФ – 1,7 %; 4) для доли внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки – доля в общероссийских расходах на «гражданскую науку» – 0,6 %; 5) для доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции – соотношение фактического и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции – 1,28 %; 6) для доли машиностроения и металлообработки в промышленном производстве – соотношение фактического и среднероссийского значения доли машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленной продукции – 0,7 %; 7) для доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения – соотношение фактического и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума – 1,2 %; 8) для децильного коэффициента дифференциации доходов населения – соотношение фактического и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения – 0,9 %; 9) для уровня безработицы – соотношение фактического и среднероссийского значения уровня безработицы – 0,9 %.

Каждое произведение $\beta_i^{ai} \times \beta_{ij}^{aij}$ представляет собой *нормированный частный показатель экономической безопасности* региона. При этом его общегосударственная составляющая β_i^{ai} характеризует безопасность национального хозяйства в целом (в среднем), а региональная составляющая β_{ij}^{aij} – учитывает отклонение значения нормированного частного показателя экономической безопасности региона от общего (среднего) его значения по стране.

Тогда диапазон значений общего нормированного показателя уровня безопасности экономики j -го региона $Y_{ЭБj}$ при $\alpha_i = \alpha_{ij} = 1$ и $I = 9$ находится в пределах от 10^{-36} до 10^{36} . *Наименьшее возможное* значение общего нормированного показателя экономической безопасности j -го региона – $Y_{ЭБj,min} = 10^{-36}$ – соответствует наименьшему уровню безопасности национального хозяйства и государства и соответствующего региона. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение этого показателя – $Y_{ЭБj,max} = 10^{36}$ – соответствует наибольшему уровню экономической безопасности и государства и региона. *Единичное* значение общего (интегрального) нормированного показателя экономической безопасности j -го региона – $Y_{ЭБj} = 1$ – соответствует критическому уровню безопасности национального хозяйства региона, понижение которого определяет состояние опасности для региональной экономики.

Результаты расчетов значений общих (интегральных) показателей экономической безопасности России, приграничных дальневосточных регионов позволяют определить как влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень безопасности национального хозяйства, так и повышение уровня региональной экономической безопасности при реализации планов экономического роста и социально-экономического развития нашего государства и его дальневосточных регионов.

Список литературы

1. Гордиенко Д. В., Яковлева Н. Г. Мировой финансово-экономический кризис и обеспечение экономической безопасности государства. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. 392 с. ISBN 978-5-00024-007-6.

2. Гордиенко Д. В., Лузянин С. Г. Приморский край: изменение уровня экономической безопасности в период с 1990 по 2025 годы // Вестн. Моск. финансово-юрид. ун-та. М.: МФЮА. 2014. № 2. С. 48–86. ISSN 2224–669X.

3. Гордиенко Д. В., Лузянин С. Г. Оценка уровня региональной экономической безопасности Хабаровского края и динамика изменения защищенности его экономики в период с 1990 по 2025 гг. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 10 (295). С. 40–56; № 11 (296). С. 39–52; № 12 (297). С. 41–61. ISSN 2073–2872.

4. Гордиенко Д. В. Оценка уровня региональной экономической безопасности Сахалинской области и динамика изменения защищенности ее экономики (в период с 1990 по 2025 гг.) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 29 (314). С. 42–60; № 31 (316). С. 43–60. ISSN 2073-2872.

УДК 327.5:327.8:339.165:339.542

Андрей Владимирович Губин,

*канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений,
руководитель Азиатско-Тихоокеанского регионального центра,
Российский институт стратегических исследований,
Дальневосточный федеральный университет,
e-mail: andrey.gubin@mail.ru*

Трехсторонние проекты Россия – Китай – Монголия как основа Евразийской экономической интеграции

Статья акцентирует внимание на развитии трехсторонних связей между Россией, Монголией и Китаем в контексте новых внешнеполитических инициатив данных стран. Особая актуальность подобного сотрудничества связана с ростом разногласий внутри региона Северо-Восточной Азии и некоторой переориентацией Пекина на развитие связей вглубь континента в духе новой стратегии «Экономического пояса Нового Шелкового пути». Россия в этой связи получает новый импульс для реализации концепции Евразийского экономического союза, а Монголия представляет собой связующее звено для возможных интеграционных процессов.

Ключевые слова: *трехстороннее сотрудничество Россия – Китай – Монголия, Евразийский экономический союз, экономический пояс Нового Шелкового пути.*

Andrey Vladimirovich Gubin,
*PhD (Political Sciences), Associate Professor,
Head of Asia-Pacific Regional Center,
Russia's Institute for Strategic Studies,
International Relations Department,
Far Eastern Federal University,
e-mail: andrey.gubin@mail.ru*

Trilateral projects of Russia, China and Mongolia as the basis of Eurasian economic integration

Presented article accents on trilateral ties development among Russia, Mongolia and China considering the contemporary foreign policy initiatives of the respective nations. Current peculiarity is caused by rising tensions among traditional North-East Asian actors as well as feasible pivoting to inner mainland processes introduced by China within the framework of the New Silk Road Economic Belt strategy. Due to these events Russia is given a new leverage for implementing Eurasian Economic Union concept as Mongolia occurred to be a linkage in forming regional integration pattern.

Keywords: *trilateral cooperation Russia–China–Mongolia, Eurasian Economic Union, New Silk Road Economic Belt.*

Монголия – одна из немногих стран региона, у которой нет территориальных споров с соседями. Кроме того, страна с 1992 года провозгласила себя безъядерной зоной и активно выступает за укрепление режимов запрещения и нераспространения оружия массового уничтожения. Согласно высказыванию Посла МНР в США А. Булгаа, Улан-Батор всемерно поддерживает идею возобновления шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме, поскольку заинтересован в развитии сотрудничества с обеими Кореями или объединенным корейским государством [9]. В целом, политический имидж страны в регионе можно оценить как бесконфликтный и позитивный, что способствует развитию внешних связей в различных областях.

По мнению китайских экспертов, «Китай, Россия и Монголия могут способствовать созданию нового международного порядка на основе многополярности как наиболее стабильные страны, вносящие существенный вклад в сохранение мира и разрешение конфликтов» [1].

Общий объем товарооборота между Россией, Китаем и Монголией составляет значительную часть всей торговли в Северо-Восточной Азии. Товарооборот между Китаем и Россией в 2014 году превысил 95 млрд долл. и показал рост в 6,8 % к предыдущему году [6]. Объем торговли между Россией и Монголией в 2014 году приблизился к 1,5 млрд долл. [4], а китайско-монгольский – к 6,8 млрд долл. [12], при этом потенциал еще далек от исчерпания.

Со времени принятия Конституции в 1992 году Монголия пытается проводить так называемую политику «третьего соседа», подразумевающую выстраивание взаимоотношений с Японией, Республикой Корея, США и другими странами для снижения объективного влияния КНР и РФ. Данная концепция была выдвинута госсекретарем США Джеймсом Бэйкером и относилась, прежде всего, к американо-монгольским отношениям, однако позже была расширена и на взаимодействие Улан-Батора с американскими союзниками в Азии [10]. Представляется, что Вашингтон воспользовался политической незрелостью монгольского государства и определенными комплексами, связанными с географической замкнутостью страны и ее историческим опытом зависимости. Вместе с тем после углубления экономического кризиса в Монголии в 2013 году в Улан-Баторе, скорее всего, стали осознавать несостоятельность американской концепции.

Трехсторонний саммит президентов России, Китая и Монголии в Душанбе в сентябре 2014 года в рамках Шанхайской организации сотрудничества продемонстрировал существенные изменения как в политике Улан-Батора, так и намерениях Москвы и Пекина. Встреча состоялась в период значительных изменений в картине мира – Китай занял твердую позицию относительно споров с Японией в Восточно-Китайском море, а также Филиппинами и Вьетнамом в Южно-Китайском море, тогда как Россия сконцентрировалась вокруг кризиса на Украине.

В это же время Монголия оказалась на грани финансового краха – объем иностранных инвестиций упал на 62 %, а рост

ВВП замедлился до 5,3 % по итогам первого полугодия 2014 года [7]. Экономические неудачи могли стать причиной гражданских волнений и в итоге привести к смене власти, в том числе под влиянием третьих сил, учитывая давний опыт работы в МНР американских и западных НКО.

Россия и Китай, столкнувшись с ростом враждебности со стороны США и их союзников, пришли к взаимному соглашению искать новые возможности для сотрудничества. Зарубежные эксперты полагают, что на Четвертом саммите СВДМА в Шанхае в мае 2014 года В. Путин и Си Цзиньпин договорились о совместных действиях в отношении Монголии. Москва не возражает относительно более глубокого проникновения китайских компаний в монгольскую экономику, а Пекин поддерживает российские планы по модернизации железнодорожной сети страны [8].

В августе 2014 года во время визита китайского лидера в Улан-Батор было подписано 26 соглашений, подразумевающих, в том числе, вовлечение Монголии в проект «экономического пояса» Нового Шелкового пути. В Совместной декларации была установлена цель достичь товарооборота в 10 млрд долл. к 2020 году (в 2013 году – 6,3 млрд долл.). Основой должна стать модель «три в одном» – экспорт минерального сырья, создание инфраструктуры и финансовое сотрудничество. Китайская сторона дала обещание предоставить МНР помощь в размере 260 млн долл. в течение трех лет на реализацию базовых экономических проектов, а главы национальных банков договорились о валютных свопах на сумму до 15 млрд юаней для притока валюты на монгольский рынок.

Пять новых соглашений в области транспорта призваны заложить основу для будущей Евразийской экономической интеграции на основе российско-монгольско-китайского сотрудничества. Во-первых, межправительственное соглашение по доступу МНР к морским портам и морскому транзиту. Во-вторых, межправительственное соглашение по развитию сотрудничества в сфере железнодорожных транзитных перевозок. В-третьих, межправительственный меморандум по разви-

тию сотрудничества в железнодорожной отрасли. В-четвертых, меморандум между Министерством дорог и транспорта МНР и Железнодорожной администрацией КНР по возобновлению монгольско-китайского соглашения о приграничных железнодорожных перевозках. В-пятых, соглашение по монгольско-китайскому сотрудничеству в сфере интермодальных перевозок между таможенным ведомством КНР и национальной администрацией сухих портов МНР. Данный документ предусматривает доступ для монгольских экспортеров в порты Тяньзинь, Далянь и Цзиньчжоу. При этом две трети монгольских грузов предназначены для китайского рынка, а одну треть МНР имеет право экспортировать через китайские порты в другие страны. На территории Монголии в этой связи будут создаваться «сухие порты» – логистические терминалы в городах Номрог, Бичигт, Гашуун Сухайт и Шивээхурен [8].

Во время визита главы российского государства В. Путина в Монголию в августе 2014 года было подписано 14 соглашений, имеющих важное политическое значение. Прежде всего, Улан-Батор получил реальную возможность диверсифицировать экономическое сотрудничество, 89 % которого сегодня замыкается на Китай. Некоторые монгольско-российские проекты также более выгодны для Улан-Батора, чем китайские предложения. Например, строительство и электрификация 1 100 км второго пути железной дороги с северной монгольской границы через индустриальную зону Сайншанд в пустыне Гоби до Замын-Уудэ на границе с КНР. Российско-монгольское сотрудничество помимо этого предусматривает развитие железнодорожной сети на западе МНР и ее соединение с российской и китайской магистралями для обслуживания российского экспорта в Китай, Индию и Пакистан. Предусмотрено и использование 230 км пути Чойбалсан – Эрэнцав для перевозок в северо-восточные провинции Китая [11].

Многие иностранные обозреватели увидели в Душанбинской встрече подтверждение углубления трехстороннего сотрудничества и соединение концепций «Талын Зам» («Степной путь»), «экономического пояса» Нового Шелкового

пути и Евразийского экономического союза в проект «Большой Евразии», или единого евразийского экономического пространства. Во время визита президента Элбегдоржа в США в сентябре 2014 года прозвучали мнения американских экспертов, что Монголия возвращается в до-демократические времена, а два мощных соседа не заинтересованы в развитии монгольской экономики, потому наиболее разумным решением было бы придерживаться политики «третьего соседа».

Вместе с тем, после 20 лет поисков торговых партнеров, альтернативных России и Китаю, в Улан-Баторе укрепилось понимание безальтернативности пути развития. Интересно, что рекомендации Всемирного банка и Международного валютного фонда строить автомобильные и железные дороги в южном направлении до китайской границы фактически также были направлены на обслуживание интересов Китая и имели значение только в ближней перспективе для поддержания экономики на плаву. Монгольское руководство в итоге пришло к выводу, что долгосрочные интересы могут быть реализованы только через восстановление комплексного взаимодействия с Москвой. Главным образом, это получение доступа к Транссибирской магистрали и транзитное обслуживание части российско-китайского товарооборота.

В октябре 2014 года в рамках Монгольско-российской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству компания «Дальстроймеханизация» предложила строительство так называемого «Степного пути», включающего 997 км автомобильной дороги, 1 100 км высоковольтной линии, газо- и нефтепровода от населенного пункта Алтанбулаг на севере страны через Улан-Батор до Замын-Уудэ на юге [13].

В октябре 2014 года во время визита в Москву премьер-министра Госсвета КНР Ли Кэцзяна достигнуто соглашение о строительстве через монгольскую территорию высокоскоростной железной дороги Пекин – Москва. Расстояние в 7 000 км пассажирские поезда нового поколения должны будут преодолевать за два дня вместо нынешних семи, общая стоимость про-

екта 230 млрд долл. за 5 лет [8]. Параллельная новому пути Улан-Баторская железная дорога будет модернизирована для использования исключительно для перевозки грузов.

Долгое время монгольское правительство затягивало решение вопроса о ширине колеи новых железных дорог. Однако в конце 2014 года монгольский парламент принял закон, разрешающий прокладку «узкой» колеи в 1435 мм от угледобывающих предприятий до китайской границы (линии Таван Толгой – Гашуун Сухайт, Сайншанд – Замын-Уудэ, Хуут – Бичигт). «Широкая» колея в 1520 мм будет проложена на направлениях Арц Сууры – Эрдэнэт, Таван Толгой – Сайншанд – Баруун-Урт – Хуут – Чойбалсан и Хуут – Номрог.

Упомянутые транспортные и энергетические проекты свидетельствуют о намерении Монголии не бороться с российским и китайским влияниями, а извлечь выгоду из своего срединного положения. Это подтверждает задержка реализации второй фазы совместного проекта с австралийско-британским концерном Rio Tinto по разработке медного и золотого месторождений в районе Оуй Толгой. Данный пример показателен для западных инвесторов в плане падения их реальных возможностей по борьбе с китайской монополией.

По мнению ряда экспертов, МНР будет продолжать поиск новых торговых партнеров и пытаться развивать отношения с Японией, Республикой Корея, странами АСЕАН для диверсификации товаров на внутреннем рынке. Вместе с тем, она будет использовать транспортную инфраструктуру, построенную совместно с Россией и Китаем, следовательно, говорить о полной самостоятельности не приходится. Монгольский интерес в северокорейском порте Расон также может быть реализован только при участии Китая. Модернизация железнодорожной сети позволит МНР получить доступ к рынкам Турции, Ирана, стран Ближнего Востока и Европы, но только при непосредственном участии Москвы и Пекина.

В июле 2015 года президенты Монголии, Китая и России встретились во второй раз в Уфе на Саммитах БРИКС и ШОС. По сообщениям китайских СМИ, председатель Си стал ини-

циатором плана трехстороннего долговременного стратегического сотрудничества. В совместном заявлении указано, что сторонам следует работать над укреплением взаимного доверия в политической сфере, а также продолжать экономическое трехстороннее сотрудничество на взаимовыгодной основе. Базис взаимодействия – осуществление концепции «экономического пояса» Нового Шелкового пути в рамках строительства единого евразийского пространства сотрудничества и стабильности.

На территории Монголии в этой связи планируется реализация пяти ключевых проектов стоимостью 250 млрд долл., включая строительство автомобильной дороги от российской до китайской границы, модернизации железнодорожной сети, прокладку газо- и нефтепроводов как для транзита, так и для нужд монгольских потребителей [5].

Китайские эксперты выделяют два приоритетных транспортных пути для создания общего экономического пространства Россия – Китай – Монголия. Первый путь: Чита – Маньчжоули – Харбин – Суйфэньхэ – Владивосток. Данный путь связывает провинцию Хэйлуцзян как с Европой, так и с морем, причем аналогичные возможности получает и Монголия. Одно из главных препятствий – отсутствие возможности пропускать значительный товаропоток на российском участке ввиду неразвитости приграничной инфраструктуры и ограниченных возможностей порта Владивосток. Второй путь: Чита – Улан-Батор – Чойбалсан – Хух-Хото – Чанчунь – Хуньчунь – Зарубино+Расон. Данный маршрут фактически соединит шесть стран Северо-Восточной Азии, однако имеет высокие политические риски ввиду задействования в нем КНДР и частично Японии. Третий маршрут: Чита – Улан-Батор – Эрэн – Хух-Хото – Пекин – Тяньцзинь. Вариант не слишком выгоден российской стороне, потому, вероятно, будет резервным [2].

По словам Посла МНР в США А. Булгаа, Монголия через партнерство с Китаем и Россией намерена развивать отношения с другими странами АТР в духе видоизмененной политики «третьего соседа», однако она не заинтересована в том, что-

бы какая-либо страна конкурировала с российскими и китайскими предложениями. Улан-Батор рассматривает возможность вступления в ШОС, которая становится мощным экономическим центром, однако требуется уточнение по повестке участия МНР в вопросах безопасности. Монголия заинтересована в работе в формате АТЭС, так как сотрудничество со странами организации составляет 90 % товарооборота. На Китай, Канаду и Россию приходится 96 % экспорта страны, а Россия, Китай, США, Япония и Ю. Корея импортируют в МНР 77 % от общего объема ввозимых ею товаров и услуг. Особо привлекательно для Улан-Батора то, что в АТЭС участвуют не правительства, а экономики, что деполитизирует сотрудничество и позволяет сохранять нейтралитет по ряду чувствительных региональных вопросов [9]. Примечательно, что Улан-Батор активно поддержал «Пекинскую дорожную карту» по созданию Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, принятую на Саммите АТЭС в Пекине в 2014 году, и выразил желание присоединиться к такому механизму.

Ранее США и их союзники поощряли сближение МНР и КНР для уменьшения пространства безопасности вокруг России, однако по мере обострения американо-китайских отношений ключевой задачей Вашингтона стало поддержание атмосферы соперничества и недоверия между РФ, КНР и МНР. Монгольско-американские отношения развиваются на основе Рамочного соглашения о торговом и инвестиционном сотрудничестве 2004 года. США – четвертый торговый партнер Монголии, товарооборот между двумя странами приблизился в 2014 году к отметке в 500 млн долл. Однако объем американских инвестиций составляет всего 300 млн долл., и возможностей для их роста сегодня практически нет ввиду переориентации Улан-Батора на сотрудничество с Москвой и Пекином. Вместе с тем, следует учитывать двадцатилетний опыт работы американских и европейских НКО на территории Монголии, при некоторых условиях данные организации способны инициировать нежелательную гражданскую активность антироссийской или антикитайской направленности.

В СВА функционирует ряд механизмов сотрудничества и построения мер доверия, однако отсутствует четкая институциональная структура. Монголия относительно недавно инициировала Улан-Баторский диалог, который является региональным форматом построения мер доверия на принципе открытости. За последние два года Монголия провела ряд мероприятий, таких как Встреча женщин-парламентариев стран Северо-Восточной Азии, Форум мэров городов стран СВА, несколько крупных международных конференций по безопасности. Вероятно, данную тенденцию было бы целесообразно развивать, оказывая организационное и финансовое содействие монгольской стороне. В данном случае России и Китаю удастся контролировать повестку мероприятий, а также изучить отношение других стран к трехсторонним проектам. Примечательно, что китайские ученые указывают на необходимость тесного сотрудничества «мозговых центров» России, Монголии и Китая для выработки согласованных решений, равно как и лучшего информирования общественности о действительной направленности проектов и их практической пользы [3].

Российские аналитики полагают, что политическая роль Монголии в будущем «евразийском концерте» будет ограниченной, выступать единым фронтом в принятии решений с центральноазиатскими республиками она, вероятно, не намерена. Главное, чтобы Улан-Батор четко понимал задачу ограничения вмешательства в дела Евразии США и их союзников. У Монголии существенно сократится свобода маневра при проведении политики «третьего соседа», однако это ведет к значительному экономическому выигрышу от эксклюзивных условий сотрудничества с РФ и КНР [14].

Список литературы

1. Гао Фэй. Почему Китай уделяет внимание сотрудничеству между Китаем, Россией и Монголией // Сотрудничество Китая, Монголии и России: материалы междунар. конф. (28–30 апр. 2015 г.). Далянь, КНР. С. 89–90.

2. Ли Синь. Содействие китайско-монгольского экономического коридора развитию регионального экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Сотрудничество Китая, Монголии и России: материалы междунар. конф. (28–30 апр. 2015 г.). Далянь, КНР. С. 118–121.
3. Ли Юнцюань. Создание экономического коридора Китай – Монголия – Россия: проблемы и перспективы // Сотрудничество Китая, Монголии и России: материалы междунар. конф. (28–30 апр. 2015 г.). Далянь, КНР. С. 123–124.
4. Обзор торговых отношений России и Монголии в 2014 году [Электронный ресурс] // Экспортеры России: единый информационный портал. Режим доступа: <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/2492/> (дата обращения: 11.11.2015).
5. Саммит в Уфе – большой шаг для Китая, России и Монголии. (Уфа фынхуй Чжун Э Мын цзай чу да чжао) [Электронный ресурс] // Жэньминьван: информ. агентство. 2015 г. 10 июля. Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0710/c1001-27287050.html> (дата обращения: 15.12.2015). Кит. яз.
6. Товарооборот России и Китая за 2015 год превысил 95 млрд долларов // Российская Газета. 2015 13 янв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/01/13/torgovla-anons.html> (дата обращения: 11.01.2016).
7. Asian Development Outlook-2014. Update (Manila, 2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://adb.org/sites/default/files/pub/2014/ado2014update.pdf> (дата обращения: 14.11.2015). Англ. яз.
8. Campi, Alicia. Transforming Mongolia-Russia-China Relations: The Dushanbe Trilateral Summit [Электронный ресурс] // The Asia-Pacific Journal. Vol. 12. Is. 45.No. 10. 2014. Режим доступа: <http://japanfocus.org/Alicia-Campi/4210/article.html> (дата обращения: 10.12.2015). Англ. яз.
9. Diplomatic Access: Mongolia [Электронный ресурс] // The Diplomat. 2015. March 16. Режим доступа: <http://thediplomat.com/2015/03/diplomatic-access-mongolia/> (дата обращения: 20.10.2015). Англ. яз.
10. Dorjjugder, Munkh-Ochir. Mongolia's Third Neighbor Doctrine and North Korea [Электронный ресурс] // The Brookings Institute. 2011. Режим доступа: <http://www.brookings.edu/research/papers/2011/01/28-mongolia-dorjjugder> (дата обращения: 14.11.2015). Англ. яз.
11. Mongol. Messenger. 2014. September 19. Англ. яз.
12. Mongolia – China Relations // Монгол Улсын Гадаад Хэргийн Яам (М-во ин. дел Монголии) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mfa.gov.mn/?p=29545> (дата обращения: 22.01.2016). Англ. яз.
13. Oolun, B. 1000 km highway planned to connect China and Russia // The Mongol Messenger. 2014. October 17. Англ. яз.

14. Trenin, Dmitriy. Mongolia's Third Neighbor [Электронный ресурс] // Carnegie. Moscow Center. 2013. October 4. Режим доступа: <http://carnegie.ru/eurasiaoutlook/?fa=53208> (дата обращения: 15.12.2015). Англ. яз.

УДК 130.2:323(510)

Софья Александровна Дорожкова,

студент,

e-mail: sofia-d@mail.ru

Татьяна Николаевна Кучинская,

д-р филос. наук,

профессор кафедры востоковедения,

Забайкальский государственный университет,

e-mail: kuchinskaya_1@mail.ru

Культурные бренды

как инструмент «мягкой силы» Китая

В статье рассматриваются культурные бренды как инновационный механизм реализации культурной «мягкой силы» Китая. Основываясь на анализе аутентичных источников по теме, авторы выявляют принципы и специфику построения китайских культурных брендов, подробно описывают результаты работы Центра исследования брендов китайских культурных индустрий, уточняют содержание и цели китайской стратегии продвижения культурных брендов.

Ключевые слова: культурный брендинг, культурные индустрии, «мягкая сила» китайской культуры, культурные бренды Китая.

Sofiya Alexandrovna Dorozhkova,

Student,

e-mail: sofia-d@mail.ru

Tatiana Nickolaevna Kuchinskaya,

Doctor of Philosophy,

Professor of Oriental Studies Department,

Transbaikal State University,

e-mail: kuchinskaya_1@mail.ru

Cultural brands as an instrument of China's "soft power"

The article examines cultural brands as innovative mechanism to implement cultural "soft power" of China. Basing on the analysis of authentic sources on the subject the authors identify the principles and specific features Chinese cultural brands, describe in detail the results of the Research Center

for Chinese brands of cultural industries, clarify the content and objectives of China's strategy of promoting cultural brands.

Keywords: *cultural branding, cultural industries, China's cultural "soft power", China's cultural brands.*

Одним из важнейших компонентов репрезентативной стратегии коммуникации в современном мире выступает конструирование образа объектов, применяемое к отдельным товарам или услугам, предприятию или отдельной личности, конкретному месту или событию. Особого интереса в данном контексте заслуживает процесс построения имиджа отдельных стран и регионов посредством продвижения культурных брендов данных территорий.

В настоящее время ведущую роль играют культурные бренды страны, которые активно используются для демонстрации своих культурных ценностей и их распространения [7], выступая одним из инструментов «мягкой силы». Повышение интереса к брендингу отдельных стран предшествовало и дало основу для осознания актуальности целенаправленного конструирования бренда регионов как внутри страны, так и за ее пределами, в т. ч. с привлечением культурных ресурсов.

Региональный культурный бренд – это ресурс продвижения региона, который основан на каком-либо историко-культурном событии, памятнике культуры или же связан с конкретной исторической личностью. При этом региональный культурный бренд ориентирован как на местное население с целью формирования у него чувства единства, патриотизма, так и на внешних потребителей с целью привлечения людей, ресурсов и заказов, которые необходимы региону для его развития.

Основой формирования региональных культурных брендов являются краеведческие информационные ресурсы (КИР), которые включают в себе огромный потенциал для развития территории и представляют собой: научные достижения, произведения художественного творчества, традиции, обычаи,

обряды и др., способствуя производству новых культурных ресурсов, обеспечивая устойчивость и продвижение региона в мировом сообществе. КИР являются своеобразным генетическим кодом культурной среды, сохраняют ее идентичность, обеспечивают устойчивость ментальных структур и защищают от воздействия импульсов внешних факторов, особенно если те несут угрозу ее жизнеспособности [4].

Китай, обладающий богатой и разнообразной культурой, имеющий свои уникальные традиции и обычаи, уделяет значительное внимание процессу создания культурных брендов как части государственной стратегии развития индустрии культуры, повышения ее международной конкурентоспособности и в целом продвижения китайской культурной «мягкой силы» вовне.

Руководство КНР стремится «тщательно выстраивать бренд китайской культуры» [5], придерживаясь при разработке конкретных культурных брендов ряда принципов, к которым относят следующие:

1. *Принцип сохранения оригинальности.* С одной стороны, культурные проекты должны быть творческими, инновационными и популярными, но, с другой стороны, они должны отражать неповторимую оригинальность традиционной китайской культуры и выступать носителями ее ценностей. Так, авторы «Доклада о развитии культурных брендов Китая» [1] к таковым культурным брендам относят следующие: серия книг новейшей истории Китая под названием “China Stories” (话说中国); один из самых известных мультфильмов «Синий кот» (蓝猫); самый большой народный коллектив песен и плясок «Образ Юньнань» (云南映象); мероприятие, посвященное 70-летию «Великого похода» Китайской Красной Армии; «Музыкальный конкурс революционных песен Китая» (中国红歌会) и т. д.

2. *Принцип учета региональной специфики* при формировании и развитии культурных брендов. Первостепенную важность в этом процессе играет тщательное исследование регионального культурного бренда, определение цели его создания

в данном регионе, анализ его дальнейшего развития и конкурентоспособности на рынке. Высокая региональная дифференциация и несбалансированность экономического развития в Китае определяют развитие различных типов региональных культурных брендов. Так, высокоразвитые крупные города и прибрежные районы КНР, опираясь на достижения в экономической, научно-технической сферах и качественные людские ресурсы, имеют возможность усиленно развивать инновационные типы культурных брендов, главным критерием формирования которых выступает гармоничное сочетание национального стиля и инноваций. При этом в экономически слабых районах центрального и западного Китая создание культурных брендов тесно связано лишь с ресурсными преимуществами территорий (местными достопримечательностями, богатой этнической культурой, своеобразными ремесленными изделиями и т. д.), на которые они могут опираться при формировании культурных бренд-стратегий. Культурные индустрии различных регионов КНР ищут свои ниши на рынке, выстраивая культурные бренды в соответствии со своей региональной спецификой.

3. Принцип ориентации на внутренний и международный рынок. Культурные бренды КНР должны разрабатываться с перспективой выхода на международную арену, быть конкурентоспособным продуктом на внешнем рынке. Китайские эксперты в области развития культурных индустрий считают, что в условиях реализации стратегии построения «могущественного культурного государства» и «выхода вовне» китайской культуры необходимо обеспечить возможность национальным культурным брендам вступить как в диалог, так и в здоровую конкуренцию с мировыми культурными брендами.

Данные меры направлены на решение проблем, которые возникают в процессе развития культурных брендов Китая, а именно: невысокая конкурентоспособность культурных брендов, неравномерное их развитие в различных регионах страны, наличие разных возможностей для стабильного развития некоторых брендов и т. д. [6].

Таким образом, китайские ученые первоначально рассматривают *культурный бренд* как ядро конкурентоспособности культурной индустрии и важное проявление национальной культурной «мягкой силы» Китая. Культурный бренд олицетворяет единство материальных и нематериальных активов и является показателем уровня развития культурной индустрии страны [2]. При этом культурные бренды имеют свои особенности. В настоящее время эксперты выделяют ряд характерных черт развития культурных брендов Китая, к которым относят следующие:

1. «*Научный подход*» к разработке культурных брендов КНР предполагает тщательный анализ конъюнктуры и динамики развития национального и мирового рынка культурной продукции, исследование развития различных видов культурных индустрий в Китае, разработку теории и практических механизмов бренд-менеджмента. Обозначенными проблемами в КНР занимается специально созданный в 2006 г. при Центральном Южном университете (г. Чанша, пров. Хунань, КНР) Центр исследования брендов китайских культурных индустрий (中南大学中国文化产业品牌研究中心), объединяющий группу исследователей, партийных и общественных деятелей под руководством профессора Оуян Юцюаня [10].

С момента своего создания Центр ежегодно публикует сборник «Докладов о культурных брендах Китая» под редакцией Оуян Юцюань и Бай Динго. Так, в 2009 г. научно-исследовательской группой впервые была представлена обширная классификация 159 наиболее крупных культурных брендов КНР с выделением двух уровней – основного и второстепенного. Из 96 (60,4 %) основных брендов 27 (17 %) приходилось на издательское дело; 25 (15,7 %) – на телевидение и радиовещание; 21 (13,2 %) – на художественное и театральное искусство; 10 (6,3 %) – на киноиндустрию; оставшаяся часть – на различные культурные услуги (аукционы произведений искусства, реклама культурных проектов и т. д.). Из общего количества второстепенных культурных брендов (38,4 %) 16 брендов (10,1 %) приходилось на интернет, другие

16 (10,1 %) – на культурный туризм, 12 (7,5 %) – на аниме, 5 (3,1 %) – на культурные развлечения [6, с. 61–63].

2. *Приоритет развития оригинальных брендов КНР*, отражающих специфику традиционной культуры. Бренд национальной культуры должен отражать культурную самобытность нации и важнейшие достижения данной культуры. С этой точки зрения культурный бренд страны или региона является важным проявлением всеобъемлющей силы и значимым символом культурного развития и процветания. Культурный бренд выступает своеобразным транслятором национального духа и культурных ценностей, способным стимулировать национальную гордость, идентичность китайского народа. Так, согласно данным Доклада (2009 г.) из 159 культурных брендов 37 (23,3 %) составили оригинальные телевизионные программы, фильмы, театральные постановки, так или иначе демонстрирующие культурно-историческое наследие Китая.

3. *Богатство культурных ресурсов для построения культурно-туристских брендов КНР*. Китай обладает богатым культурным фондом, что является ценным ресурсом для культурного туризма и обеспечения культурного отдыха и развлечений. Объектами данного фонда выступают различные туристические парки, уникальные кварталы, мероприятия разного масштаба, определяющие специфику той или иной местности, и т. д. Яркими примерами таких объектов брендинга выступают: самый красивый город Китая – Феникс (пров. Хунань), райский очаровательный город Лицзян (пров. Юньнань), царский дворец и буддийский храмовый комплекс – дворец Потала (Лхаса, Тибетский автономный район) и др.

4. *Наращивание творческого потенциала в сфере культурных индустрий*. Как результат государственной стратегии «воспитания талантов» в КНР множится количество творческих лидеров, способных выступить центральным звеном национальной бренд-стратегии. Так, согласно данным Доклада (2009 г.) из 159 культурных брендов страны 17 относились к брендам-личностям, среди которых были известные люди

спорта, кино, телевидения и др. Примером такого рода культурных брендов-личностей могут служить следующие: китайский историк, учитель и писатель И Чжунтянь, ведущий канала CCTV-10, автор передачи о династии Хань и периоде Троецарствия в Китае; китайский кинорежиссер, актер и сценарист Фэн Сяоган; звезда баскетбола Яо Мин и др. [11].

В целом за период с 2006 по 2015 гг. Центр исследования брендов китайских культурных индустрий опубликовал восемь Докладов, в которых в общей сложности были представлены примеры 312 культурных брендов Китая [9]. В последнем «Докладе о развитии культурных брендов Китая» (2014 г.) исследователи Центра представили 30 наиболее популярных брендов различных культурных индустрий 2014 года. В список вошли следующие бренды: реалити-шоу для детей «Папа, куда ты?» (爸爸去哪儿); новостная сеть «Синьхуа» (新华网); китайская телекоммуникационная компания Сяоми (小米科技); интернет-версия «Жэньминь жибао» (人民网); озеро Канас (喀纳斯湖); парк Ихэюань (颐和园); сеть книжных магазинов Чэнпинь на Тайване (诚品书店); китайская газета «Глобал таймс» (环球时报); первый китайский сайт онлайн-игр и другого развлекательного контента «Цзю Ю» (久游公司); китайско-сингапурский экогород в Тяньцзине (中新天津生态城) и т. д. [8].

В настоящее время создан сайт под названием «Культурные бренды Китая», на котором каждый желающий может проголосовать за уже отобранные экспертами по разным критериям культурные бренды в различных категориях, таких как: художественный фильм, ТВ-шоу, периодическое издание, рекламное агентство, прикладное искусство, сайт интернет-бизнеса, анимационная студия, туристический парк, экопарк, выставка и т. д., определив тем самым лучшие культурные бренды в текущем году [8].

Анализ публикаций китайских исследователей по теме показал, что под культурным брендом в узком смысле понимают товарный знак, узнаваемую торговую марку культурной продукции или предприятия. Также объектом брендинга мо-

гут выступать события, люди, целые города, регионы и страны. Культурные бренды Китая, являющиеся одним из механизмов культурной «мягкой силы», в настоящее время успешно формируются, реализуются и развиваются как внутри страны, так и за ее пределами. Региональные культурные бренды становятся неотъемлемой частью региональной политики КНР [3]. При этом четко прослеживается специфика китайской стратегии построения региональных культурных брендов, которая заключается в «научном подходе» к ее разработке; сочетании традиционных культурных ценностей и инновационных механизмов реализации; учете региональной специфики и условий мировой конкурентной среды. Построение культурных бренды, являясь компонентами культурной стратегии Китая, направлено не только на стимулирование развития сферы культуры, но и на экономическое, научно-техническое, инновационное развитие отдельных регионов и страны в целом.

Список литературы

1. 2011: Доклад о культурных брендах Китая / под ред. Оуян Юцюань, Бай Динго. Пекин: Маркет Пресс, 2011. 438 с.
2. Кучинская Т. Н. Культурные бренды в социокультурном пространстве Китая: региональные практики Северо-Восточного региона // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. Вост. центра. 2011. №10. С. 119–126.
3. Кучинская Т. Н. Стратегии построения культурных брендов как фактор регионального развития: опыт КНР // Имиджевая политика Российской Федерации: теория и практика регионов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (02–04 июля 2012 г.) / отв ред. А. В. Кузьмин. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. С. 54–65.
4. Левочкина Н. А. Региональные культурные бренды как тренд развития территорий // Экономика и социум: электрон. периодическое изд. 2015. № 3 (16).
5. Новое предложение в развитии Китая: строить бренд китайской культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2010-08/03/c_12400068.htm (дата обращения: 20.01.2016).
6. Оуян Юцюань. Чжунго вэньхуа пиньпай дэ тэчжэн цзи фачжань дуйцэ – и «Чжунго вэньхуа пиньпай баогао» вэйли. = Особенности и стратегия развития культурных брендов Китая на примере «Доклада о развитии культурных брендов Китая» // Вестн. ун-та Шэньчжэнь (гуманитарные и общественные науки). 2009. № 26 (4).

7. Тульчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. = Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб.: Филол. фак. СПбГУ: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013. С. 9–10.

8. Чжунго вэньхуа пиньпай. = Культурные бренды Китая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zt.voc.com.cn/Topic/2015zgwhppbg/> (дата обращения: 20.01.2016).

9. «Чжунго вэньхуа пиньпай фачжань баогао (2014)» фабу. = Опубликовано «Доклад о развитии культурных брендов Китая (2014)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://finance.sina.com.cn/roll/20140516/143419133645.shtml> (дата обращения: 20.01.2016).

10. Чжуннань дасюэ Чжунго вэньхуа чанье пинпай яньцзю чжунсинь. = Центр исследования брендов китайских культурных индустрий [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kjc.csu.edu.cn/showNews_1403.html (дата обращения: 20.01.2016).

11. 2015 нянь Чжунго вэньхуа пиньпай баогао линьсюань тоупяо гунгао. = Коммюнике о выборе путем голосования культурных брендов Китая в 2015 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zt.voc.com.cn/Topic/article/201412/20141231110249960.html> (дата обращения: 20.01.2016).

УДК 130:323 (510)

Кристина Сергеевна Дубровская,

*аспирант кафедры востоковедения,
специалист отдела международных проектов и программ
управления международной деятельностью,
e-mail: hatkova@inbox.ru*

Валентина Сергеевна Морозова,

*д-р филос. наук, доцент,
профессор кафедры востоковедения,
начальник управления международной деятельностью,
Забайкальский государственный университет,
e-mail: morozova1550@mail.ru*

Особенности генезиса приграничных социокультурных пространств Россия – КНР

В статье рассмотрена специфика диффузионных процессов, осуществляющихся в приграничье Россия – КНР. Выделены основные формы генезиса приграничных социокультурных пространств Россия – КНР. На примере Забайкальского края показана динамика трансформа-

ции социокультурного приграничного пространства и выделены особенности этнокультурной, культурно-туристической и научно-образовательной форм генезиса.

Ключевые слова: диффузионные процессы, генезис, приграничные социокультурные пространства, межкультурное взаимодействие Россия – КНР.

Kristina Sergeevna Dubrovskaya,

*Postgraduate Student of Oriental Studies Department,
Specialist of Department on work with foreign students*

*Office for International Affairs,
e-mail: hatkova@inbox.ru*

Valentina Sergeevna Morozova,

*Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of Oriental Studies Department,
The Head of Office for International Affairs,*

*Transbaikal State University,
e-mail: morozova1550@mail.ru*

The specificity of Russian-Chinese sociocultural border space genesis

The article deals with the specificity of diffusion processes, which are realizing in Russia-China borderland. The basic forms of the Russian-Chinese sociocultural border space genesis are highlighted. On the example of Transbaikal region authors show the dynamics of Russian-Chinese sociocultural border space transformation and highlight the specificity of ethnocultural, cultural and tourism, scientific and educational forms of genesis.

Keywords: *diffusion processes, genesis, sociocultural border space, Russian-Chinese intercultural cooperation.*

Межрегиональное сотрудничество государств в различных областях обуславливает образование единых приграничных пространств, включающих территории соседних стран и функционирующих с учетом целей сотрудничества. Данная ситуация позволяет внутренним регионам государства выходить на новый уровень развития и установления связей с внутренними регионами других стран [1]. Именно в приграничных регионах происходит непосредственное соприкосновение культур, что способствует возникновению особых социокультурных пространств. Данная культурная целостность способна ассимилировать различные элементы граничащих культур.

Выделение культуры в качестве важнейшего элемента межрегионального сотрудничества государств и процесса приграничного взаимодействия дает возможность изменить видение приграничного региона, осознать его роль в трансляции ценностей общенациональной культуры, понять значимость его вклада в социокультурное пространство страны.

Философское осмысление генезиса приграничных пространств становится возможным в рамках региональной культурной антропологии, среди тематических работ которой выделяются труды по изучению региональных этнокультурных ландшафтов народов Сибири, исследованию ландшафтов крупных сибирских городских центров и т. д. Несмотря на то, что в последнее время границы исследований в области культурной антропологии все чаще переориентированы от значительных культурных пластов к дискурсу местных региональных культур, отмечается недостаток работ касаясь исследования приграничного взаимодействия региональных культур и выраженности данного взаимодействия в этнокультурном ландшафте территорий. Более того, отмечена концентрация научно-исследовательских работ на вопросах и проблемах функционирования геокультурного пространства Восточной Европы, в то время как взаимодействие культур в азиатском ареале остается требующим дополнительных исследований.

Развитие и взаимодействие приграничных социокультурных пространств Россия – КНР характеризуется возникновением диффузионных процессов, в результате которых приграничье Россия – КНР приобретает уникальные характеристики. Данные пространства характеризуются более сложным генезисом по сравнению с центральными регионами, что обусловлено полиэтничностью и поликонфессиональностью проживающих на приграничных территориях национальных меньшинств [2].

Значительным фактором, влияющим на степень подверженности приграничья процессам трансформации, является его территория. Так, крупномасштабные приграничные социокультурные пространства редко могут быть полностью изме-

нены, а тенденция к трансформации более характерна для небольших территорий. Процессы культурной диффузии опосредуют развитие приграничных социокультурных пространств, их генезис и подразумевают заимствования достижений одной культуры у другой [2].

Так, например, Забайкальский край как приграничный российский регион под воздействием ряда факторов, в частности социокультурного, активно включается во взаимодействие с приграничными регионами КНР. В последнее время в Забайкальском крае осуществляется популяризация древнекитайских практик саморазвития – ушу и цигун. Успешно функционирует Федерация традиционного ушу Забайкальского края, что свидетельствует о значительной вовлеченности населения данного региона в китайское социокультурное пространство. Кроме того, расширение влияния китайской культуры очевидно в увлечении населения Забайкальского края даосской практикой символического освоения пространства «фэншуй» и в умении использовать китайские палочки в качестве столового прибора. Площадь «Матрешка» в приграничной Маньчжурии является примером заимствования традиционной русской культуры на территории КНР и символизирует дружбу между двумя государствами.

Кроме того, реализация диффузионных процессов осуществляется посредством заключения смешанных браков между гражданами РФ и КНР. Так, в выпуске «Российской газеты» (являющейся официальным печатным органом Правительства РФ) от 25 мая 2015 года, Международное радио Китая (МРК) опубликовало рекламный материал, агитирующий российских граждан вступать в брак с гражданами КНР. Среди достоинств китайских мужчин были указаны отсутствие вредных привычек и ответственность, а главными плюсами россиянок авторы объявления посчитали образованность, красоту, трудолюбие и либеральность в отношениях. Согласно статистике, представленной руководителем регионального департамента ЗАГС О. Ю. Корягиной, самое большое количество русско-китайских браков было заключено

в 2007 г., их количество составило 16. В 2014 году в Забайкальском крае из 154 браков с иностранцами 14 союзов были заключены с гражданами КНР. Подобные союзы являются примером диффузии двух культур, увеличение которых может стать причиной социокультурной трансформации приграничного региона и представлять собой угрозу социокультурной безопасности российско-китайского приграничья.

Генезис приграничных социокультурных пространств Россия – КНР осуществляется в различных формах, в частности этнокультурной, культурно-туристической и научно-образовательной.

Этнокультурная форма представлена проведением международных фестивалей культуры и искусств, выставок этнических ремесел народов России и Китая, презентаций национальных культур, культурных фестивалей [3]. Например, в течение 2014 года в целях продвижения культуры Китая на территории Забайкальского края Государственным учреждением культуры «Забайкальская краевая универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина» были проведены следующие мероприятия:

- праздничное мероприятие «Новый год по лунному календарю», организованное совместно с китайской и монгольской студенческими общинами;
- медиалекторий «Деловой этикет в Китае»;
- познавательный час «КНР: история успеха»;
- просмотр и обсуждение фильма «Мулан», производства КНР;
- олимпиада по русскому языку для иностранных студентов, организованная совместно с кафедрой РКИ ЗабГУ;
- познавательный час «Неиссякаемая мудрость Китая. Конфуций».

Также в рамках мероприятий по обоюдному обмену литературой Маньчжурскому институту Университета Внутренней Монголии библиотекой предоставлены материалы и книги краеведческого характера, учебная литература по русскому языку, периодические издания Забайкальского края.

Культурно-туристическая форма реализуется посредством взаимных поездок, в ходе которых развиваются туристические связи РФ и КНР [3]. Так, с 10 по 13 и с 12 по 15 августа 2014 года Забайкальский край совместно с китайскими партнерами организовали поездку туристического поезда «Звезда Европы и Азии». Более 600 китайских туристов посетили город Чита. Функционирование туристических поездов реализует идею современного Великого Шелкового пути, обеспечивает примыкание железных дорог Европы и Азии. В 2014 году Управлением посредством туристических выставок, биржи деловых контактов российских и китайских туристических фирм с привлечением ресурсов средств массовой информации, телевидения и Интернета активно продвигалась идея автопробегов на российской территории, оказывалась поддержка туристическим фирмам китайской стороны, заинтересованным в продвижении данного туристического продукта. В сентябре Министерством МСВЭСТ организована очередная поездка забайкальских детей в составе 100 человек (включая сопровождающих лиц) в город Хух-Хото АВРМ (КНР) проект «Визит юности, мира и дружбы-2014». Забайкальские дети получили возможность проявить творческие способности, повысить свой уровень знаний, ознакомиться с многовековой историей и культурой одного из древнейших государств мира, а также получить опыт общения с зарубежными сверстниками. Целью данного проекта является укрепление взаимопонимания и дружественных отношений между Россией и Китаем.

Научно-образовательная форма генезиса социокультурных пространств РФ и КНР основана на совместных научных проектах, языковых стажировках, практиках студентов и др. Так, например, согласно данным Министерства образования Забайкальского края, в рамках реализации «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях» (заключенного в г. Москве 26.06.1995 г.) осуществляется научно-исследова-

тельское сотрудничество и работа со специалистами российской стороны по консультированию молодых преподавателей Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии, которые готовятся к защите кандидатских диссертаций. Так, на диссертационном совете была успешно пройдена защита преподавателя Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии Чжоу Юй, защита диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук была назначена на май 2015 года. Кроме того, в сборнике ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации» опубликованы работы преподавателей Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии. Молодые ученые университета приняли активное участие в китайско-российском форуме развития и сотрудничества молодых ученых и исследователей на базе Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии.

Целесообразно отметить, что межвузовское сотрудничество, осуществляемое между крупнейшим региональным вузом Забайкальского края и вузами КНР, играет значительную роль в генезисе приграничных социокультурных пространств Россия – КНР. Среди образовательных учреждений Китая, осуществляющих взаимодействие с Забайкальским государственным университетом в приграничье, можно сделать акцент на сотрудничестве с такими вузами и институтами, как:

- Цзилиньский педагогический университет (г. Сыпин);
- Шаньдунский институт технологии и бизнеса (г. Яньтай);
- Харбинский политехнический университет (г. Харбин);
- Университет Внутренней Монголии (г. Маньчжурия);
- Колледж русского языка (г. Маньчжурия);
- Хулуьбуирский институт (г. Хулуьбуир);
- Цицикарский университет (г. Цицикар);
- Северо-восточный педагогический университет (г. Чанчунь) и др.

Таким образом, генезис приграничных социокультурных пространств Россия – КНР является сложным и исторически сложившимся процессом, который осуществляется в различных формах. Исследование его специфики позволит осуществить прогнозирование возможных тенденций, выработать понимание последствий двустороннего взаимодействия и предупредить негативные трансформации в приграничье Россия – КНР.

Список литературы

1. Зимина Н. С. Социокультурное пространство Забайкальского края в условиях трансграничного взаимодействия приграничных регионов Россия – КНР // Вестн. ЧитГУ. 2011. № 4 (71). С. 25–26.
2. Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013. С.30.
3. Чжоу Юй. Практики развития социокультурного пространства китайского приграничья в условиях межкультурного взаимодействия: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2015. С. 17.

УДК 316.3

Светлана Базаржаповна Дугарова,
аспирант кафедры востоковедения,
Забайкальский государственный университет,
e-mail: sveta.sod@gmail.com

Стратегия «державы высококвалифицированных кадров» в КНР

КНР – страна избыточных трудовых ресурсов, но для выхода на новый уровень развития наряду с материальными ресурсами необходимы и человеческие ресурсы высшего уровня. В статье рассматривается стратегия «державы высококвалифицированных кадров». Данная стратегия является комплексной мерой руководства КНР по наращиванию и развитию человеческого потенциала в стране.

Ключевые слова: *КНР, человеческий потенциал, высококвалифицированные кадры, конкурентоспособность.*

Svetlana Bazarzhapovna Dugarova,
*Postgraduate Student of Oriental Studies Department,
Transbaikal State University,
e-mail: sveta.sod@gmail.com*

The strategy of “power of highly qualified personnel” in China

China is a country of surplus labor resources, but it needs human resources with higher level of professional training and education, along with material resources. The article discusses the strategy of “power of highly qualified personnel” in China. This strategy is a comprehensive measure of China’s leadership to capacity and to develop human potential in the country.

Keywords: *People’s Republic of China, human potential, highly qualified personnel, competitiveness.*

Усиление экономического потенциала Китая, изменение внутрисполитической обстановки, изменение соотношения сил на международной арене заставляют КПК принимать меры по наращиванию человеческого потенциала в стране.

Реформы в современном китайском обществе регламентируются общей концепцией «построения социализма с китайской спецификой». Если раньше основной упор делался на стратегию «приоритета экономической эффективности», то на новом этапе модернизации центральной задачей стал переход от «одностороннего экономического рывка» к «всестороннему построению общества малого благоденствия», требующему одновременного развития экономики, политики, социальной сферы, а также всестороннего развития человека. Этот поворот был ознаменован на XVI съезде партии, который выдвинул такую модель социального развития, где «человек – основа, а согласованное развитие экономики и общества – основной ценностный ориентир». Здесь видна интерпретация конфуцианской концепции о первичности морали, о невозможности реформирования государства без реформирования человека. Интересы народа, развитие человека становятся главной темой современности. В центре общественного прогресса и развития встал человек. Путь к сильной державе стал миссией народа всей страны.

По мнению ученых кафедры востоковедения Забайкальского государственного университета В. А. Абрамова и Н. А. Абрамовой, «модернизационное развитие Китая сосредоточилось и определяется созданием экономического потенциала страны. Но особая роль в сложившихся условиях отводится человеческому потенциалу, человеку как “основе основ”, как творцу модернизационного процесса. Это обусловило настоятельную необходимость реализации в Китае стратегий формирования нового человека, развития человеческого потенциала» [1].

Практической программой действий на данном пути стала «стратегия создания державы высококвалифицированных кадров» (жэньчай тянго чжанлюе). Она была выдвинута в 2003 г. в «Решении ЦК КПК и Госсовета по укреплению работы по подготовке высококвалифицированных кадров». Данная стратегия явилась комплексной программой по наращиванию и развитию человеческого потенциала, помимо материального, духовного, социального, технологического потенциалов. Подчеркивалось, что «государство с большим по численности населением должно превратиться в державу высококвалифицированных кадров» [2].

На XVIII съезде КПК, проходившем с 8 по 15 ноября 2012 года, Ху Цзиньтао отметил: «Важно поддерживать партийные принципы управления человеческими ресурсами, накопление особо значимых человеческих ресурсов во всех областях необходимо сделать центральной задачей партии и государства» [6].

«Чтобы содействовать социалистической материальной культуре, политической культуре, строительству духовной цивилизации, сделать большой вклад в великое дело строительства социализма с китайской спецификой, партии и государству необходимы высококвалифицированные кадры», – также заявил Ху Цзиньтао [2, с. 11].

Данное высказывание раскрывает богатый смысл нового содержания человеческого потенциала в Китае: во-первых, необходимо обладать обязательными знаниями и навыками,

во-вторых, осуществлять креативную деятельность, в-третьих, принести вклад в дело «строительства трех культур» (саньгэ венмин дяншэ). При этом знания и навыки являются внутренней энергией «женьцай», креативная деятельность – это основная воспроизведенная форма данной энергии, а вклад в общественное развитие – это результат энергии «женьцай». Из этих трех пунктов несложно выявить, что высококвалифицированные кадры, кадры на селе, кадры по социальной работе, работники культуры включаются в широкие ряды строительства квалифицированных кадров Китая. Практически, начиная с 2006 г., в стране введена новая система показателей квалифицированных кадров, которая охватила партийные кадры, профессионально-технические кадры, персонал предприятий, квалифицированный персонал и сельский персонал. Тем самым, необходимо отметить, что область человеческого потенциала в Китае расширилась и еще больше стала отвечать требованиям современной работы с кадрами [3].

За десятилетие до этого, в 1996 году, было проведено Всекитайское совещание по вопросам развития науки и техники, по решению которого Китай начал осуществлять «развитие на основе прогресса науки, техники и образования». Главное содержание сводилось к тому, чтобы рассматривать науку, технику и образование как предпосылку экономического и социального развития, а также перевести экономическое строительство на рельсы «опоры на научно-технический прогресс и повышение комплексного качества людей».

Китайцы прекрасно понимают, что для современной промышленности и информационных технологий требуется в массовом масштабе грамотная, хорошо подготовленная рабочая сила. Для этого нужны серьезные вложения, и они идут сейчас по этому пути. Среди решений последнего времени – введение всеобщего бесплатного 6-летнего образования для крестьянских детей, а их сейчас в стране порядка 150 млн. В ближайшей перспективе станет бесплатным образование для детей крестьян в рамках средней школы первой ступени, то есть 9-летнего обучения.

Таким образом, одновременно решаются социальные задачи и задачи подготовки кадров. Формируется новое общество современного типа. В Китае нередко можем встретить термин «деревня нового типа», «крестьянин нового типа», «новый человек» – то есть человек, всесторонне развитый. Китайское руководство совершенно выстраивает политику формирования «человека нового типа» как основу для инновационного развития.

В системе успешного развития стратегии державы высококвалифицированных кадров выделяются следующие приоритетные направления:

– «большие масштабы человеческого потенциала» («женьцай гуймо да»), что означает, основываясь на практических соображениях, непрерывно увеличивать масштабы развития человеческого потенциала и его абсолютное количество к 2020 году;

– «повышение уровня человеческого потенциала» («женьцай шуэйпин гао»), что означает повышение конкурентоспособности человеческого потенциала Китая на международной арене, увеличение его инновационных способностей и богатства;

– «формирование многоуровневой системы человеческого потенциала» («синчэн дуоценцы женьцай тхили») – с точки зрения распределения человеческого потенциала, сформировать районы концентрации человеческого потенциала (женьцай дьюдицю), центры человеческого потенциала («женьцай хэсинцю»), районы распространения человеческого потенциала («женьцай саньбуцю»); с точки зрения влияния человеческого потенциала, выделяются интернациональный человеческий потенциал («гуодихуа женьцай») и локальный человеческий потенциал («бентху женьцай»), каждый из которых обладает капиталом, участвует в международной социально-экономической жизни, тем самым имеет влияние на разных уровнях. С точки зрения его функций, человеческий потенциал должен соответствовать требованиям промышленного развития Китая, должен быть вовлечен в ведущие мировые науч-

но-исследовательские области, заниматься разработками в секторе высококачественных услуг, высокотехнологичном производстве, в сфере дизайна, маркетинга и других высоких областях, тем самым стать ведущим человеческим потенциалом в мире;

– «формирование открытой системы человеческого потенциала со свободным перемещением на всех уровнях» («синчэн кайфасин, цэнцыцзыюу люйдун дэ женьцай тхиси»), что означает обмен между разными субъектами системы, саморазвитие без влияния внешних факторов, наличие сильной стратегической инициативы. В процессе глобализации и в мировой сфере обмен и сотрудничество между человеческим потенциалом Китая и человеческим потенциалом других стран.

В настоящее время в Китае, по мнению китайских ученых, выделяются следующие направления развития данной стратегии:

– защита безопасности человеческого потенциала государства. При возможных вызовах и рисках необходимо предпринимать эффективные и правильные меры по защите человеческого потенциала страны. Полностью знать важное место человеческого потенциала в конкурентоспособности страны в современное время. Продвигать законы по работе человеческого потенциала, в первую очередь утвердить уверенную в своих силах, соответствующую требованиям своего развития систему человеческого потенциала. Проводить комплексную политику по обеспечению его притока. Прислушиваться к мнению общественных масс внутри страны, а также заимствовать опыт других стран;

– необходимость укрепления работы с человеческим потенциалом на международном уровне, что подразумевает активный «выход вовне» («цзоучуцью»). Используя преимущества положения страны на международной арене, на основе консульств или ассоциаций иностранных выпускников проводить работу по обучению кадров за рубежом, создать там все необходимые условия, а также привлекать человеческие ресурсы извне;

- совершенствование институциональной среды для развития человеческого потенциала. Углубление реформы регистрации и прописки. Совершенствование системы поиска работы, постепенное открытие рынка рабочей силы, углубление реформы социального обеспечения;

- продвижение инновационной системы управления талантами, предоставление широкого спектра образовательных и государственных услуг для развития человеческого потенциала, продвижение в управлении талантами гуманности, эффективности, системности и конкурентоспособности;

- постоянное обновление человеческого потенциала, увеличение инвестиций в технологии.

Таким образом, освоение человеческого потенциала является приоритетным направлением в современном Китае. Рабочим руководством к действию является «стратегия державы высококвалифицированных кадров», в которой подчеркивается, что человеческий потенциал является ресурсом первой важности для социально-экономического развития страны. На основе данной стратегии в приоритетном порядке необходимо упорядочить структуру человеческого потенциала, вложить инвестиции в его освоение, всячески активизировать инновационные инициативы и творческий ум различных категорий человеческого потенциала. Осуществление данной стратегии развития нацелено на полную занятость, а также на повышение культурного уровня и квалификации трудящихся.

На заседании АТЭС по вопросам человеческих ресурсов в сентябре 2010 г. Ху Цзиньгао отметил: «Мы должны формировать механизм наведения, механизм обучения, механизм оценки и механизм поощрения, способствующие подготовке выдающихся трудящихся. Мы должны прививать широким массам трудящихся стремление улучшать идейно-нравственные и научно-культурные качества, старательно усваивать новые знания, умения и навыки, чтобы они стали высококачественными рабочими, отвечающими требованиям экономического и социального развития в новых условиях. Необходимо создавать систему социального обеспечения на основе посту-

пательного развития. Мы должны на основе экономического развития создавать систему социального обеспечения для городского и сельского населения, увеличивать финансирование из государственного сектора на социальное обеспечение, расширять спектр услуг социального страхования, непрерывно повышать уровень социального обеспечения»[5].

По мнению китайского ученого Ху Аньгана, необходимо в полной мере использовать такие факторы модернизации, как земля, полезные ископаемые, энергоресурсы, капитал, труд, образование, наука и техника, культура, информация, знания, институты и др. Надлежит настойчиво наращивать факторы социализма, осуществлять совместное развитие, совместное использование, реализовывать политические преимущества социалистической системы. Надо наращивать факторы китайской культуры, создавать крупные инновации, формируя идеалы общества с китайской спецификой («сяокан», «гармоничное общество», «обучающееся общество», «общество мира и благоденствия», «следование пути мирного развития», «строительство гармоничного мира») [4]. Эти три базовых фактора входят в понятие «Китайский путь», т. е. путь социалистической модернизации с китайской спецификой. Одним из основных факторов является наращивание человеческого потенциала, на практике выражающейся в стратегии «державы высококвалифицированных кадров».

Можно сказать, что Китай в полной мере стремится использовать и накапливать свои богатства, одним из которых являются гигантские человеческие ресурсы.

Таким образом, реализуемая «стратегия построения державы высококвалифицированных кадров» («женьцай тяньго чжанлюе»), является комплексной программой по наращиванию человеческого потенциала в Китае и одним из основных факторов модернизации. Она является неотъемлемой частью концепции гармоничного развития страны, повышения ее совокупной национальной мощи и повышения ее конкурентоспособности в мировом развитии.

Список литературы

1. Абрамов В. А., Абрамова Н. А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М.: Вост. кн., 2014. С. 66.
2. Ли Чжэпин. Жэньцай тяньго чжанлюю. = Стратегия державы высококвалифицированных кадров. Пекин: Науч. изд-во, 2010. 230 с. Кит. яз.
3. Хань Цинсян. Цзяншэ жэньцай цянго дэ синдун ганлин. = Программа построения державы человеческих ресурсов. Пекин, 2010. С. 12–16. Кит. яз.
4. Ху Аньган. Путь китайской модернизации (1949–2014) // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 103.
5. Ху Цзиньтао на 5-м министерском заседании АТЭС по вопросам развития человеческих ресурсов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t754314.htm> (дата обращения: 20.01.2016).
6. Ши ба да дуй жэньцай дэ чжунши. = 18-й съезд КПК о человеческом потенциале [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2012-11/29/c_113852724.htm (дата обращения: 20.01.2016).

УДК 32.019.51

Артем Вадимович Жуков,

д-р филос. наук, профессор,

e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Алена Алексеевна Жукова,

канд. филос. наук, ст. науч. сотрудник,

e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Сергей Викторович Кононов,

соискатель кафедры философии,

Забайкальский государственный университет,

e-mail: kononov7744@yandex.ru

**Современные образы Китая на территории
Забайкальского края**

Влияние образов Китая на сознание современных россиян сегодня рассматривается как одна из наиболее важных тем во взаимодействии этой страны и России. Целью доклада является исследование процессов конструирования и рецепции образов Китая на современном этапе на территории Забайкальского края. Авторы разворачивает дискуссию, посвященную резкой активизации мифотворчества, посвященного

Китаю, среди населения Забайкалья. По их мнению, оно подразделяется на «алармистскую», внушающую тревогу, и «прагматическую», стремящуюся на основе рациональной аргументации успокоить китаефобские настроения среди россиян.

Ключевые слова: образы Китая, массовое сознание, Забайкальский край, проекции образов, реценции образов, алармистское мифотворчество, прагматическое мифотворчество.

Artem Vadimovich Zhukov,

Doctor of Philosophy, Professor;
e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Alena Alekseevna Zhukova,

PhD (Philosophy Sciences),
Senior Researcher;

e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Sergey Viktorovich Kononov,

Applicant of Philosophy Department,
Transbaikal State University;

e-mail: kononov7744@yandex.ru

Modern images of China in the territory of Transbaikal region

The influence of China images on the consciousness of contemporary Russians today is regarded as one of the most important topics in the interaction of this country and Russia. The aim of the paper is to study the processes of construction and reception of China images at the present stage in the territory of Transbaikal region. Authors develop a discussion on a sharp activation of myth-creation, dedicated to China, among the population of the Transbaikalie. According to the authors, it is divided into the “alarmist”, inspiring anxiety, and “pragmatic”, tending to appease Chinese phobia mood among the Russians on the basis of rational argument.

Keywords: images of China, mass consciousness, Transbaikal region, projection of images, reception of images, alarmist myth-creation, pragmatic myth-creation.

Прошедшие 2014 и 2015 гг. были ознаменованы значительным улучшением и интенсификацией отношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией, на которое повлиял внешнеполитический фактор. Современный Китай активно входит в сферу первичных интересов России, также как и Россия входит в сферу китайских

интересов, при этом, взаимоотношения двух соседей, а вернее, характер и уровень их связей претерпевают качественные изменения. Это происходит не в последнюю очередь потому, что успешно развивающийся Китай проявляет все большее желание играть активную роль на международной арене, и в первую очередь – на сопредельных с ним территориях. Однако важно отметить, что помимо политического фактора, в процессе взаимодействия между странами значительную роль играет также и экономический фактор, связанный с кризисом, девальвацией рубля, ростом по отношению к нему курса юаня, как следствие, удорожанием китайской продукции, которая среди соотечественников больше не воспринимается как «дешевая». Эти разнонаправленные факторы формируют сложную структуру восприятия образов Китая у современного населения Забайкалья, которая включает как прагматические, позитивные, так и алармистские, то есть тревожные коннотации, связываемые с представлениями россиян о Китае [12].

Идейное влияние Китая на Россию сегодня как одна из наиболее важных тем во взаимодействии наших стран рассматривается в работах А. В. Лукина, М. Л. Титаренко, А. В. Виноградова, А. Г. Ларина и других авторов. В то же время основные положения теории образа, помогающие раскрывать особенности функционирования образов в массовом сознании, раскрыты Р. Бартом, И. М. Лотманом, К. Леви-Строссом и другими, что помогает исследовать особенности функционирования образов Китая в массовом сознании населения современного Забайкалья.

Целью данной работы является попытка раскрыть особенности процессов конструирования и рецепции образов Китая с учетом тех изменений во внешней и внутренней политике России и Китая, которые повлияли на восприятие образа этой страны в Забайкалье на современном этапе. Основными задачами статьи является анализ особенностей современного «алармистского» и «прагматического» мифотворчества о Китае в контексте исследования их функциональной связи с деятельностью ряда политических акторов как за пределами, так и внутри Российской Федерации.

В условиях современного экономического кризиса наиболее интенсивно распространяются мифы о Китае, в содержании которых политика связана с экономикой, и которые связываются с опасениями, испытываемыми россиянами в отношении Китая. Она озвучивается часто и состоит в публикации всевозможных слухов и опасений об угрозе китайской экспансии, в связи с передачей в аренду Китаю забайкальских земель. Причиной резкой активизации мифотворчества о Китае в 2015 г. стало подписание соглашения между правительством Забайкальского края и «Хуаэ Синьбан», компанией из Китая, в соответствии с содержанием которого китайская сторона арендует на 49 лет участок земли площадью 115 тыс га. Китайцы планируют на указанной территории выращивать продукцию сельского хозяйства. В свою очередь Забайкальский край ожидает плату за аренду, что составит около 1,4 млрд р. за 49 лет, инвестиций со стороны Китая в развитие указанных территорий, а также привлечения китайцами забайкальских трудовых ресурсов в размере не менее 75 % от планируемых рабочих мест. Договор планируется подписать в 2016 г., а затем существенно расширить его рамки в 2019 г. Между тем, в массовом сознании начинают распространяться слухи и мифы, которые поддерживаются высказываниями с одной стороны региональных властей края [2], с другой – таких лиц, как активисты «народного фронта» А. Соболев, С. Захаров, социолог Б. Кагарлицкий [6], журналист Ю. Латынина [17], настоятель буддистского дацана «Дамба Брайбунлинг» Баирлама, представители политических партий «Яблоко», КПРФ [1], ЛДПР [12].

Наиболее активно от имени народа стали выступать представители общественного движения под названием «Защитим российскую землю», которые проводили митинги, круглые столы с многоговорящим названием «Заселение Забайкалья китайцами: угрозы и решения» и собирали подписи против передачи забайкальской земли китайцам [3]. В качестве основной угрозы, возникающей в результате подписания упомянутого договора аренды, упоминается «тихая экспансия»

Китая на территорию региона. Она заключается в том, что в средствах массовой информации создается впечатление о миллионах китайцев, которые мирным способом оккупируют Россию. Когда такое количество людей переселяется в такие безлюдные территории, какими сегодня являются Дальний Восток и Забайкалье, пишут журналисты, то это явление никак кроме «демографическая экспансия» не назовешь. Параллельно с этими слухами продолжают распространяться мифы о том, что китайцы своими химикатами отравляют землю и скот, вылавливают сетями рыбу, устраивают пожары, уничтожающие леса [22]. Как полагают многие, в частности, Общероссийский народный фронт [16], Правительству России Забайкалье не нужно, и поэтому ему проще отдать эти земли Китаю, чем заботиться о регионе [5]. По мнению тех, кого беспокоит стремительно развивающийся Китай, он, несмотря на уверения китайских лидеров о дружбе, вынашивает планы, нацеливающие на отторжение регионов Забайкалья и Дальнего Востока. Государство просто сдало нас китайцам, по мнению жителей Забайкалья [1].

При этом сложившаяся ситуация вышла за рамки регионального скандала и в популистских целях широко используется для шантажа федеральной власти в политической борьбе со стороны таких сил, как партии «Яблоко» и ЛДПР [2]. Они обратились к мифологеме о «желтой угрозе» и стали апеллировать образами, которые несколько лет назад были проработаны политологом А. Храмчихиным [21], публикующим тексты эсхатологической направленности, посвященные мифотворчеству о том, каким будет начало войны между Россией и Китаем. Автором оно связывается с мрачной аналогией – «22 июня 2.0» [12]. По его мнению, коварные китайцы начнут агрессию, воспользовавшись не только условиями кризиса, но и тем, что в России принято всей страной уходить на новогодние каникулы. В это время они якобы планируют высадить десант, перерезать Транссиб, подавить сопротивление отдельных армейских группировок русских и, подтянув основные силы, отелить от России часть ее территории к востоку от

Байкала. В январе 2014 г. в СМИ на территории Забайкалья даже была названа предполагаемая дата китайского вторжения. Согласно этому сообщению, проправительственная китайская газета “Wen Wei Po” публикует материалы, в которых обосновывается неизбежность захвата соседних территорий. Журналисты пророчествуют о реальности шести победоносных войн, начало которых ожидается с двадцатых годов XXI вв., в результате которых Россия вернет захваченные в XVII в. у Китайской империи 1,6 миллиона квадратных километров [10].

Таким образом, у алармистского взгляда на соседнее государство есть серьезные основания. Россияне, придерживающиеся его, утверждают, что основанием политики Китая является китаецентристский подход к миру, в рамках которого Срединная империя играет доминирующую роль, а все прочие народы признаются «варварами», которые должны признавать ее первенство [12]. Необходимо отметить, что мифы о китайском нашествии популярны в российском обществе и некоторых как «либеральных», так и «патриотических» политических кругах. Существенным аргументом в пользу алармистского мифа служит констатация того, что социально-экономическая ситуация в регионе в последнее время только ухудшается, проходят сокращения, не повышается заработная плата, вместе с этим стремительно растут цены.

При этом важно обратить внимание на то, что миф о «демографической экспансии» китайцев ни разу не подтвердился данными, приводимыми российскими структурами (Миннац, МВД, ФМС и др.) [15]. Российские и китайские ученые-китаисты тоже, как правило, отвергают возможность военной и демографической угрозы со стороны Китая [14]. Однако большое количество граждан согласны с «алармистской» мифологией в том, что сдача забайкальской земли «в аренду» и последующее привлечение иностранных инвесторов является программой создания хаоса и путем к катастрофе российского масштаба [13]. В результате массовое сознание сделало окончательный вывод о том, что Забайкалье уже передано Китаю,

только негласно. Как говорят, дело только сейчас решили передать огласке, так как договоренности между сторонами уже давно являются реальностью.

В целом изучение мнения жителей Забайкалья показывает, что большинство – против передачи в аренду российских земель. Местные жители не хотят иметь дело с китайцами и имеют специфические представления о китайском народе, формируя образы, которые становятся все более распространенными и в других регионах России. Мнения этих людей проникают на страницы периодической печати и несут на себе отпечаток образа «Чужого». Таким умонастроением российского населения способствует то, что в СМИ регулярно происходит реанимирование проблемы «желтой опасности», где образ Китая напрямую связывается с опасностью, или «желтой угрозой». С этими представлениями связаны образы вооружающегося Китая, нацеленного на аннексию территорий Забайкалья и Дальнего Востока [12]. Китай наши соотечественники приравнивают к хищному монстру, голодными глазами смотрящему в сторону соседей. Полагается, что это – новая империя, готовая подмять под себя весь мир. Наиболее радикальным ответом со стороны россиян стали призывы «Отстреливаться до последнего патрона» [7].

Распространенность «алармистского» мифа привела к публичным разбирательствам и необходимости оправдываться со стороны властных структур. Их точка зрения в отличие от «алармистской» прагматична, при этом она остается мифологичной, так как опирается только на внутреннюю веру сторонников привлечения Китая в правильность своих убеждений. Однако мифологизм ее в отличие от непримиримой убежденности противников – ситуативен. Губернатор Забайкальского края К. Ильковский каждый раз озвучивает различающиеся по содержанию утверждения, смысл которых заключается не в информационной, а в функциональной нагрузке, имеющей в качестве задач разъяснение, оправдание и успокоение недовольных.

Так, например, уже в процессе разгоревшегося скандала К. Ильковский стал говорить о том, что на арендованных зем-

лях будут работать не китайцы, а отечественные предприятия, финансируемые китайцами. В целом в ряде мнений, отражающих точку зрения «прагматического» мифа, распространено убеждение о том, что передача земель Китаю в арендное пользование – это благо [18]. Здесь «прагматики» опираются на примеры и аргументы, которые предоставляет им китайская сторона. В качестве «прагматиков», таким образом, выступают не только российские, но и китайские эксперты и авторы, понимающие, насколько важно конструировать и распространять «прагматический» образ этой страны.

Китайский взгляд на происходящее выразил Ван Хайюнь, старший советник Китайского института стратегических исследований. Его мнение было высказано в августе 2013 г. на заседании Международного форума научно-технического сотрудничества и развития между районами РФ и КНР. Советник, в частности, провозгласил, что «китайский народ не рассматривает Сибирь для постоянного места проживания». Россия, как уверяет он, находится в заблуждении относительно планов Китая, а ему в свою очередь необходимо вывести из заблуждения эту страну. Более того, Ван Хайюнь указывает на необходимость «предложить правительству России запретить определенным безответственным СМИ пропагандировать мнение о «китайской экспансии». Указывая на стремительные темп роста экономики Китая и улучшение уровня жизни его жителей, советник заявляет о невозможности даже думать о крупномасштабном переселении китайских граждан в Россию. Российские страхи он называет «фобией миграции», в то же время, называет цифру в 4–5 млн китайцев, без которых экономическое освоение Забайкалья и Дальнего Востока просто невозможно [9]. Как показывает содержание выступлений этого автора, китайцев не устраивает существующий пограничный режим с Россией, и, по их мнению, он должен быть пересмотрен для организации увеличения потока мигрантов из Поднебесной на свободные территории в Забайкалье [8].

Предлагая программы сотрудничества российской стороне, Китай позиционирует «идею содействия коллективным

началам, демократизации международных отношений» и сохранения «разнообразия культур и цивилизаций» [19], которая, несмотря на попытки противостояния, приобретает все большее количество сторонников на российской стороне. Проникшиеся китайской аргументацией россияне заявляют, что «говорить об угрозе китайской агрессии могут люди, принципиально не желающие знать китайской культуры и современной китайской политики» [4]. Важно, что эту убежденность подтверждают официальные данные УФМС России по Забайкальскому краю. Они доказывают, что СМИ преувеличивают ситуацию, связанную с «китайской угрозой» [20]. Разбираясь с современными проблемами восприятия образа Китая в восточных регионах России, политолог М. Захаров демонстрирует, что здесь нет прямой угрозы со стороны Китая, вместо этого наличествуют попытки популистских спекуляций, во имя сиюминутных и местечковых политических целей [11].

Эти доказательства служат фундаментом, благодаря которому «прагматическое» мифотворчество развивает тезис о том, что Россия в условиях кризиса может продуктивно использовать экономическую мощь Китая для собственного развития, особенно для такого отсталого региона, каким является современный Забайкальский край. По мнению «прагматиков», Китай не является и не планирует быть агрессором, эта страна, чья внешняя политика основана на жестком практицизме и борьбе за сохранение своих интересов. Из чего можно сделать вывод о том, что при верном, сбалансированном отношении к соседу Россия могла бы использовать успехи Китая в свою пользу. Это отношение на данный момент заключается в мерах по обеспечению потока инвестиций и китайских рабочих, мигрирующих на территорию нашего государства. Итак, процессы современного мифотворчества о Китае на территории Забайкальского края имеют сконструированную и контролируемую природу, а многие мифологемы, как алармистские, так и прагматические, являются инструментом политического давления на региональные и федеральные власти, которое осуществляется конкретными социальными и политическими организациями.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Сегодня, когда благодаря политическим обстоятельствам, усиливается интенсивность экономических отношений между Китаем и Россией, резко увеличивается интенсивность мифотворчества, посвященного Китаю среди населения, прилегающих к этой стране территорий. В этих условиях представления о Китае, распространенные в массовом сознании населения прилегающих территорий, становятся инструментом, с помощью которого определенные социальные силы, в частности политические партии и общественные движения, могут пытаться воздействовать на региональные власти и федеральное правительство страны. На состояние массового сознания и его реакцию в отношении Китая на территории Забайкалья сегодня оказывают влияние две тенденции, одна из которых связана с преобладанием «алармистских», внушающих тревогу, эмоциональных образов и настроений, другая связана с «прагматической» тенденцией.

2. «Алармистские» образы чаще всего исходят от политических сил на территории России, недовольных или напуганных массовым проявлением китайской культуры, и связаны со стремлением противопоставить Китай и китайцев региональному сообществу. Китай в них показывается с отрицательной стороны, и, как правило, мотивом является стремление части общества сохранить собственную культурную идентичность и противостоять трансляции и закреплению образов китайской культуры. Это понимается как противостояние «китайской культурной экспансии». Источником тревог и опасений у части местного населения явилось отсутствие у России опыта регулирования международных миграций, неразработанность соответствующего законодательства, устойчивый образ «желтой угрозы» в сознании населения, которые проявились на фоне пограничных споров и антикитайской информационной политики со стороны западных стран.

3. «Прагматическая» точка зрения. Она имеет поддержку среди заинтересованных в более тесном сотрудничестве с Китаем лиц в России и Китае. Эта тенденция заключается

в распространении успокаивающей массовое сознание информации о пользе взаимодействия с Китаем, происхождение которой с одной стороны связано с попытками «прагматиков» успокоить массовое сознание за счет обращения к рациональным доводам и научной аргументации, с другой – оно связано с китайским мифотворчеством, которое старается участвовать в процессах трансляции и закрепления китайской культуры на приграничных территориях России.

Список литературы

1. В Забайкалье продолжили высказывать недовольство из-за передачи земель в аренду Китаю [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/01sep2015/zabaikalie.html> (дата обращения: 01.09.2015).
2. В Китае уже требуют «широкомасштабного» переселения китайцев в Забайкалье [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hvylya.net/news/digest/v-kitae-uzhe-trebuyut> (дата обращения: 15.06.2015).
3. Голубков А. Жители Забайкалья вступили против сдачи земли в аренду Китаю [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scilla.ru/content/view/4894/2/> (дата обращения: 22.10.2015).
4. Делягин М., Нагорный А. «Китайская угроза» для России. Китай, Россия и прочий мир [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/10/871/21.html> (дата обращения: 08.10.2015).
5. Забайкалье горит, или Почему Путин ездит в Китай, а не в Забайкалье: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tubethe.com/watch/iUdIaxfYzBI/zabajkale> (дата обращения: 20.09.2015).
6. Забайкалье – китайцам или монголам? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://interpolit.ru/blog/zabajkale_kitajcam_i_mongolam (дата обращения: 02.07.2015).
7. Забайкалье сдали Китаю [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gaznesi.info/blog/post/14649> (дата обращения: 14.08.2015).
8. Китай берет российское Забайкалье и заселяет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kyiv.osp-ua.info/politics> (дата обращения: 08.07.2015).
9. Китайский народ не рассматривает Сибирь для постоянного места проживания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zabmedia.ru/?page=articles> (дата обращения: 05.08.2015).
10. Китай обнародовал дату начала войны с Россией [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://content.directadvert.ru/news/txt/?id=149651&da_id=4499889&ts=a225b-c-d0e0f1 (дата обращения: 12.06.2015).

11. Китай осваивает забайкальские земли [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regcomment.ru/events/kitay-osvaivaet-zabaykalskie-zemli> (дата обращения: 18.06.2015).
12. Куприянов Т. Китайская угроза – это мы сами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://articles.chita.ru/52553/> (дата обращения: 05.08.2015).
13. Мелодина Н. Китай осваивает Забайкалье. И только Забайкалье? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2015/06/23/1620> (дата обращения: 23.06.2015).
14. Морозов Ю. К чему может привести публикация мифов о китайской угрозе? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oko-planet.su/politik/politikday/36917-k-chemumozhetprivesti-publikaciya-mifov-o.html> (дата обращения: 30.10.2015).
15. Надо ли опасаться Китая [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://Azaapacific.narod.ru/countries/china/china/russia_opasenia.html (дата обращения: 25.10.2015).
16. Передачу земель в Забайкалье Китаю предложили обсудить публично [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pronedra.ru/government/2015/06/22/peredacha-zemeli-kitayu/> (дата обращения: 22.06.2015).
17. Полицейские изъяли листовки против аренды земли инвестором из КНР у пикетчика в Чите [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://chita.bezformata.ru/listnews/investorom-iz-knr-u-piketchika-v-chite/36907824> (дата обращения: 24.08.2015).
18. Пора закончить истерику на тему Китая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://maxfux.livejournal.com> (дата обращения: 16.09.2015).
19. Портяков В. Я. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского стратегического партнерства // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 5. С.18–31.
20. УФМС России по Забайкальскому краю: «Китайской угрозы» в регионе не существует [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zabmedia.ru/?page=news&text=60523> (дата обращения: 19.09.2015).
21. Храмчихин А. А. Китай против России. Победа будет не за нами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://onolitegi.ru/index.php> (дата обращения: 03.02.2015).
22. Эксперт предупредил об опасности истощения земель при передаче КНР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pronedra.ru> (дата обращения: 15.10.2015).

УДК 332.1

Ирина Александровна Забелина,

канд. экон. наук, доцент,
науч. сотрудник,
e-mail: i_zabelina@mail.ru

Екатерина Александровна Клевакина,

канд. экон. наук, доцент,
науч. сотрудник,

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН,
Забайкальский государственный университет,
e-mail: bedew@yandex.ru

Оценка структурных сдвигов в экономике приграничных регионов РФ и КНР¹

В статье рассматривается процесс трансформации воспроизводственной структуры в российских и китайских регионах, вовлеченных в процессы трансграничного взаимодействия между РФ и КНР, что ввиду существования особых геополитических интересов страны представляется актуальной задачей в рассматриваемом контексте.

Ключевые слова: регион, приграничное сотрудничество, РФ, КНР, структурные сдвиги.

Irina Alexandrovna Zabelina,

PhD (Economic Sciences), Associate Professor;
Researcher;
e-mail: i_zabelina@mail.ru

Ekaterina Alexandrovna Klevakina,

PhD (Economic Sciences), Associate Professor;
Researcher;

Institute of natural resources, ecology and cryology SB RAS,
Transbaikal State University,
e-mail: bedew@yandex.ru

Estimation of structural shifts in the economies of Russian and Chinese boundary regions

The article discussed the transformation of economic structure in Russian and Chinese regions involved in the processes of cross-border collaboration between Russia and China. Its relevance caused by the existence of special geopolitical interests of the Russian Federation, the researches of economic transformation in Russian and Chinese boundary regions.

¹ Статья выполнена в рамках проекта СО РАН № IX.88.1.6.

Keywords: *region, international co-operation, Russia, China, structural shifts.*

В последние годы в приграничных и тяготеющих к ним регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока осуществляются проекты приграничного сотрудничества с КНР. Одним из важных аспектов взаимодействия между странами является выявление структурных изменений в экономических системах приграничных регионов, произошедших под влиянием реализации программы сотрудничества между регионами РФ и КНР [2]. В данной работе выполнен динамический анализ показателей структуры и их различий в контексте межстранового сопоставления хозяйственных систем регионов, вовлеченных в трансграничное взаимодействие между РФ и КНР, с использованием нескольких наиболее распространенных показателей: интегральный коэффициент К. Гатева (I_G), индекс структурных сдвигов А. Салаи (I_S), критерий В. М. Рябцева (I_R), коэффициент Герфиндаля (I_H) [1].

Секторальная структура экономики в регионах, вовлеченных в трансграничное взаимодействие между РФ и КНР, в 2004 г. характеризовалась следующими параметрами:

- доля первичного сектора в регионах РФ составляла от 13 (Иркутская область) до 16 % (Хабаровский край);
- доля вторичного сектора в регионах РФ значительно колебалась от 15 (Забайкальский край) до 34 % (Иркутская область);
- доля третичного сектора составляет от 33 до 42 %;
- в регионах КНР на первичный сектор приходится 12–17 %, вторичный – 41–52 % и на сферу услуг – около 30 %.

За период с 2004 по 2013 гг. структура экономики трансформировалась следующим образом (см. рис.):

- в ряде регионов значительно увеличилась доля первичного сектора: Забайкальский край – в 1,5 раза (до 22,1 %), Иркутская область – в 1,2 раза (до 16,6 %), Республика Бурятия – в 1,1 раза (до 15,7 %);

– за исключением Республики Бурятия во всех регионах произошло сокращение вторичного сектора, несмотря на рост доли строительства в некоторых из них;

– за исключением Забайкальского края во всех регионах наблюдается рост сферы услуг в 1,1–1,2 раза;

– в приграничных регионах КНР отмечаются различные тенденции – в провинции Хэйлунцзян выросла доля первичного сектора в 1,4 раза, незначительно выросла сфера услуг и сократилась доля вторичного сектора (в 0,8 раза); во Внутренней Монголии выросла доля вторичного сектора в 1,3 раза и сократилась доля первичного сектора (в 0,6 раза).

В составе третичного сектора также наблюдаются определенные трансформации: в КНР отмечается рост доли других услуг, к которым относятся расходы на образование, здравоохранение и т. д., в то время как в РФ этот объем в процентном соотношении от ВРП сокращается и составляет 70–90 % от уровня 2004 года. Аналогичная ситуация наблюдается в финансовом секторе – в КНР отмечается рост величиной в 1,8–5,7 раза, в РФ этот и без того небольшой объем сокращается и составляет 40–90 % от уровня 2004 года. В российских регионах наблюдается незначительное увеличение в оптовой и розничной торговле, гостиничном и ресторанном бизнесе, а также в деятельности по предоставлению услуг связи и транспорта.

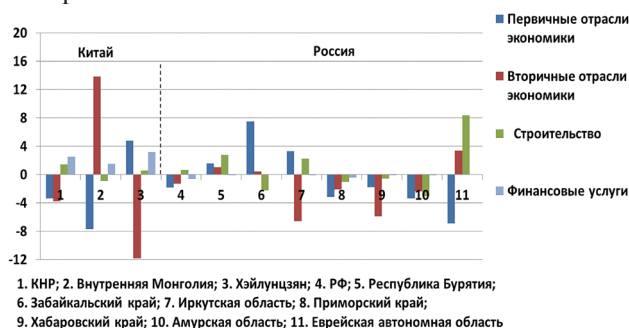

Рис. Изменение доли отдельных отраслей в регионах (в процентных пунктах), РФ и КНР, 2004–2013 гг.

Индексы Салаи, Гатева и Рябцева были рассчитаны за весь рассматриваемый период (2004–2013 гг.), период, прошедший после мирового финансового кризиса (2009–2013 гг.), а также получены ежегодные изменения индексов (см. табл.). В докризисный период структура воспроизводства в большинстве регионов слабо подвержена изменениям, исключения составляют только Амурская область и Забайкальский край (2005–2006, 2006–2007 гг.), в которых значение индекса Салаи достаточно высоко: 0,34–0,35. В период финансового кризиса (2008–2009 гг.) произошла осязаемая трансформация практически во всех регионах: наиболее слабые изменения отмечаются в Хабаровском и Приморском краях, наиболее сильные – в Республике Бурятия и Еврейской автономной области. На национальном уровне за рассматриваемый временной интервал произошли незначительные структурные изменения: значение всех индексов не превышает 0,07, что означает весьма низкий уровень различия структур.

Таблица

Индексы структурных различий и сдвигов для регионов, вовлеченных в трансграничное взаимодействие между РФ и КНР

<i>Регион/ Страна</i>	<i>Индекс</i>	<i>2005/ 2006</i>	<i>2006/ 2007</i>	<i>2008/ 2009</i>	<i>2011/ 2012</i>	<i>2012/ 2013</i>	<i>2004/ 2013</i>	<i>2009/ 2013</i>
Еврейская АО	I_S	-	-	0,34	0,34	0,38	0,37	0,37
	I_G	0,11	0,13	0,05	0,07	0,27	0,2	0,27
	I_R	0,08	0,09	0,03	0,05	0,19	0,14	0,20
	I_H	0,19	0,18	0,18	0,18	0,21	0,18	0,18
Амурская область	I_S	0,35	0,34	0,21	0,09	0,16	0,37	0,38
	I_G	0,08	0,06	0,11	0,05	0,20	0,14	0,25
	I_R	0,06	0,05	0,08	0,07	0,14	0,10	0,18
	I_H	0,17	0,17	0,16	0,16	0,18	0,17	0,16
Хабаровский край	I_S	0,09	0,11	0,13	0,09	0,07	0,12	0,18
	I_G	0,1	0,04	0,1	0,11	0,07	0,18	0,23
	I_R	0,07	0,03	0,07	0,08	0,05	0,13	0,17
	I_H	0,15	0,15	0,15	0,16	0,16	0,16	0,15

Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации

Приморский край	I_S	0,06	0,08	0,14	0,17	0,12	0,18	0,24
	I_G	0,08	0,07	0,15	0,15	0,11	0,14	0,26
	I_R	0,06	0,05	0,11	0,14	0,08	0,10	0,19
	I_H	0,17	0,17	0,15	0,15	0,15	0,16	0,15
Иркутская область	I_S	0,11	0,09	0,26	0,06	0,09	0,22	0,36
	I_G	0,08	0,19	0,05	0,07	0,14	0,15	0,21
	I_R	0,06	0,13	0,03	0,05	0,10	0,10	0,15
	I_H	0,19	0,16	0,17	0,16	0,14	0,19	0,17
Забайкальский край	I_S	0,34	0,02	0,21	0,03	0,12	0,35	0,33
	I_G	0,07	0,04	0,05	0,04	0,08	0,16	0,27
	I_R	0,05	0,03	0,04	0,03	0,06	0,11	0,20
	I_H	0,18	0,18	0,19	0,17	0,18	0,18	0,19
Республика Бурятия	I_S	-	-	0,34	0,07	0,12	0,39	0,38
	I_G	0,07	0,06	0,10	0,08	0,13	0,16	0,26
	I_R	0,05	0,04	0,07	0,06	0,09	0,11	0,19
	I_H	0,19	0,19	0,18	0,16	0,15	0,19	0,18
Российская Федерация	I_S	0,04	0,05	0,07	0,03	0,11	0,13	0,09
	I_G	0,04	0,04	0,07	0,04	0,20	0,08	0,12
	I_R	0,03	0,03	0,05	0,03	0,14	0,05	0,08
	I_H	0,16	0,16	0,15	0,15	0,12	0,16	0,15
Хэйлуцзян	I_S	0,10	0,09	0,09	0,07	0,03	0,27	0,09
	I_G	0,01	0,03	0,09	0,10	0,06	0,20	0,11
	I_H	0,01	0,02	0,06	0,07	0,04	0,14	0,08
	I_H	0,29	0,29	0,28	0,25	0,22	0,28	0,23
Внутренняя Монголия	I_S	0,03	0,05	0,10	0,02	0,02	0,17	0,04
	I_G	0,06	0,06	0,06	0,01	0,02	0,24	0,02
	I_R	0,04	0,04	0,04	0,01	0,02	0,18	0,01
	I_H	0,21	0,23	0,28	0,28	0,28	0,19	0,26
КНР	I_S	0,03	0,04	0,04	0,01	0,02	0,13	0,04
	I_G	0,02	0,02	0,03	0,02	0,02	0,10	0,05
	I_R	0,01	0,01	0,02	0,02	0,02	0,07	0,03
	I_H	0,23	0,24	0,23	0,22	0,21	0,23	0,22

Примечание. Коэффициент Герфиндаля рассчитан за год до начала периода.

Источник: Расчеты авторов.

Последующие ежегодные изменения структурных пропорций менее заметны (за исключением Еврейской автономной об-

ласти) по сравнению с кризисным периодом и за исключением Приморского края являются более слабыми по сравнению с ежегодными изменениями индекса в докризисный период (а также до начала реализации программ приграничного сотрудничества). В общем случае, за период 2009–2013 гг. во всех российских регионах произошли заметные структурные сдвиги, причем превосходящие по силе изменения, наблюдаемые в приграничных регионах Китая и на макроуровне. Заметная трансформация хозяйственных систем в провинциях Внутренняя Монголия и Хэйлунцзян наблюдается за весь анализируемый период времени (значение индексов Салаи, Гатева и критерия Рябцева изменяется в диапазоне от 0,14 до 0,27).

Использование коэффициента Герфиндаля для характеристики диверсификации региональной экономики имеет определенные особенности: его значение зависит от степени детализации исходных данных. В данном случае для всех рассматриваемых регионов коэффициент показывает низкую концентрацию активности в каком-либо виде деятельности, то есть структура хозяйственных систем в регионах по рассматриваемым группировкам является дифференцированной (см. табл.). Абстрагируемся от абсолютного значения индекса и сконцентрируем внимание на его динамике:

- во всех случаях, за исключением Забайкальского края, экономика приграничных регионов в 2004 г. была менее диверсифицирована, чем в 2009 г.;
- только в трех регионах (Амурская область, Забайкальский край, Приморский край) в 2013 г. экономика стала менее диверсифицированной, чем в 2004 г.

Следует отметить, что изменения в уровне диверсификации экономики являются незначительными, то есть ни кризис, ни осуществляемые в регионах программы в рамках реализации приграничного сотрудничества не оказали существенного влияния на заметную концентрацию активности в какой-либо отрасли.

Список литературы

1. Забелина И. А., Клевакина Е. А. Структурные сдвиги в экономике приграничных регионов РФ и КНР // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 46. С. 41–55.

2. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 годы) // Политическое образование: электрон. информ.-аналит. журн. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/kabinet-yurista/zakoni-i-normativnie-akti> (дата обращения: 10.08.2015).

УДК 008:323 (510)

Анна Вагаришакловна Захарян,

*аспирант кафедры востоковедения,
начальник отдела международных проектов и программ
управления международной деятельностью,
e-mail: anno4ka.08@mail.ru*

Валентина Сергеевна Морозова,

*д-р филос. наук, доцент,
профессор кафедры востоковедения,
начальник управления международной деятельностью,
Забайкальский государственный университет,
e-mail: morozova1550@mail.ru*

**Особенности генезиса ценностного мировоззрения
учащейся молодежи России и Китая**

В статье рассматривается генезис ценностного мировоззрения современной молодежи России и Китая. Анализируются причины и условия изменения ценностных ориентаций молодых людей двух стран. Раскрывается роль средств массовой информации в формировании ценностных ориентаций современной молодежи. Рассматривая процессы трансформации ценностей и ценностных ориентаций студенчества России и Китая, авторы приходят к выводу о том, что эта трансформация отражает изменения во внутренней системе обеих стран, а также во взаимодействии между ними.

Ключевые слова: *ценностное мировоззрение, ценностные ориентации, идеология, молодежь, Россия, Китай, социализация, средства массовой информации, межкультурное взаимодействие Россия – Китай.*

Anna Vagarshakovna Zaharian,

*Postgraduate Student of Oriental Studies Department,
The Head of International Projects and Programs Department
Office for International Affairs,
e-mail: anno4ka.08@mail.ru*

Valentina Sergeevna Morozova,

*Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of Oriental Studies Department,
The Head of Office for International Affairs,
Transbaikal State University,
e-mail: morozova1550@mail.ru*

Peculiarities of the axiological world outlook genesis among studying youth of Russia and China

The article discusses the genesis of axiological world outlook among modern Russian and Chinese youth. The reasons and conditions for change of two countries young people value orientations are analyzed. Authors reveal the role of the media in the formation of axiological orientations of modern youth. Considering the processes of values and value orientation transformation among students of Russia and China, the authors conclude that this transformation reflects changes in the internal system of both countries and the interaction between them.

Keywords: *axiological outlook, values, ideology, youth, Russia, China, socialization, mass media, Russia – China intercultural interaction.*

В настоящее время очевидными становятся значительные преобразования в идеологическом контексте, которые зависят от изменений в социально-экономическом пространстве стран и регионов. Все это обуславливает изменение и неизбежную трансформацию ценностей и ценностных ориентаций общества, динамика которой обнаруживает появление специфического плюрализма интересов и идеалов, что требует детального исследования не только формирования возможных новых вариантов ценностных концепций, но и, что немаловажно, – выявления конкретных причин трансформации традиционной духовной культуры. Активизирующееся взаимодействие приграничных пространств Россия – Китай отражено в наибольшей степени в усиливающемся гуманитарном сотрудничестве, в том числе в области науки и образования.

Учитывая поворот России на Восток, нельзя не говорить о том, что взаимодействие России и Китая осуществлялось на протяжении нескольких десятилетий, но на современном этапе развития общественных отношений происходит наиболее заметный синтез традиционной и глобализирующейся культур, складывается новая система ценностей и ценностных ориентаций. Особенно типично это для приграничных странств Россия – Китай, где степень взаимодействий и взаимовлияний особенно высока. Формирующийся новый вид культур отражается на современном мировоззрении российской и китайской учащейся молодежи и в системе их ценностей и идеалов. Следовательно, значимость исследования возникновения, развития и изменения ценностного мировоззрения учащейся молодежи РФ и КНР заключается в том, что в этой среде формируется группа будущих лидеров двух государств, которые будут определять вектор внутреннего развития своей страны и взаимодействие на международной арене в ближайшей перспективе [6].

Проблемы и перспективы российской и китайской молодежи обсуждаются как в России, так и в Китае. С одной стороны, выделяется ее раскрепощенность, индивидуальная инициативность, свободомыслие, стремление к качественному образованию и профессиональному карьерному росту, желание самим решать свою судьбу [7]. С другой стороны, молодые люди, как в России, так и в Китае подвергаются критике за эгоизм, излишнюю независимость, стремление к обогащению, ориентированность на западные ценности и многое другое. Таким образом, представления о современной молодежи России и Китая являются противоречивыми. Следовательно, возникают вопросы: что повлияло на становление мировоззрения молодых людей России и Китая? Каков образ ее жизни, идеология и ценностные приоритеты, интересы и жизненные планы? И для ответа на данные вопросы становится очевидной необходимость исследования генезиса ценностного мировоззрения молодежи двух стран.

Мировоззрение – система взглядов на объективный мир и место человека в нем, на отношение человека к окружаю-

щей действительности и к самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценности и ценностные ориентации [8]. Мировоззрение, как и вся жизнь людей в обществе, имеет исторический характер и формируется под влиянием различных исторических процессов, происходящих в государстве, а именно – в политической, экономической, социальной, демографической и других сферах.

Для управления деятельностью людей в обществе разработана структурированная система ценностного мировоззрения, которая формирует идеологию, отвечающую на вопросы о смысле существования и деятельности. Идеология, по мнению Лю Пэна, выступает своеобразной «духовной властью» в обществе, оказывающей влияние на каждого человека. Особое значение имеет идеология, выражающая определенную систему ценностей, для управления ценностными ориентациями, духовным миром молодежи [3]. Современные условия жизни оказывают влияние на ценностные и нравственные ориентиры молодежи в зависимости от множества факторов, в том числе взаимодействие государства проживания, общества и СМИ.

Существуют различные варианты трактовки понятия «молодежь». В Российской Федерации молодежью считаются граждане от 14 до 30 лет, при этом молодым ученым считается работник образовательной или научной организации, имеющий ученую степень кандидата наук в возрасте до 35 лет или ученую степень доктора наук в возрасте до 45 лет. В Китае иная система распределения по возрасту: молодежью считаются граждане в возрасте от 18 до 40 лет (青年), причем они в свою очередь делятся на подростков от 18 до 28 лет (青春期) и зрелых людей 29–40 лет (成熟期). Однако большинство социологов считают, что молодежь – это часть населения в возрасте от 16 до 30 лет, проходящая стадию социализации, характеризующаяся современным образом жизни, участием в одном из видов жизнедеятельности и являющаяся носителем и потребителем всех форм культуры. Это поколение людей,

усваивающее такие основные социальные функции, как образовательные, профессиональные, культурные.

Большое значение в этом возрасте имеет процесс становления личности, который в свою очередь формируется в процессе деятельности и общения. Несомненно, основной стержень личности образуют самосознание и самооценка, но главным результирующим свойством личности, по мнению Т. М. Матвеевой и Е. А. Энсис, выступает мировоззрение [5]. Формирование мировоззрения учащейся молодежи происходит в ходе университетской подготовки, которая способствует процессу обобщенности знаний. Система знаний объединяет ранее полученные разнородные знания, следовательно, характер связей отдельных ее компонентов создает живую мировоззренческую систему. Следует подчеркнуть, что формирование мировоззрения в студенческом возрасте требует особенного такта и внимания. В университет приходит молодежь с определенной системой взглядов, собственным жизненным опытом, следовательно, формирование мировоззрения проходит в виде обмена мнениями в ходе свободного общения. С другой стороны, существенным компонентом мировоззрения являются эмоциональные переживания, связанные с отношениями в семье и с обществом. Важнейшим компонентом является моральное сознание и нравственность, так как система моральных норм ориентирует человека на будущее, формируя его идеальный образ.

Для понимания ценностного мировоззрения современной российской молодежи необходимо рассмотреть условия его формирования в комплексе. Молодые россияне проходили и проходят этапы социализации и формируют свои идентичности, нормы и ценности в период трансформационных процессов в стране, а также накладывающихся при этом масштабных процессов глобализации [4]. Важно подчеркнуть, что именно нормы и ценности сегодняшней молодежи России будут во многом определять будущее страны.

Существует мнение, что у большинства российской молодежи отсутствует четкое мировоззрение, ментальность, цен-

ности и идеалы. Они носят противоречивый характер, так как процесс вторичной социализации для молодежи, рожденной в конце 1980-х гг., пришелся на период трансформации советского общественного строя в капиталистический строй. Возник конфликт советского и постсоветского поколения людей, так как советская молодежь стала поколением родителей российской молодежи. Другая часть современной студенческой молодежи, родилась в 1990-х гг., и процесс социализации пришелся на «путинский период». «Конфликт поколений», остро существовавший до прихода к власти В. В. Путина, смягчился, ценностное мировоззрение молодежи сместилось от коллективизма к индивидуализму, от общественного к частному, от будущего к настоящему. У молодых людей возникли новые запросы на стабильность, порядок и потребительство, на расширение границ и горизонтов возможностей, запросы, отсутствовавшие у поколения их родителей. По мнению А. А. Жирнова, важнейшей формой воспитания российского характера, ментальности, мировоззрения является, прежде всего, общественный строй постсоветской России, а также единая воспитательно-педагогическая сфера, включающая в себя законодательные инициативы руководства РФ, создание комитетов по молодежной политике при всех политических партиях, подготовку специалистов по работе с молодежью, введение грантов для молодых работников, воспитание на примере национальных героев, борьбу против национализма и т. п. [1]. Однако проблемы становления личности в нашей стране остаются острыми в связи с происходящими изменениями структур воспитания и образования, ситуация усугубляется отсутствием ясной государственной идеологии, направленной на воспитание молодежи. Безусловно, на изменение ценностных приоритетов современной молодежи огромное влияние оказывает СМИ, так как в силу возрастных особенностей молодежь является наиболее восприимчивой к получаемой информации. Деструктивное информационное воздействие на молодежь отмечается и в Основах государственной молодежной политики до 2025 года, утвержденных правительством РФ в 2014 году. Вместе с тем, в сравнении со стар-

шими поколениями молодежь лучше усваивает новые информационные технологии и является их основным пользователем. Отсюда происходит проводимая средствами массовой информации ориентация молодежи на западные ценности, в основе которых лежат прагматизм и индивидуализм, которые коренным образом противоречат российской ментальности с ее гуманистическими общественными идеалами. Насажение образцов западной цивилизации приводит к уничтожению самобытности русского народа, утрате им чувства идентичности [2]. Сегодняшняя молодежь из советской «читающей нации» превратилась в «нацию зрителей». СМИ сейчас определяет нормы языка и общения, является источником нормативных образцов, циркулирующих в обществе, является средством формирования модели реальности. Изменение духовно-нравственной системы молодежи в сфере образования, трудоустройства, возраста создания семьи, культуры взаимоотношения между полами нельзя не соотносить с пропагандой западных ценностей в СМИ. В молодежной среде распространено искаженное представление о браке и семье, немало людей, готовых на отношения без брака, что считалось недопустимым в советский период. Конечно, в отношении данной проблемы существует Концепция государственной политики, включающая в себя пропаганду системы семейно-брачных ценностей среди молодого поколения, формирование механизмов поддержки молодой семьи, формирование основ педагогической культуры у молодых родителей, содействие в получении квартир молодых семей, в увеличении уровня их материального и общественного благополучия и т. п. Однако, насколько она эффективна, покажет время.

Ценностное мировоззрение современной китайской молодежи в настоящее время также является актуальным предметом изучения. Молодое поколение Китая является залогом будущего страны, в том числе и ее отношений с РФ на международной арене. Проблемы современной китайской молодежи уходят корнями в социальное воспитание, анализ генезиса ценностного мировоззрения позволит объяснить причины противоречивости.

Во-первых, период развития 1980–1990-х гг. связан с политикой реформ и открытости и напрямую повлиял на формирование и изменение мировоззрения молодых людей, проходивших процесс социализации в эти годы. Вслед за политикой реформ и открытости в страну пришли идеи западной мысли, старые системы ценностей и социальные образцы стали неактуальными, а новые еще не сформировались. В расстановке приоритетов наступило перепутье между интеллектуальной и образовательной деятельностью. С одной стороны образование как ценность транслировалась на государственном уровне, а образованность всегда считалась в Китае традиционным ценностным ориентиром, с другой стороны – оно шло вразрез с активным стремлением молодежи к материальным благам. Исследователи Ч. Лю и С. Ван выделили четыре группы ценностей, являющихся на тот момент приоритетными среди молодежи: 1) репутация и достижения в учебе или карьере являются более важными, чем деньги; 2) молодежь должна стремиться и к знаниям и к деньгам в равной степени; 3) быть богатым более выгодно, чем быть образованным; 4) для того чтобы стать богатым, также необходим талант [10]. В целом можно сделать вывод, что молодежь начала стремиться к обогащению и одновременно с этим была поставлена в тупик столкновением приоритетов. Развитие рыночной экономики содействовало формированию новой системы ценностей, включающей справедливость, равенство, способность конкурировать, демократичность и независимость и другие качества, прочно засевшие в сознание молодых людей этого поколения. Тем не менее, несмотря на значительные изменения и формирование новых ценностей, нравственной опорой все же оставались традиционные ценности, воспитанные семьей, школой, обществом.

Во-вторых, демографическая политика контроля, изменившая структуру семьи, также стала фактором изменения ценностного мировоззрения молодого поколения. Дети, рожденные в условиях политики «одна семья – один ребенок», стали предметом общественного внимания, положение детей,

превращенных в объект повышенной заботы, значительно отличалось от положения детей предыдущего поколения и повлияло на существующее ценностное мировоззрение молодежи. Молодежь начала стремиться к богатству, покупке брендовых и дорогих вещей, это стало источником счастья и радости. С одной стороны, современная молодежь стремится к получению хорошего образования, востребованной профессии, высокой заработной плате и ставит себе высокие задачи по развитию своей профессиональной квалификации. С другой, чувства духовной гармонии им приносит лишь собственное удовольствие, через приобретение материальных благ и им не хватает чувства ответственности, как считает А. В. Челнокова-Щейка [9].

В-третьих, воздействие средств массовой информации в настоящее время претендует на роль основного субъекта в формировании мировоззрения китайской молодежи. Усиливается ориентация молодежи на западный образ и стиль жизни. С 1980-х гг. китайские СМИ находятся в поиске оптимального сочетания традиционного и современного. Связано это с резким увеличением информационного потока, поступающего в страну в условиях экономического развития вместе с западными инвестициями. Несомненно, традиционная ценностная ориентация китайской молодежи на семью, воспитание детей по-прежнему остается наиболее значимой. Однако ценность семьи формируется, как правило, не средствами массовой информации, а обстановкой внутри семьи [3], а вторичная социализация проходит уже в процессе общения со сверстниками, где наблюдается активное подражание западной манере поведения, использование в речи английских слов и выражений, подражание в манере одеваться и т. д. Таким образом, анализируя ценностное мировоззрение современной молодежи Китая, можно сделать вывод о том, что молодое поколение Китая полно противоречий, период их социализации проходил во время стремительного подъема и развития экономики страны и активного вливания западных ресурсов, изменения демографической политики страны. Все это отразилось

на изменении сложившихся ценностей. Тем не менее, молодое поколение стремится принять на себя ответственность за реализацию мечты и будущего страны.

«Ядро» традиционной культуры Китая, являясь теоретической основой функционирования ценностей в современном китайском обществе, не подвержено сильному влиянию глобализационных процессов. Традиционное наследие используется руководством КНР как инструмент формирования соответствующих ценностей и идеалов. Современная переоценка ценностей, происходящая в условиях социальных преобразований и культурной трансформации китайского общества, связывается с наличием в общественном сознании китайской нации посттрадиционных ценностей китайской культуры и потребительских ценностей западной цивилизации, что особенно проявляется в сознании молодого поколения.

В России сегодня отмечается некий кризис ценностной системы. Мы наблюдаем упадок нравственности, отсутствие четких императивов. Также отсутствует целостный механизм их формирования. Меняется отношение к семье, труду. Социальная пассивность и девиантное поведение отчасти характеризуют реалии сегодняшнего дня. Особое отношение молодежь в России проявляет к образованию. И этому стоит посвятить особое исследование. Многие вещи переходят в виртуальный мир Instagram (который, кстати, заблокирован в Китае). Тем не менее, сегодня в России есть и положительные моменты в этом направлении. Активно развиваются студенческие стройотряды. Возникают новые социальные нормы. Все чаще можно видеть социально активных молодых людей. В этом контексте необходимо формировать последовательную систему воспитания и пропаганды новых ценностей и ценностных ориентаций.

Рассмотрев изменения ценностного мировоззрения современной молодежи России и Китая, обнаружили схожие причины, повлекшие за собой эти изменения. В конце XX века международная и национальная политическая обстановка двух стран была нестабильна. Развал Советского Союза и резкое развитие рыночной экономики Китая оказали глубокое

влияние на формирование ценностного мировоззрения современных молодых людей. Следует также отметить, что лидерство в области идеологического воздействия на молодых людей двух стран принадлежит средствам массовой информации. Заметно влияние западных ценностей, отразившихся на отношении молодых людей к браку и семье. Однако молодежь двух стран, в отличие от предшествующего поколения, больше стремится к получению хорошего и качественного образования, для дальнейшей реализации своих личных целей, таких как обогащение, расширение кругозора, профессиональный рост и развитие, стремление к равноправию. А целеустремленное молодое поколение, стремящееся к собственному развитию, в конечном итоге, способствует общественному развитию своей страны.

Список литературы

1. Жирнов А. А. Роль российской молодежи в развитии постсоветского (российского) общества и проблемы ее гражданского воспитания // Вестн. Вят. гос. гум. ун-та. 2012. Т. 1. № 4. С. 87–90.
2. Зейтунян М. А. Роль СМИ в процессе социализации молодежи // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 16–20.
3. Лю П. Воздействие средств массовой информации на формирование ценностных ориентаций молодежи // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 15. С. 169–176.
4. Мареева С. В. Особенности идентичностей и ценностных ориентаций российской молодежи // Россия и Китай: молодежь XXI века / под ред. М. К. Горшкова, З. Т. Голенковой, Ли Чунлиня, П. М. Козыревой. М.: Новый хронограф, 2014. С.105–125.
5. Матвеева Т. М., Энсис Е. А. Формирование мировоззрения молодежи и сохранение семьи в современных условиях // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2015. № 42. С. 22–26.
6. Морозова В. С. Динамика ценностных ориентаций модернизирующегося китайского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2007. С. 4.
7. Россия и Китай: молодежь XXI века / под ред. М. К. Горшкова, З. Т. Голенковой, Ли Чунлиня, П. М. Козыревой. М.: Новый хронограф, 2014. 424 с.

8. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1989.
9. Челнокова-Щейка А. В. Основные этапы и тенденции развития ценностных ориентиров молодежи в период с конца 70-х годов XX века по наши дни // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. 2013. № 11 (671). С. 204–214.
10. Liu Changyuan, Wang Song. Transformation of the Chinese cultural values in the era of globalization: individualism and Chinese youth // International communication studies. XVIII. 2009. № 2. P. 54–71.

УДК 339.9

Наталья Владимировна Исаева,
магистрант,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
e-mail: park.min@mail.ru

Китайский пояс Евразии

Статья рассматривает проблему экономического и политического развития в рамках китайского проекта «Один путь – один пояс». Сегодня, после многолетнего пребывания в тени господства «Запада», Китай теснит лидерство западных стран и претендует на роль «создателя» новой системы международных отношений. На этом пути Китай, не экспериментируя с неизвестным, вспомнил хорошо забытое старое, выдвинув идею «Нового Шелкового пути», который соединит Азию, Европу и Африку одной линией судьбы.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, один пояс – один путь, международные экономические отношения, политика Китая в Центральной Азии.

Natalia Vladimirovna Isaeva,
Master's Student,
National research Tomsk state university,
e-mail: park.min@mail.ru

Chinese belt of Eurasia

The article considers the problem of economic and political development in the Chinese project “One belt – one way”. Today, after years of staying in the shade of the rule of the “West” China is crowding the Western

countries leadership and declared to be the “builder” of the new system of international relations. In this way, China is not experimenting with the unknown, but recalled well forgotten old, putting forward the idea of a “New Silk Road” that will connect Asia, Europe and Africa with a line of one single destiny.

Keywords: *foreign policy of China, “One belt – one way”, international economic relations, China’s foreign policy in Central Asia.*

Каждая новая эпоха несет с собой трансформацию в существующий мировой порядок, и XXI век не станет исключением. В сфере международных отношений рост и возвышение новых полюсов силы, угасание и потеря влияния прежних ведут к глобальным изменениям в сфере мировой политики. Речь идет о громком тезисе «поворота мировой оси на Восток». Некоторые наблюдатели считают, что американская эра подходит к концу, на смену западно-ориентированному мировому порядку приходит преобладание Востока. В первую очередь, конечно же, имеют в виду Китай. Всего за 30 лет Китай превратился из бедной замкнутой сельскохозяйственной страны в глобальный производственный локомотив экономического развития. Его модель инвестирования и внутреннего производства, а также экспорт на рынки развитых стран позволили стране занять вторую позицию в мире, уступая лишь США. Сегодня Китай обладает самым большим ВВП и является лидером в торговле, инвестициях, в финансовом секторе, также КНР занимает третью строчку как крупнейшая торговая страна после США и Германии. Именно экономический рост позволил Китаю уверенно и активно включиться в международные дела, начать проводить многостороннюю дипломатию, отстаивать «демократизацию международной среды» и представить собственную идею «гармоничного сосуществования и всеобщего процветания». Но любой экономический рост не является «константой», и сегодня, столкнувшись с проблемой снижения темпов внутреннего роста, китайское руководство ищет новые пути для поддержания экономики. В сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил об идее проекта «Один пояс – один путь» [7]. На первый взгляд идея китай-

ского руководства преследует в первую очередь экономические цели, но в процессе реализации проекта намерения Пекина распространяются далеко за пределы экономики.

В центре идеи «Один путь – один пояс» лежит цель создания экономического сухопутного и морского поясов, который включает в себя страны первоначального «Шелкового пути» через Центральную Азию, Ближний Восток и Европу. Он объединил в себе проекты «Экономический пояс Великого Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь для XXI века» [8]. В целом проект предусматривает, что сухопутный «пояс» из автомобильных и железных дорог, трубопроводов и телекоммуникационных сетей должен будет связать Китай, Центральную Азию, Ближний Восток, Россию и Европу. Морской «путь», в свою очередь, пройдет от берегов Китая по Южно-Китайскому морю, Индийскому океану, Красному морю и Средиземному морю (через Суэцкий канал) с остановками в Африке. В основе проекта «Один пояс – один путь» лежит давняя идея китайских ученых о продвижении на Запад, также высказываются идеи, что это ответ на американский «стратегический поворот к Азии» [2]. Этот проект призван решить внутренние проблемы Китая, такие как – укрепление экономики КНР с выходом к промышленным излишкам, стимулирование роста слаборазвитых районов внутри Китая, кроме этого власти надеются, что экономический рост и рост благосостояния населения этих районов будет способствовать снижению межэтнического напряжения и также улучшению ситуации с занятостью в других регионах страны. К внешним выгодам, которые рассчитывают получить власти КНР от этого проекта, относятся: снижение зависимости поставки энергоносителей морскими путями, посредством развития эффективной сухопутной инфраструктуры, которая будет гарантировать бесперебойные поставки энергоносителей в страну; укрепление статуса юаня, как глобальной валюты (выгода от валютных операций). Нельзя не сказать о влиянии Китая на страны Центральной Азии, которое будет расти по мере реализации проекта. «Один пояс – один путь» становится также объединяющей осью для нескольких других интеграционных

форматов, включая ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, зону свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ЗСТ АТ) и Европейский союз. С помощью этого проекта КНР намеривается улучшить положение страны не только в сфере экономики, но и в политическом отношении. «Один пояс – один путь» позволит стране улучшить и укрепить отношения с соседними странами, а также расширить связи с ведущими развивающимися странами мира, что в перспективе может послужить основой для становления новой международной системы, центром которой станет КНР.

В настоящее время китайская и мировая экономики тесно связаны между собой. А совместное создание проекта «Один пояс – один путь» откликается именно на стремление современного мира к многополярности, глобализации экономики, культурному многообразию и информатизации общества, отвечает коренным интересам мирового сообщества, воплощает в себе его мечту и стремление к прекрасному.

Государства вдоль «Одного пояса, одного пути» имеют разную обеспеченность ресурсами и большую степень экономической дополняемости. Между собой они обладают большим потенциалом и пространством для сотрудничества. Основная идея «Одного пояса, одного пути» заключается в пяти связующих элементах: политической координации, взаимосвязи инфраструктуры, бесперебойной торговле, свободном передвижении капитала и укреплении близости между народами. Близость и взаимопонимание между народами – это социальный фундамент строительства «Одного пояса и одного пути». Необходимо развитие духа «дружбы и сотрудничества» Шелкового пути, расширение культурного, научного обменов и обмена кадрами, сотрудничества между СМИ, связей между женщинами и между молодежью, волонтерских услуг для того, чтобы заложить прочную общественную основу для углубления двустороннего и многостороннего сотрудничества [1].

В проект «Один пояс – один путь» входит и социокультурная составляющая, которая сегодня начинает играть приоритетную роль в «информационном» XXI веке. Планируется

расширение масштабов обмена студентами и совместное создание вузов. Китай каждый год предоставляет квоты для получения государственной стипендии студентам государств вдоль «Одного пояса, одного пути». Также в перспективе возможно проведение перекрестных годов культуры, фестивалей искусств, кинофестивалей, книжных выставок и других мероприятий, которые будут способствовать углублению сотрудничества.

Финансирование этого проекта планируется Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фондом Нового Шелкового пути и Новым банком развития, созданного странами БРИКС [3]. По оценкам китайских специалистов, эта программа затронет 65 стран, в которых проживает 4,4 млрд человек, объем торговли Китая со странами-участниками может за десятилетие дойти до 2,5 трлн долл. в год. Таким образом, этот амбициозный проект становится прямым конкурентом не менее амбициозного проекта под американским началом «Транстихоокеанского партнерства» [4].

Однако сегодня на пути реализации проекта существует многочисленное количество препятствий. Одна из проблем связана с доминантным типом хозяйственных операций Китай – Центральная Азия, а именно, китайский импорт и инвестиции в нефтедобывающее производство и природный газ. Правда, местные жители получают выгоду от такого импорта и инвестиций, например, новые рабочие места и улучшение инфраструктуры, но экологические проблемы и трудовые споры, а также негативное влияние китайской производимой продукции на местные отрасли промышленности привели к увеличению недовольства в некоторых частях Центральной Азии. Если Китай будет воспринимать Центральную Азию лишь как важный источник энергии и «свалку» для китайской продукции, то долгосрочные перспективы развития двусторонних отношений не предрекают ничего оптимистичного.

Успех «Одного пояса, одного пути» во многом будет зависеть от готовности капризных региональных и местных лидеров сотрудничать. Многие лидеры, особенно в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, опираются на многовековой

опыт сраживания иностранных держав друг с другом ради личных политических и финансовых выгод. Скажем, на фоне нарастающего межконфессионального конфликта на Ближнем Востоке китайским лидерам будет трудно совместить давние связи между Китаем и Ираном и новые отношения с суннитскими государствами во главе с Саудовской Аравией. Еще один характерный пример – недавнее решение Шри-Ланки пересмотреть более двух десятков проектов, поддерживаемых Китаем. Вдобавок существуют негосударственные субъекты, порождающие дополнительные политические риски, к которым Китай не привык. Талибы в Афганистане, «Исламское государство» (ИГИЛ) в Ираке и в Сирии и хуситы в Йемене угрожают китайским капиталовложениям и ключевым перевалочным пунктам на будущих торговых маршрутах [6].

Еще одна проблема относится к России, или, точнее к треугольнику Китай – Россия – Центральная Азия. В промежуток времени в более чем сто лет Центральная Азия находилась под контролем России. И хотя пять республик стали суверенными государствами с 1991 года, они по-прежнему рассматривается Москвой как территории под своей сферой влияния. Тем не менее, Россия, которая была ослаблена из-за экономических проблем и дипломатической изоляции, кажется неспособной полностью подтвердить свое влияние в регионе. На данный момент Россия не может иметь иного выбора, как кроме смириться с ростом китайского присутствия и влияния в Центральной Азии, но стратегическое соперничество между двумя державами также может возникнуть, когда Россия опривится от текущего положения слабости.

Есть и другие проблемы там, но самой большой проблемой для «пояса» становится сам Китай. Главным приоритетом «пояса» является улучшение взаимосвязанности всего огромного Евразийского континента, и такая обширная сеть инфраструктуры требует триллионов долларов инвестиций. Две китайские инициативы, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и фонд «Silk Road», являются значительными источниками финансирования для развития инфраструктуры. То, что эти два учреждения, даже вместе с другими международными финан-

совыми институтами, смогут предоставить сумму, не соответствующую с масштабам спроса, который, по оценкам, составит 8 трлн долл. в течение следующего десятилетия [5]. Кроме того, китайская экономика демонстрирует несомненные признаки существенного замедления, которое бросает тень на роль Китая в качестве главного спонсора «пояса».

Таким образом, еще рано делать какие-либо категорические выводы по поводу этого проекта и приветствовать появление «Китае-Евразийского века». Слишком много внутренних проблем, связанных с реализацией проекта «Один пояс – один путь». Кроме того Запад не дремлет, США активно включаются в деятельность по восстановлению своих утраченных позиций в регионе. Одно остается точным, что это проект представляет собой поиск новой модели международного сотрудничества, в которой Китай и весь регион Восточной Азии будет уже не мировой периферией, а одним из ведущих компонентов новой системы международных отношений. Безусловно, Китай, выдвинув этот проект, стремится решить в первую очередь свои проблемы, но сегодня в глобализирующемся мире зачастую внутренние проблемы тесно коррелируют с многочисленными внешними факторами, и в контексте этого реализация проекта «Один путь – один пояс» должна послужить улучшению благосостояния населения стран, расположенных на планируемых территориях «Нового Шелкового пути», тем самым решая внутренние проблемы Китая с перепроизводством и реализацией готовой продукции на внешних рынках. Говоря о политическом результате этого проекта, можно сказать, что это является заявкой Китая на пересмотр привычного для западных обывателей мирового порядка под лидерством США и на поиск путей строения многополярного мира, с учетом интересов многочисленных сторон. Реализация проекта будет содействовать экономическому, культурному и социальному прогрессу близлежащих к ним стран на основе принципов взаимной выгоды и политической координации. Таким образом, для КНР критически важно наладить конструктивные отношения со своими соседями путем совместной работы, которые обеспечивают его широким по-

тенциалом для развития. Однако жесткой конфронтации между Пекином и Вашингтоном не стоит ожидать, т. к. КНР является сторонником разработки новой модели отношений между великими державами, что означает, что эта страна будет развивать дружеские связи с США и иными развитыми странами.

Список литературы

1. Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» [Электронный ресурс] // Посольство КНР в РФ. Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/gdxw/t1257296.htm> (дата обращения: 03.01.2016).
2. Стоукс Джейкоб. Китай: правила дорожного движения для Шелкового пути [Электронный ресурс] // ИноСми.ру. Россия сегодня. Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150422/227644784.html> (дата обращения: 03.01.2016).
3. Хуэй Ли. Развивать дух Шелкового пути и объединять усилия для его совместного строительства [Электронный ресурс] // Посольство КНР в РФ. Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/aa11/t1237889.htm> (дата обращения: 11.01.2016).
4. Чжан Сиюнь. «Один пояс – один путь» [Электронный ресурс] // Зеркало недели. № 15. 24 апр. 2015. Режим доступа: <http://gazeta.zn.ua/international/odin-royas-odin-put-.html> (дата обращения: 03.01.2016).
5. Шаолэй Фэн. Предпосылки и перспективы развития внешних стратегий Китая в новом веке [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Predposylki-i-perspektivy-razvitiya-vneshnikh-strategii-Kitaya-v-novom-veke> (дата обращения: 21.11.2015).
6. G. John Ikenberry. The Rise of China and the Future of the West [Электронный ресурс] // Foreign affairs. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2008-01-01/rise-china-and-future-west> (дата обращения: 03.01.2016).
7. Lucy Hornby. China's 'One Belt One Road' plan greeted with caution [Электронный ресурс] // The financial times. Режим доступа: <http://www.ft.com/intl/cms/s> (дата обращения: 25.12.2015).
8. Sarah Lain, Raffaello Pantucci. The Economics of the Silk Road Economic Belt [Электронный ресурс] // China in central Asia. Режим доступа: <http://chinaincentralasia.com> (дата обращения: 25.12.2015).

УДК 339.9

Алексей Александрович Киреев,

д-р ист. наук,

профессор кафедры всеобщей истории,

философии и культурологии,

Благовещенский государственный педагогический университет,

e-mail: kir-blaga@mail.ru

**Территории опережающего развития
как фактор развития сотрудничества Китая и России
(на примере Амурской области)**

В статье характеризуется политика создания территорий опережающего развития как фактор развития экономического сотрудничества России и Китая на современном этапе. Развитие территорий рассматривается на примере Амурской области.

Ключевые слова: территории опережающего развития, российско-китайские отношения, инвестиции.

Alexsey Aleksandrovich Kireev,

Doctor of History,

Professor of Universal History, Philosophy and Culture Studies

Department,

Blagoveshchensk State Pedagogical University,

e-mail: kir-blaga@mail.ru

**The territory of advanced development
as a factor of development cooperation of China and Russia
(for example, Amur Region)**

The article characterized the policy of priority development territories as factors in the development of economic cooperation between Russia and China at the present stage. Development is seen in the example of the Amur region.

Keywords: advanced development, Russian-Chinese relations, investments.

В условиях мирового экономического кризиса, который развивается с 2008 года, большое значение приобретает диверсификация экономических связей государств. Речь идет о поиске новых источников инвестиций, рынков сбыта продукции и более дешевого сырья. Для России эта проблема также актуальна. С 2014 года она приобрела еще и политический

подтекст в связи с вводом со стороны Европейского союза, США и их союзников экономических санкций из-за ситуации вокруг украинского кризиса.

Экономические санкции фактически закрыли для России рынок западных инвестиций, а также приобретение современной техники и технологий. В этих условиях российское руководство заявило о повороте на восток – поиске партнеров в регионе Юго-Восточной Азии. Актуальной проблемой стало расширение экономических связей с Китайской Народной Республикой.

Это резко повысило значение приграничных с Китаем регионов России как аванпостов в новой политике укрепления контактов с восточным соседом. В новых условиях необходимы новые методы, которые дали бы дополнительный толчок развитию приграничных экономических связей. В первую очередь речь идет об инвестициях.

Для Амурской области развитие приграничных связей с КНР всегда была в приоритете. Китайский бизнес присутствует в строительстве, сельском хозяйстве, торговле и др. Тем не менее, этим связям всегда не хватало размаха. Причиной назывались различия в ведении бизнеса в России и Китае, сложности с оформлением документов, неблагоприятный налоговый климат и т. д. Начало сближения РФ и КНР на фоне санкционной политики стран Запада давало шанс разрешить существующие проблемы. Примером способа создать благоприятный режим для привлечения иностранных инвестиций является политика создания территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР).

Закон о создании ТОР вступил в силу в декабре 2014 года после подписания Президентом РФ [7]. Федеральным законом определяются правовой режим этих территорий, а также меры государственной поддержки и порядок осуществления деятельности на таких территориях.

ТОР образуются решением Правительства Российской Федерации на основании предложения уполномоченного федерального органа, и в них устанавливается особый правовой

режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятной среды для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного развития экономики и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения.

ТОР создаются на 70 лет, при этом срок существования может быть продлен по решению Правительства Российской Федерации.

Предусматриваются также особенности осуществления трудовой, медицинской, образовательной и иных видов деятельности, особенности регулирования имущественных, земельных, градостроительных, экологических и иных отношений применительно к ТОР.

Согласно Федеральному закону в течение трех лет со дня его вступления в силу ТОРы могут создаваться на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, а также на территориях моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением, включенных в соответствующий перечень, утверждаемый Правительством Российской Федерации, а по истечении трех лет – на территориях остальных субъектов Российской Федерации.

Таким образом, Правительство РФ определило, что приоритетным направлением для развития ТОР является Дальний Восток. Регионом давалась возможность воспользоваться правом первенства, чтобы заявить о себе и привлечь инвестиции для осуществления проектов.

28 апреля 2015 года во Владивостоке прошло заседание подкомиссии Правительства РФ по развитию инвестиционных проектов на Дальнем Востоке. Амурская область представляла два проекта: территорию агропромышленного направления «Белогорск» и территорию опережающего развития промышленно-производственного направления «Предмостовая».

На площадке агропромышленного направления «Белогорск» главным инвестором станет компания «Амурагроцентр».

Она намерена построить в Белогорске завод по переработке сои. Это будет единственное в России производство соевого изолята, который пользуется в пищевой, кондитерской и фармацевтической промышленности. Общая стоимость проекта – более 1 млрд р. С вводом объекта будет создано 275 новых рабочих мест. Дальнейшее развитие ТОР получат за счет реализации смежных проектов.

Вторая территория опережающего развития получила предварительную поддержку. Резидентами зоны готовы стать цементный и нефтеперерабатывающий заводы. Также планируется создание площадки вблизи села Ровное, на которой готовы реализовывать свои инвестпроекты 8 резидентов. После вхождения в ТОР нефтеперерабатывающего завода мощностью 6 млн т с 2018 года бюджеты всех уровней будут получать 5,8 млрд р. налоговых отчислений в год, к 2022 году их объем достигнет 10 млрд р. Будет создано 1 200 рабочих мест. Цементный завод даст области еще 150 мест для работников и 280 млн р. налогов.

Особенностью этой ТОР является проект по постройке международного моста через реку Амур в районе Благовещенска и Хэйхэ. По словам губернатора Амурской области Александра Козлова, концепция зоны «Предмостовая» получила поддержку и Президента, и Председателя Правительства России [1].

Создание еще одной территории опережающего развития в Амурской области обсуждалось в ходе визита в Благовещенск в декабре 2015 года заместителя Председателя Правительства РФ – полномочного представителя Президента РФ в ДФО Юрия Трутнева. Предварительно этот проект получил название ТОР «Свободненская» и связан со строительством газоперерабатывающего комплекса. По словам Юрия Трутнева, проект должен быть одобрен руководством Газпрома. Переговоры об этом состоятся в 2016 году [2].

Активность Правительства Амурской области в создании ТОР была высоко оценена специалистами. В частности, по мнению руководителя Школы востоковедения Высшей школы

экономики Алексея Маслова, территории опережающего развития являются одним из перспективных направлений для активизации китайско-российского сотрудничества на российском Дальнем Востоке. Сюда можно привлекать китайский капитал [6].

Отмечая резкий обвал двустороннего товарооборота в 2015 году, эксперт заявил, что идет переломный момент, потому что, с одной стороны, торговый оборот действительно заметно упал и продолжает падать, с другой – падает не только товарооборот в абсолютных цифрах, но меняется и структура торговли. Россия сейчас пытается уйти от так называемого «сырьевого проклятья» и увеличить взаимодействие в области совместных проектов, например, совместных производств. Здесь речь и может идти о привлечении китайских производств в ТОР.

При определенном подходе к развитию ТОР, это даст послабления по налогам вплоть до полного освобождения, упрощение процедуры регистрации предприятий и всяческую поддержку со стороны российских властей как по производству, так и по дистрибуции продукции.

При этом развитие этих территорий – это долговременный проект, на 5–6 ближайших лет, а значит можно рассчитывать на долговременный эффект для экономики.

Первые успехи на этом пути уже есть, так как в ТОР в Приамурье, который уже активно работает, есть уже несколько подписанных контрактов, например, контракт по строительству нефтеперерабатывающего завода и строительству моста через реку Амур.

Обе стороны также заинтересованы в развитии инфраструктуры, то есть в постройке сети скоростных дорог, основанных на современных технологиях.

Развитие ТОР позволит расширить поставку из России в Китай экологически чистой продукции, продуктов глубокой нефтяной переработки, а также активно сотрудничать в создании совместной продукции, в том числе, высокотехнологичной.

Следует отметить активную позицию региональных властей по привлечению инвестиции с китайской стороны для

реализации проектов ТОР. Так, амурский губернатор Александр Козлов в ходе визита в провинцию Хэйлунцзян встретился с главой провинции. Одним из основных вопросов стало обсуждение строительства мостового перехода и канатной дороги через реку Амур. Стороны подписали график строительства мостового перехода, в котором предусмотрены конкретные сроки проектирования и начала строительства – июнь 2016 года.

Сумма проекта составляет более 10 млрд р. Возведение мостового перехода планируется провести на протяжении трех лет, включая проектирование. Средства на строительство будут привлекаться в кредитных и финансовых организациях, затем за счет взимания платы за пользование мостовым переходом. Размер оплаты будет устанавливаться в соответствии с графиком выплат и интересов транспортных организаций.

Александр Козлов предложил ускорить все мероприятия со стороны Народного Правительства провинции Хэйлунцзян по регистрации совместной российско-китайской компании, которая в дальнейшем вложит кредитные средства на строительство моста.

Одним из важных итогов встречи стало достижение договоренности о том, что на российской стороне будут осуществлять строительство и проектирование российские подрядные организации. Приоритет отдадут амурским строительным и дорожно-строительным компаниям.

По концессионному соглашению построенная на российской стороне часть моста станет собственностью Амурской области. Весь контроль за транспортными перевозками по мостовому переходу с российской стороны будет осуществляться правительством Приамурья.

Аналогичная организационно-финансовая схема строительства, апробированная при строительстве нефтепровода «ВСТО», применяется при строительстве магистрального газопровода «Сила Сибири» [4].

Для оптимистических оценок по развитию ТОР в Амурской области есть причины не только официального

характера. Регион привлекателен для жителей сопредельной территории и в других отраслях. Это говорит о том, что внимание китайского бизнеса к Амурской области не является случайным.

Так, власти города Хэйхэ (КНР, расположен напротив Благовещенска через Амур) организовали деловую поездку глав нескольких турфирм провинции Хэйлуцзян в Амурскую область с целью изучения возможностей российского региона в сфере туризма для пожилых людей. По словам китайских представителей, Хэйхэ стремится стать основным транзитным пунктом в трансграничном туризме для престарелых людей провинции Хэйлуцзян.

Особое внимание было уделено курорту Бузули (в заповеднике в 36 км от Свободного). Китайских представителей привлекла благоприятная экологическая обстановка в этом районе, а также высокий уровень профессионального обслуживания на курорте [3].

Большой интерес проявляют китайцы и к пищевым продуктам. С падением курса рубля этот интерес только увеличился. Китайские туристы охотно посещают супермаркеты города Благовещенска. Те, кто не может, по каким-то причинам, пересечь границу, посещают рынок в городе Хэйхэ, где китайские предприниматели предлагают российскую продукцию.

Ассортимент товаров практически не отличается от ассортимента небольшого супермаркета в России. Есть абсолютно все: конфеты, шоколад, консервы овощные, мясные и рыбные. Много всевозможных круп, макарон, колбасных изделий, майонеза, меда, алкоголя. Кроме того, в некоторых магазинах можно купить чистящие и моющие средства, лекарственные препараты, БАДы, мороженое – все из России. Коронными считаются пшеничная мука марки «Алейка» и растительное масло «Филевское».

По словам продавцов, спрос на российские продукты определяет не только их ценовая доступность, но и высокое качество и экологичность [5]. Фактически это конкурентные

преимущества российских производителей и, думается, китайский бизнес охотно вложит инвестиции в эту продукцию.

Таким образом, развитие ТОР для привлечения иностранных инвестиций имеет серьезную базу в виде привлекательности российской экономики в общем. Успех будет зависеть от того, как пойдет процесс реального воплощения проектов. Пока на начальной стадии территории опережающего развития имеют все шансы стать локомотивами роста не только экономики Амурской области и Дальнего Востока, но и всей страны.

Список литературы

1. Амурская область получила две территории опережающего развития // Амурская правда. 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ampravda.ru/2015/04/28/056956.html> (дата обращения: 15.01.2016).
2. В Амурской области может появиться еще одна территория опережающего развития // Министерство РФ по развитию Дальнего Востока [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3947 (дата обращения: 15.01.2016).
3. В приграничной провинции Китая приступили к разработке турмаршрутов в Приамурье для пожилых // Интерфакс. Россия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru/FarEast/news.asp?id=689306&sec=1671> (дата обращения: 15.01.2016).
4. Информация пресс-службы Губернатора Амурской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.amurobl.ru/wps/portal/Main> (дата обращения: 15.01.2016).
5. Мука, цветки ромашки и «Аленка» оптом: Хэйхэ становится продуктовой меккой для китайцев со всей страны [Электронный ресурс] // Амур.инфо. Режим доступа: <http://www.amur.info/news/2015/09/22/100216> (дата обращения: 15.01.2016).
6. Перспективным направлением китайско-российского сотрудничества является привлечение китайских производств в создание территорий опережающего развития на Дальнем Востоке – российский эксперт [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-01/15/c_135013292.htm (дата обращения: 15.01.2016).
7. Подписан закон о территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/47349> (дата обращения: 15.01.2016).

УДК 316(510)

Татьяна Владимировна Колпакова,

канд. филос. наук,

доцент кафедры востоковедения,

Забайкальский государственный университет,

e-mail: tatakvt@mail.ru

Проблема виртуального социального управления в Китае

В статье представлен анализ проблемы управления виртуальным обществом в современном Китае. Выявлены базовые характеристики сетевого общества как новой формы социальной организации. На основе анализа аутентичных китайских источников охарактеризованы основные модели виртуального социального управления в КНР. Обозначены вызовы и проблемы, обусловленные масштабным развитием интернет-технологий в Китае. Сделан вывод о том, что, несмотря на все возрастающее значение управления сетевым обществом для обеспечения совокупной эффективности социального управления в стране, данное направление находится лишь на начальной стадии своего развития, характеризуется низкой эффективностью и сопряжено с необходимостью решения широкого круга проблем.

Ключевые слова: *Китай, виртуальное пространство, сетевое общество, виртуальное социальное управление.*

Tatiana Vladimirovna Kolpakova,

PhD (Philosophy Sciences),

Associate Professor of Oriental Studies Department,

Transbaikal State University,

e-mail: tatakvt@mail.ru

The problem of virtual social management in China

The paper analyzes the problem of virtual social management in modern China. The basic characteristics of the network society as a new form of social organization are revealed. On the base of analysis of authentic Chinese sources the main models of the virtual social management in the PRC are described. The author marks challenges and problems caused by large-scale development of Internet technology in China. The conclusion is that, despite the growing importance of network management to provide combined effectiveness of social management in the country, this trend is only in its infancy. Besides, it is characterized by low efficiency and needs to decide a wide range of issues.

Keywords: *China, virtual space, network society, virtual social management.*

Современный этап развития человеческой цивилизации сопровождается стремительным прогрессом в сфере информационных технологий. Безусловно, информационный обмен во все времена являлся одним из наиболее значимых факторов цивилизационного развития, но современные компьютеризированные информационные сети, в условиях глобализации горизонтально и вертикально пронизывающие жизнь общества, как внутри отдельных стран, так и на транснациональном уровне, становятся основой формирования нового типа общества – глобального сетевого общества.

Развитие интернет-технологий и виртуализация реальности пронизывают все сферы жизнедеятельности современного человека, включая формы организации и воспроизводства экономической, политической, культурной сфер, но и оказывают непосредственное влияние на мышление и мировоззрение людей. Термин «сетевое общество» был впервые предложен испанским социологом Мануэлем Кастельсом в рамках его теории информатизации современного общества и понимался как формирующаяся в глобальном масштабе новая социальная структура, важнейшей особенностью которой является противостояние сетевых информационных систем и отдельной личности. При этом смена способов воспроизводства, повсеместное внедрение информационных технологий неизбежно ведут к изменению общественных отношений, трансформации принципов взаимодействия внутри социума, между обществом и государством, между представителями обществ различных государств [2].

В данных условиях вполне закономерным становится повышенный интерес отечественных и зарубежных исследователей к проблемам научного осмысления сетевого общества, его влияния на социокультурное пространство отдельных стран и всего мира в целом. Все более остро встает вопрос о специфике функционирования сетевого общества, его базовых характеристиках, а также о механизмах его управления. Наиболее актуальной эта проблема сегодня является для Китая, стремительно развивающего информационные техно-

логии и обладающего, в силу демографической специфики, самым многочисленным сетевым сообществом. Так, согласно данным CNNIC (The China Internet Network Information Center), опубликованным в 2015 г. в 36-м статистическом докладе о развитии сети Интернет в КНР, общее число интернет-пользователей в Китае составило 668 млн человек, или 48,8 % всего населения страны [9]. По мнению китайского исследователя Сюн Гуанцина, управление сетевым обществом в современном Китае сталкивается с множеством новых проблем и угроз, требующих всестороннего научного анализа, результаты которого в свою очередь будут иметь ключевое значение для трансформации всей системы социального управления в КНР [5].

Говоря о базовых характеристиках сетевого общества, следует отметить, что это, прежде всего, некая преобразованная в цифровую форму совокупность общественной структуры, общественных связей и общественных ресурсов, имеющая при этом виртуальную природу, но существующая реально. Другими словами, сетевое общество – это объективное социальное явление, которое, однако, не может существовать без реального общества и обладает своими, присущими только ему, особенностями. Китайский исследователь Хэ Чжэ в данной связи выделяет следующие характеристики сетевого общества: утрата привычной значимости пространства и времени, анонимность и равенство субъектов, тесные общественные связи. При этом Хэ Чжэ особенно подчеркивает, что сетевое общество – это чрезвычайно сложная огромная по масштабам система, обладающая большим количеством специфических характеристик, наиболее значимыми среди которых, в плане анализа проблемы управления сетевым обществом, являются: децентрализация, скоординированность и самоорганизация, неконкретность, импульсивность [6]. Таким образом, с точки зрения трансформации механизмов социального управления, традиционное общество характеризуется такими несвойственными сетевому обществу особенностями, как: авторитарность, наличие центра, руководства и организации.

Данный факт говорит о том, что управление сетевым обществом является крайне сложным и плохо контролируемым процессом.

Теоретическим базисом исследований проблем управления сетевым обществом в Китае стала общая теория социального управления, основы которой были заложены еще на рубеже XIX–XX вв. в трудах Тейлора, Вебера, Маслоу и др. Начало же китайских исследований в рамках теории социального управления приходится лишь на 90-е гг. XX в., при этом в работах того времени происходит четкое разграничение китайских дефиниций «правление» (тунчжи) и «управление» (чжили). «Правление» (тунчжи) соотносится с традиционным пониманием управления обществом на основе власти и контроля, тогда как «управление» (чжили) понимается как управление на основе согласованности и взаимодействия. Исходя из этого, социальное управление характеризуется плюрализмом субъектов управления, которые, кроме того, при определенных условиях могут меняться местами с объектами управленческой деятельности. Подобная установка предполагает, что наряду с официальными субъектами в процесс управления обществом все чаще вовлекаются отдельные граждане или группы социально активных представителей гражданского общества.

Повышенное внимание к научным изысканиям в сфере социального управления на фоне стремительного распространения Интернет технологий и формирования в Китае сетевого общества приводят к осознанию значимости исследований, посвященных проблемам виртуального социального управления. Специфика подхода китайских ученых заключается в том, что они, в отличие от западных коллег, при оценке эффективности управления исходят не из специфики субъекта (правительство, отраслевые структуры, гражданское общество, отдельные граждане), а из проблем и вызовов, стоящих перед сетевым обществом, не отрицая при этом множественности субъектов.

В современной науке еще не сформирована единая модель управления сетевым обществом, при этом предпринимаются попытки классифицировать существующие сегодня в мировой практике модели виртуального социального управления. Так, китайский социолог Сунь Ли выделяет три типа моделей по характеру субъекта и роли правительства: ведущая роль правительства, самоорганизация при направляющей функции правительства, объединение управляющей функции правительства и самоорганизации [4]. Другой китайский исследователь Чжан Сяньлун предлагает классификацию, в основе которой проблема обеспечения информационной безопасности:

1. Модель «снизу вверх» (цзы ся эр шан), суть которой заключается в том, что обеспечение информационной безопасности осуществляется посредством достижения консенсуса между частными лицами и интернет-операторами.

2. Модель «снизу вверх плюс третья сторона» (цзы ся эр шан цзя дисань фан цзигоу), согласно которой информационная безопасность обеспечивается совместно частными лицами, интернет-операторами и третьей стороной, роль последней заключается в принятии решения в случае конфликта между первыми двумя субъектами управленческой деятельности.

3. Модель «сверху вниз» (цзы шан эр ся) – управление процессом обеспечения информационной безопасности полностью осуществляется правительством и судебными органами.

4. Модель «сверху вниз плюс третья сторона» (цзы шан эр ся цзя дисань фан цзигоу), в этом случае содержание управленческой деятельности определяется правительством, а реализуется она совместно судебными органами и сторонними неправительственными организациями.

5. Модель «сверху вниз плюс снизу вверх» (цзы шан эр ся цзя цзы ся эр шан) – управление в сети Интернет осуществляется совместно правительством, частными лицами и интернет-операторами [8].

Особый интерес представляют собой модели китайских ученых, разрабатываемые в рамках исследований проблемы

управления сетевым обществом в КНР и в полной мере учитывающие государственную специфику. Такие китайские исследователи, как Ван Цзявэй и Чжу Цзинь, разрабатывают модель гармоничного управления (хэсе чжили моши), которая характеризуется множественностью субъектов, посредством правовых, административных и технических механизмов осуществляющих управленческую деятельность при руководящей роли правительства КНР. Основная цель управления в рамках данной модели – устойчивое развитие равноправного, безопасного, жизнеспособного сетевого общества, способствующего гармонизации социальной, экономической, политической и культурной сфер жизнедеятельности китайского общества [1].

Другой китайский автор, Цай Сянхуа, разрабатывает модель совместного управления (гунтун гуанли моши), объединяющую в себе государственное управление с персональным и массовым менеджментом. Правительство по-прежнему остается основным фактором, определяющим деятельность в рамках сети Интернет в Китае, но в процессе управления акцентирует внимание на адаптации к новым формам виртуального социального управления посредством самоорганизации и привлечения сторонних субъектов. Большое значение придается формированию законодательной базы [7].

Доктор социологических наук, профессор Пекинского университета Се Цзюньгуй выдвигает модель комплексного управления (цзунхэ чжили моши). Виртуальное социальное управление осуществляется всеми организациями и ведомствами, имеющими отношение к контролю и организации работы сети Интернет в стране, а также широко привлекаемыми общественными организациями и обществом, при сохранении руководящей функции правительства и КПК. Управленческая деятельность реализуется совместно всеми субъектами посредством правовых, административных, технических, социальных и других механизмов. Цель управления определяется необходимостью решения социальных проблем в виртуальном пространстве (популяризация образования в среде интер-

нет-пользователей, профилактика интернет-преступлений, координация массовых мероприятий и действий в сети) и обеспечения устойчивого гармоничного развития китайского сетевого общества [3].

Очевидно, что все три выше обозначенные модели в полной мере отвечают внутривнутриполитическому курсу Китая и ориентированы на продвижение и закрепление идеологических социальных установок правительства и партии внутри сетевого сообщества. При этом следует подчеркнуть, что, несмотря на всеобщую доступность, массовость и отсутствие границ в виртуальном пространстве, китайские интернет-пользователи не имеют полного доступа к глобальным информационным сетям, контролируемым на территории КНР посредством проекта «Золотой щит» (Цзиньдунь гунчэн), более известного как «Великий китайский файервол». Использование китайским руководством подобных мер цензуры в информационном пространстве сети Интернет обусловлено необходимостью обеспечения информационной безопасности почти полутора миллиардного населения страны, а также стремлением к поддержанию безопасной и стабильной социальной среды. Впрочем, даже столь беспрецедентные меры не способны избавить руководство страны от необходимости решения проблем и нейтрализации угроз, все более остро проявляющихся в процессе развития виртуального общества.

Наибольшее значение в процессе разработки моделей виртуального социального управления китайские эксперты и ученые придают угрозам политической, общественной, экономической безопасности и угрозе национальным интересам. Угроза политической безопасности объясняется потенциальной возможностью через информационные сети оказывать влияние на политические взгляды интернет-пользователей, распространять сепаратистские настроения, дестабилизировать политический порядок, ослаблять авторитет правящей партии.

Что касается угрозы общественной безопасности, можно выделить два основных момента. Во-первых, это проблема защиты частных данных граждан КНР, хранящихся в различных

банковских, транспортных, медицинских, образовательных и других структурах. Во-вторых, сегодня в Китае очень остро стоит вопрос о негативном влиянии Интернета на нравственный облик граждан. Речь идет, прежде всего, о таких явлениях, как распространение в сети клеветы, терроризма, порнографии, нарушение права неприкосновенности частной жизни и прав интеллектуальной собственности.

Угроза экономической безопасности обусловлена постоянно возрастающим числом экономических преступлений в сети Интернет, включающих валютные махинации, распространение шпионских программ, хакерские атаки и т. д. Основными факторами, определяющими проблему обеспечения экономической безопасности КНР в виртуальном пространстве, являются: несовершенство системы планирования, низкий уровень секретности экономической информации, слабая правовая база, недоучет профилактических мероприятий, использование бизнес-структурами устаревшего программного обеспечения и т. д.

В основе угрозы соблюдению национальных интересов КНР лежит все возрастающая роль виртуального пространства как ресурса развития государства наравне с территорией, морским, воздушным и космическим пространством. Постоянно усиливающееся влияние на национальную безопасность таких негативных явлений, как компьютерные вирусы, интернет-атаки, распространение спама, хищение секретных сведений и т. д., обуславливает обеспокоенность руководства страны потенциальными попытками западных государств подорвать идеологическую основу Китая, превратить сеть в пространство организации антикитайской террористической деятельности. Серьезные опасения у китайской стороны вызывает глобальный информационный контроль со стороны США.

Очевидно, что для обеспечения государственной безопасности и нейтрализации угроз, обусловленных стремительным развитием информационных технологий и формированием нового типа социальной организации (сетевое общество), Китай остро нуждается в разработке эффективной стратегии

виртуального социального управления, которая на сегодняшний день находится еще на начальной стадии своего формирования. Наиболее важными проблемами, препятствующими повышению эффективности осуществляемого в Китае управления сетевым обществом, являются: разделение общественного мнения в реальности и в виртуальном пространстве; высокий уровень политизации проблем, обсуждаемых китайцами в Интернете; отсутствие эффективных механизмов контроля за распространяемой в сети информацией.

Список литературы

1. Ван Цзявэй, Чжу Цзинь. Хэсе шэхуэй шиеса вого хуляньван чжили дэ луцзин фэньси. = Анализ сетевого управления в КНР с позиций концепции гармоничного общества [Электронный ресурс] // Наньхуа дасюе сюебао. (Общественные науки). 2007. № 2. Режим доступа: <http://www.cqvip.com/read/read.aspx?id=24535135> (дата обращения: 10.01.2016). Кит. яз.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Се Цзюньгуй. Чжунго тэсэ сюйни шэхуэй гуаньли цзунчжи моши инь лунь. = Комплексная модель виртуального социального управления с китайской спецификой [Электронный ресурс] // Шэхуэй кэсюе яньцзю. 2013. № 5. Режим доступа: <http://doc.qkzz.net/article/705e0e68-b7e1-4300-8107-e1bc4bfde923.htm> (дата обращения: 15.01.2016). Кит. яз.
4. Сунь Ли. Хуляньван чжили гоцзи бицзю юй цзяньгуань чжэньцэ яньцзю. = Сравнительный анализ международных систем управления в сети Интернет и исследование политики контроля и управления [Электронный ресурс] // Цзинин гуаньличжэ. 2014. № 10. Режим доступа: <http://jyglzz.com/new.asp?id=16466> (дата обращения: 10.01.2016). Кит. яз.
5. Сюн Гуанцин. Туйцзинь Чжунго ванло шэхуэй чжили нэнли цзяньшэ. = Продвижение формирования механизма управления сетевым обществом в Китае [Электронный ресурс] // Шэхуэй чжили. 2015. № 2. Режим доступа: <http://samuelbear.blogchina.com/2560222.html> (дата обращения: 10.01.2016). Кит. яз.
6. Хэ Чжэ. Ванло шэхуэй дэ цзибэнь тэсин цзи ци гунгун чжили цэлюе [Электронный ресурс] // Ганьсю синчжэнь сюеюань сюебао. 2014. № 3. Режим доступа: <http://m.aisixiang.com/data/77122.html> (дата обращения: 10.01.2016). Кит. яз.

7. Цай Сянхуа. Вого хуляньван чжили сюйяо синь сылу. = Сетевое управление в Китае нуждается в новых идеях [Электронный ресурс] // Циндао синчжэн сюеюань сюебао. 2007. № 1. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/comments/2014-12/26/c_1113785857.htm (дата обращения: 10.01.2016). Кит. яз.

8. Чжан Сяньлун. Чжунго хуляньван чжили: юаньцзе юй моши. = Управление сетью Интернет в Китае: принципы и модели [Электронный ресурс] // Синь цзинци даокань. 2013. № 3. Режим доступа: <http://www.boraid.cn/article/html/226/226036.asp> (дата обращения: 10.01.2016). Кит.яз.

9. Чжуньюе баво ванло шэхуэй чжили дэ нэйцзай гуйлюй. = Осмысление внутренних законов управления сетевым обществом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rmlt.com.cn/2015/1222/412324.shtml> (дата обращения: 10.01.2016). Кит. яз.

УДК 338.486:711.2

Алексей Анатольевич Котельников,

канд. полит. наук,

представитель МИД России в г. Чите,

Министерство международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края,

e-mail: medikor@mail.ru

Проблема создания туристического бренда как фактор, препятствующий развитию въездного туризма из КНР в Забайкальский край

Статья акцентирует внимание на проблемах создания туристического бренда Забайкальского края в сравнении с имеющимися брендами на территории приграничных районов КНР. Делается вывод о необходимости формирования туристического бренда, основанного на комплексном подходе, что позволит не только увеличить въездной туристический поток, но и использовать бренд как стратегический инструмент развития региона.

Ключевые слова: *Забайкальский край, Китай, туристический бренд, въездной туризм.*

Alexey Anatolyevich Kotelnikov,

PhD (Political Sciences),

Representation of the MFA of Russia in Chita,

*The Ministry of international cooperation, foreign economic relations
and tourism of Transbaikal Krai,*

e-mail: medikor@mail.ru

**The problem of creating a tourism brand as a factor
preventing the development of inbound tourism from China
to Transbaikal region**

The article focuses on the problems of creating a tourism brand of Transbaikal region in comparison with the existing brands in the border areas of China. The conclusion about the necessity of formation of tourism brand based on an integrated approach that will not only increase inbound tourist grow, but also use the brand as a strategic instrument for the development of the region.

Keywords: *Transbaikal region, China, tourism brand, inbound tourism.*

Развитие всестороннего российско-китайского сотрудничества, рост благосостояния китайских граждан, а также продолжающееся с конца 2014 года падение обменного курса российской национальной валюты привело к существенному увеличению количества граждан КНР, посещающих Россию с туристическими целями.

По данным российской туристической ассоциации «Мир без границ», в 2015 году в рамках безвизового группового обмена Россию посетило около 600 тыс. туристов из Китая. В сравнении с предыдущим годом въездной туристический поток в Российскую Федерацию вырос почти в два раза.

Въездной туризм из Китая становится драйвером роста всего въездного туризма в Россию и уже смог серьезно заинтересовать как участников рынка, так и администрации субъектов Федерации.

Однако в деле привлечения китайских туристов в российские регионы существует ряд негативных факторов, препятствующих развитию въездного туризма из КНР.

Китайские туристы, как правило, имеют стереотипное восприятие России, обусловленное их слабым знанием исто-

рии, географии и культуры нашей страны, а также современных российских реалий, ограниченностью представлений о русском и других народах; населяющих Российскую Федерацию. Зачастую представления китайцев о нашей стране, в основном сформированные представлениями, сложившимися в 50-х годах прошлого века, расходятся с нынешними реалиями.

Как правило, основной туристический поток из Китая направляется в Москву, Санкт-Петербург, в Иркутскую область или Республику Бурятия (посещение всемирного известного озера Байкал).

Большинство субъектов Российской Федерации не имеют своего собственного «раскрученного» туристического бренда, известного на туристическом рынке КНР.

Существуют как минимум четыре специфические группы факторов, которые накладывают рамки на проектирование идентичности бренда территории в отличие от товарных и корпоративных брендов:

1. Географическое положение и вытекающая из него глобальная геополитическая миссия территории.

2. Природно-ресурсный потенциал, который определяет преимущества территории в глобальном разделении труда и влияют на стратегию ее позиционирования.

3. Национально-культурные особенности страны, существенно влияющие на ценности, которые формулирует для себя территориальная единица, поскольку они не могут быть оторваны от национальной культуры.

4. Текущая визуальная политика и символика территории. Выбор дизайна торгового знака или логотипа бренда территории должен согласовываться с существующей геральдикой или брендами более крупных территорий, частью которых является рассматриваемая территория. Этот принцип согласования стиля бренда территории со стилем геральдических символов является важным принципом дизайна брендов территорий.

Необходимо отметить, что позиционирование Забайкальского края сопряжено с рядом трудностей, вызванных тем,

что многие очевидные потенциальные бренды уже «заняты» китайскими соседями и активно ими используются.

Так, например, соседний с пос. Забайкальск г. Маньчжурия давно и успешно пользуется раскрученным брендом «континентального моста между Китаем, Россией и Монголией, крупнейшего сухопутного порта Китая, выдающегося туристического города Китая». В центральной части Маньчжурии сохранено несколько десятков русских деревянных изб начала прошлого века, возведены здания в европейском стиле, построена обширная площадь, на которой размещены уменьшенные копии известных китайцам памятников, сделанных знаменитыми российскими и советскими скульпторами. У туристов из внутренних районов КНР имеется возможность максимально близко подойти к российской границе, сфотографироваться на фоне китайского и российского пограничных знаков, подняться на «государственные ворота» и посмотреть на пос. Забайкальск, купить сувениры если не российского производства, то «российского» вида. Иными словами, китайским туристам Маньчжурия предоставляет возможность «побывать» в России, не пересекая границу.

А. П. Чехов написал в своем письме 20 июня 1890 г., находясь под впечатлением от посещения казачьей станицы Горбица, расположенной на реке Шилка: «Забайкалье великолепно. Это смесь Швейцарии, Дона и Финляндии».

Такая же, как в Забайкалье «смесь Швейцарии, Дона и Финляндии» есть в приграничных с Забайкальем провинции Хэйлуцзян и Автономном районе Внутренняя Монголия. Китайцев, желающих посетить нетронутые цивилизацией степи в районе городов Маньчжурия и Аргунь, а также лесные массивы Большого Хингана, хватает в избытке. Рядовым китайским туристам такого знакомства с природой вполне достаточно. Тем более, что китайский берег Аргуни и Амура не менее российского богат уникальными природными ресурсами, интересными ландшафтами, отличается биологическим разнообразием территории.

С точки зрения истории, город Нерчинск, в котором в 1689 г. прошло подписание первого в истории отношений

России и Китая Нерчинского договора, заложившего основы межгосударственных отношений и установившего принципы прохождения государственной границы, мог бы успешно продвигать этот бренд. Однако в настоящее время в двух странах оценка Нерчинского договора далеко не равнозначна, что не дает стопроцентной уверенности в успехе продвижения данного бренда.

Другим историческим брендом мог бы стать так называемый «международный красный канал связи», использовавшийся в 20–30-е гг. прошлого века китайскими коммунистами, Коминтерном и ВКП(б). Канал связи китайских коммунистов проходил через город Маньчжурию и советскую станцию Отпор (так в те годы назывался пос. Забайкальск). Но этот бренд давно и успешно используют в соседней Маньчжурии, получая государственную поддержку в рамках развития «красного туризма» в КНР.

Еще одним брендом, связанным с историей, мог бы стать Чингисхан. Считается, что Чингисхан родился на берегах реки Онон. Но река Онон, протекающая по территории Забайкальского края, берет начало в Монголии. Монголы считают, что Чингисхан родился и умер на территории современной Монголии. Китайцы, в свою очередь, уверены, что Чингисхан похоронен на территории Внутренней Монголии, близ современного города Ордос, где в его честь построен мавзолей. Поэтому продвижение данного бренда, скорее всего, не имеет перспективы.

Желание использовать в качестве бренда территории самобытную культуру и религию народов, проживающих в Забайкалье – бурят, эвенков, русских, в том числе потомков старообрядцев («семейских»), вряд ли приведет к какому-нибудь заметному результату.

В соседнем Автономном районе Внутренняя Монголия проживают те же буряты, эвенки, русские. У них есть свои национальные автономные территориальные образования, а именно: Ороchonский и Эвенкийский автономные хошуны, три

бурятских сомона, самый крупный из которых Барун-сомон, а также русская национальная волость Эньхэ в районе так называемого «Русского Трехречья» на территории города Аргунь.

Данные национальные автономные территориальные образования, при поддержке вышестоящих народных правительств, активно развивают туризм, делая упор на своей самобытной культуре и религии, привлекая немалое число туристов из внутренних районов Китая.

Можно было бы попытаться опереться на культурные традиции забайкальских казаков, но и тут не стоит ждать положительного результата. Для китайцев, особенно современной молодежи, казаки – это те, кто в начале XX века подавлял восстание ихэтуаней, кто в составе армии восьми империалистических держав входил в Пекин, те, кто служил в охранной страже КВЖД на территории Северо-Восточного Китая. Разница в оценке исторической роли казаков сводит на нет попытки заработать на предложении китайским туристам культуры забайкальских казаков. Кроме того, потомков забайкальских казаков можно воочию увидеть в единственной в Китае русской национальной волости Эньхэ.

Предпринимаются попытки встроиться в туристический проект «Великий чайный путь» и маршрут следования иностранных туристов до озера Байкал.

Приграничная торговля России с Китаем стала развиваться после заключения Нерчинского договора 1689 года. Однако основной маршрут чайного пути проходил из Китая в Россию через Кяхту, которая в то время называлась Троицесавск, что на территории Республики Бурятия, а не через забайкальский Староцурухайтуй, который был самым первым пунктом пропуска на границе России с Китаем. И хотя Забайкальский край наряду с другими российскими регионами участвует в этом проекте, основной поток туристов от «чайных туров» направляется в Бурятию.

В силу географического положения Забайкальский край является транзитным коридором на пути следования иностранных путешественников к побережью озера Байкал, однако территории Забайкалья практически ничего не получают от

туристов, следующих к Байкалу поездом или самолетом. Ситуация может измениться с развитием частных автомобильных туристических поездок китайских граждан, следующих через Забайкалье, но это вопрос будущего.

Очевидно, что работа по брендингу Забайкальского края должна быть основана на комплексном подходе, который позволяет использовать бренд как стратегический инструмент развития региона. В этой связи представляется важным, чтобы на пути создания бренда Забайкалья был бы учтен уже имеющийся опыт, в том числе, китайских соседей, чтобы избежать повторения найденных кем-то решений.

УДК 332.14

Лу Чуньюе,

*магистр, профессор,
Хэйхэский университет, КНР,
e-mail: luchunyue@163.com*

Понятие приграничного сотрудничества в исторической ретроспективе (по китайским и российским источникам)

В статье даются различные варианты понятия дефиниции «приграничное сотрудничество», акцентируется внимание на содержании этих понятий, приводятся формулировки данного термина и китайскими учеными.

Ключевые слова: *приграничное сотрудничество, Европейская рамочная конвенция, Россия и Китай.*

Lu Chunyue,

*Master, Professor,
Heihe State University, China,
e-mail: luchunyue@163.com*

The notion of cross-border cooperation in historical perspective (by Chinese and Russian sources)

The article provides a variety of options for the definition of the concept of "cross-border cooperation", focuses on the content of these concepts are the formulation of the term, and Chinese scientists.

Keywords: *cross-border cooperation, the European Framework Convention, Russia and China.*

Вопросы приграничного сотрудничества имеют для Российской Федерации чрезвычайно важное значение (из восьмидесяти трех субъектов Федерации сорок девять являются приграничными или прибрежными).

Приграничное сотрудничество является достаточно новым для России элементом внешнеэкономических связей. Именно поэтому данный вопрос нельзя отнести к хорошо изученным. Более того, в 90-е годы XX в. практика подобных экономических связей развивалась такими темпами, что теоретическое обоснование, оформление в рамках научной терминологии запаздывало. Анализ повторяемости в различных публикациях и заявлениях термина «приграничное сотрудничество» позволяет сделать вывод о том, что четкого понимания того, что вкладывается в это понятие, нет не только в Российской Федерации, но и в странах Европы» [8].

Многогранность и актуальность проблематики приграничного сотрудничества (ПС) РФ и КНР определили высокий интерес ученых России. В значительной степени он концентрировался на экономических и социальных аспектах взаимодействия [5].

Следует отметить, что термин «приграничное сотрудничество» – это один из наиболее сложных и часто употребляемых терминов. Но до сих пор существует проблема самой дефиниции приграничного сотрудничества. Приведем несколько вариантов определений данного понятия и выберем, на наш взгляд, наиболее точное и приемлемое для современной России.

Итак, согласно статье 1 Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, приграничное сотрудничество – это «любые согласованные действия, направленные на усиление и поощрение отношений между территориальными сообществами и властями, находящимися под юрисдикцией двух и более Договаривающихся сторон, а также заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения вышеуказанных целей. Приграничное сотрудничество определяется в пределах полномочий территориальных сообществ и властей [4].

Как отмечает ряд исследователей, в частности Н. М. Межевич, «определение приграничного сотрудничества, данное в Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации (2001 г.), утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2001 г., фактически «отрывает» приграничное сотрудничество от границы» [8, с. 29]. В этом документе указано, что «под приграничным сотрудничеством в Российской Федерации понимаются согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, направленные на укрепление взаимодействия Российской Федерации и сопредельных государств в решении вопросов устойчивого развития приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, повышения благосостояния населения приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, укрепления дружбы и добрососедства с этими государствами» [7].

По мнению В. А. Останина, сферой неиспользуемых возможностей в торгово-экономических отношениях остается приграничное сотрудничество. Причем приграничное сотрудничество не сводится исключительно к приграничной торговле, хотя последняя занимает весьма значимое место в этой сфере [10]. Тем самым автор, не раскрывая понятие «приграничное сотрудничество», придает ему более широкий смысл.

По нашему мнению, приграничное сотрудничество – это одна из форм международной деятельности регионов, состоящая из совокупности согласованных действий органов государственной власти всех уровней, находящихся на сопредельных территориях, местного самоуправления, хозяйствующих субъектов, общественных организаций, научных и учебных заведений, деятельность которых направлена на повышение благосостояния населения, на экономический и социальный прогресс приграничных регионов государства; юридически оформленная в виде соглашений и договоров, необхо-

димых для достижения этих целей, в пределах компетенции, определенной законодательством государства [1].

Приграничное сотрудничество – всесторонние взаимовыгодные связи приграничных территорий РФ с приграничными регионами сопредельных государств, осуществляемые путем согласованных действий компетентных органов сторон на основе заключенных между ними соглашений и национального законодательства [1].

«...Приграничное сотрудничество – согласованные действия участников приграничного сотрудничества по установлению, развитию и укреплению всесторонних добрососедских, дружественных отношений с государственно-территориальными (административно-территориальными) образованиями или властями приграничных регионов сопредельных государств, направленные на повышение благосостояния населения, на экономический и социальный прогресс приграничных регионов государства, а также заключение соглашений и договоренностей, необходимых для достижения этих целей, в пределах компетенции, определенной законодательством государства...» [9].

Приграничное сотрудничество – согласованные действия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц, общественных объединений с соответствующими участниками приграничного сотрудничества сопредельных государств, направленные на создание благоприятных условий для устойчивого экономического и социального развития приграничных территорий, установление, развитие и укрепление взаимовыгодных и дружественных связей приграничных территорий Российской Федерации с приграничными территориями сопредельных государств [11].

Большинство европейских исследователей понимают под приграничным сотрудничеством сотрудничество приграничных регионов, имея в виду, что приграничный регион – это потенциальный регион, с присущей ему географией, историей, экологи-

ей, этническими группами, экономическими возможностями и т. д., но разделенный суверенитетом правительств, правящих по обе стороны границы. Как видно из определений приграничного сотрудничества, взятых из разных источников, единства в понимании этой формы нет. Даже по поводу территориального масштаба сотрудничества единого мнения нет. Однако определение приграничного сотрудничества, данное в Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2001 г.; фактически «отрывает» приграничное сотрудничество от границы. В документе отмечено: «Под приграничным сотрудничеством в Российской Федерации понимаются согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, направленные на укрепление взаимодействия Российской Федерации и сопредельных государств в решении вопросов устойчивого развития приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, повышения благосостояния населения приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, укрепления дружбы и добрососедства с этими государствами» [7].

Приграничное сотрудничество (от англ. *cooperation on the border*) – это сотрудничество, которое происходит на государственном уровне между двумя или более участниками по вопросам государственной границы. Целью такого сотрудничества являются приграничные переговоры, установление порядка пересечения границы, соглашения в области таможенного и визового режима, проведение совместных операций в приграничной зоне, развитие совместных систем сигнализации и т. д.

Под приграничным сотрудничеством в России понимаются любые согласованные действия, направленные на усиление и поощрение отношений между Российской Федерацией и любыми сопредельными государствами в решении вопросов устойчивого социально-экономического развития приграничных территорий при обеспечении суверенитета, неприкосно-

венности и целостности территории, реализации и защиты национальных интересов и безопасности Российской Федерации в ее приграничном пространстве.

Приграничное сотрудничество осуществляется прежде всего на приграничной территории Российской Федерации и сопредельной приграничной территории.

Приграничное сотрудничество – согласованные действия, направленные на укрепление и поощрение добрососедских отношений между приграничными территориями, заключение в соответствии с законодательством Сторон соглашений, необходимых для достижения этих целей [6]. Данная формулировка почти схожа с той, которая находит свое отражение в Европейской рамочной конвенции 1980 года. Кроме того, под приграничным сотрудничеством обычно понимается государственно-общественная структура, включающая в себя Федеральные ведомства, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, деятельность населения, общественные инициативы.

Приграничное сотрудничество в условиях глобализации мировой экономики является тем пространственным ландшафтом, где глобальное прочтение проблем сочетается с локальными задачами. Явление глобализации (взаимозависимость глобальных процессов и национальных особенностей локальных территорий) позволяет рассматривать приграничное сотрудничество в качестве конкурентного ресурса региона. Приграничные связи особенно важны для восточных регионов России, экономически оторванных от индустриально развитой европейской части страны действующими транспортными тарифами. Ключевой компетенцией, реализующей конкурентный ресурс приграничного сотрудничества региона, становится торгово-логистическая специализация края [3].

Н. М. Межевич указывает на проблематичность «концепско-го» определения 2001 г. – оторванность ПС от границы. Однако в нем перечислены все субъекты, осуществляющие эту деятельность, шире даются цели такого сотрудничества [8, с. 30–31].

В. А. Останин, рассматривая вопросы приграничного сотрудничества, указывает только на широкий круг «деятельности» ПС, никаким образом не уточняя это [10, с. 97].

Мы же предлагаем свое определение приграничного сотрудничества, в котором расширяем круг субъектов «деятельности» приграничного сотрудничества, не указывая цели такой деятельности, ибо они находят свое отражение в совместных нормативных документах России и Китая. Отметим, что Модельный закон, приведенный в нашей работе, как бы дублирует Концепцию о приграничном сотрудничестве в Российской Федерации (2001 г.).

Проект Федерального закона «Об основах экономического сотрудничества в Российской Федерации» (2004 г.) рассматривает приграничное сотрудничество как «часть международных отношений, международных и внешнеэкономических связей...». Следует отметить, что это определение дважды содержит в себе словосочетание «приграничное сотрудничество»: «Приграничное сотрудничество – часть... приграничного сотрудничества Российской Федерации и приграничного сотрудничества сопредельных государств...» Не понятно, что имели в виду авторы этого определения, нарушая законы русского языка. Оно же не содержит задач.

Рассмотрим понятия приграничного сотрудничества, сформулированные китайскими учеными. Приграничное сотрудничество является важным способом межрегионального сотрудничества и основным способом экономического сотрудничества на межрегиональных границах. Преимуществом приграничного сотрудничества является объединение различных стратегий, технологий, ресурсов, кадров и даже слияние культур соседних стран, что тем самым будет максимально способствовать сочетанию производства и ресурсов, и в конечном счете, ведёт к оптимальному распределению знаний и ресурсов [2].

Приграничное сотрудничество – межрегиональное сотрудничество в приграничных районах соседних стран. На основе уважения суверенитета, независимости и территориальной целостности и действенных юридических границ следует

признать различия политики и институционализации, в рамках двухсторонних и многосторонних совместных разработок использовать граничное преимущество, изменить экономическое отставание в отдаленных районах государства, укрепить конкурентные преимущества пограничных районов. Приграничное сотрудничество первоначально функционировало в сфере торговли и транспорта, потом оно стало всесторонним экономическим сотрудничеством. Высшая форма приграничного сотрудничества проявляется через сотрудничество в областях экономики, экологии, транспорта, культуры, образования и социальной жизни и т. д. [12].

Следует отметить, что китайские ученые также придают большое значение экономическому сотрудничеству на межрегиональных границах. Аналогично как и российские исследователи, ученые из КНР, отмечают, что содержание приграничного сотрудничества первоначально носило узкий характер, ограниченный ранее только сферой торговли (и транспорта). В настоящее время данные направления приграничного сотрудничества значительно расширены, что также нашло свое отражение в понятийном аппарате такого аспекта у китайских исследователей.

Вышеприведенные понятия термина «приграничное сотрудничество» изобилуют своей неконкретикой, неопределенностью. Эти дефиниции носят «размытый» характер, в них выделяется тот или иной аспект, что является одной из проблем данного понятийного аппарата. Все это приводит либо к широкой, либо к узкой трактовке данной дефиниции. Поэтому, на наш взгляд, необходимо на законодательном уровне закрепить именно одно (четкое) понятие «приграничное сотрудничество», которое бы включало в себя все необходимые для этого современные аспекты.

Приграничное сотрудничество по-прежнему остается желаемой, но неоправданно медленно развивающейся формой взаимодействия приграничных территорий с географически соседями. В России до сих пор не создана правовая основа приграничного сотрудничества. Вследствие этого российские

регионы не реализуют свои преимущества и несут дополнительные издержки по выполнению ими приграничных функций. Приграничное сотрудничество предполагает решение ряда экономических, транспортных, энергетических, экологических, социально-демографических и других задач; развитие и укрепление хозяйственных, научно-технических, культурных и гуманитарных связей; упрощение взаимодействия органов власти, деловых кругов и групп населения, в том числе этнических общностей; поддержку соотечественников, проживающих на приграничных территориях.

Мировой опыт свидетельствует, что приграничное сотрудничество ориентировано на установление и развитие взаимовыгодных партнерских отношений населения по обе стороны границы и представляет собой действенный механизм активизации социально-экономического развития приграничных территорий.

Таким образом, учитывая всевозможные аспекты и варианты понятий дефиниции «приграничное сотрудничество», считаем, что таковой является одна из форм международной деятельности регионов, состоящая из совокупности согласованных действий органов государственной власти всех уровней, находящихся на сопредельных территориях, местного самоуправления, хозяйствующих субъектов, общественных организаций, научных и учебных заведений, деятельность которых направлена на повышение благосостояния населения, на экономический и социальный прогресс приграничных регионов государства; юридически оформленная в виде заключения соглашений и договоренностей, необходимых для достижения этих целей, в пределах компетенции, определенной законодательством государства.

В этом определении мы акцентировали внимание на субъектах, осуществляющих данный вид сотрудничества, нормативной базе и целях приграничного сотрудничества.

Список литературы

1. Академик: большой энцикл. слов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 20.01.2016).

2. Ван Ян. Приграничное сотрудничество является важным способом межрегионального сотрудничества // Гуанси жибао. 2012. 王言, 跨境合作是区域合作的重要形式// 广西日报.
3. Грибова С. Н. Приграничное сотрудничество как конкурентный ресурс региона // Изв. УрГЭУ. 2008. № 3 (22). С.94–95, 99.
4. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. 1980. Ст. 1. П. 1.
5. Иванов С. А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации // Россия и АТР. 2011. № 5. С.143.
6. Конвенция о приграничном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств (изм. от февр. 2010 г.): утв. 22.06.2009 г.
7. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 09.02.2001 г., № 196-р.
8. Межевич Н. М. Приграничное сотрудничество: теория и российская региональная практика // Южно-российский форум. 2011. № 1 (2). С. 27–28.
9. Модельный закон «О приграничном сотрудничестве»: утв. 31.10.2007 г. Постановлением № 29–18 // 29-е Пленарное заседание Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. СПб.
10. Останин В. А. Приграничное торгово-экономическое сотрудничество Китая и России: упускаемые возможности // Таможенная политика на Дальнем Востоке. 2012. № 4 (61). С. 96.
11. Проект Федерального закона «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» (доп. 2009 г.).
12. Фэн Гэсин. Анализ модели приграничного сотрудничества Европы. = 冯革群, 欧洲边境区合作模式探析. 北京. Пекин, 2001. С. 54.

УДК 316.42

Елена Павловна Немировская,

*канд. социол. наук,
доцент кафедры менеджмента, маркетинга и сервиса,
Байкальский государственный университет,
e-mail: leo@levgroup.ru*

Чжоу Лися,

*зав. кафедрой русского языка,
Хайнаньский институт экономики и бизнеса,
e-mail: 47876366@qq.com*

Позиционирование регионов южного Китая в контексте туристического международного взаимодействия с Россией (на примере о. Хайнань)

В статье рассматривается позиционирование южного региона Китая – острова Хайнань. Авторы проводят обзор инструментов и примеров позиционирования острова в контексте международного сотрудничества с Россией.

Ключевые слова: позиционирование, регион, туристическое взаимодействие, международный, Хайнань.

Elena Pavlovna Nemirovskaya,

*PhD (Sociological Sciences),
Associate Professor of
Management, Marketing and Service Department,
Baikal State University,
e-mail: leo@levgroup.ru*

Zhou Lixia,

*The Head of the Department of Russian language,
Hainan College of Economic and Business,
e-mail: 47876366@qq.com*

Positioning of regions of southern China in the context of international tourism cooperation with Russia (on the example of Hainan)

The article discusses the positioning of the southern region of China is Hainan island. The authors conduct an overview of tools and examples of the positioning of the island in the context of international cooperation with Russia.

Keywords: positioning, region, tourism cooperation, international, Hainan island.

В условиях глобальной конкуренции возрастает роль позиционирования как инструмента стратегии формирования бренда и имиджа региона, позволяющего привлекать и наращивать ресурсы для своего развития.

Позиционирование в маркетинговом понимании – это поддержание и продвижение привлекательного образа продукта, товара или услуги, повышающего его конкурентоспособность. Любой регион следует рассматривать как специфический товар. Потребителями полезных свойств такого «товара» являются жители, инвесторы, предприниматели, туристы и т. д.

Цель регионального позиционирования – выделить ключевые особенности региона, создать четкие ориентиры, указывающие на территориальную особенность региона. Иными словами, необходимо выявить главные ценности и приоритеты, которые отличают регион от других территорий, определиться с его перспективными брендами.

Позиционировать регион, сделать его узнаваемым можно только путем продвижения его локальных эксклюзивных отличий [4, с. 12].

По словам И. С. Важениной, имидж территории, ее репутация в зарубежных общественно-политических и деловых кругах становятся основополагающими факторами продвижения общегосударственных и региональных внешнеэкономических и политических проектов, важнейшим конкурентным ресурсом для налаживания партнерских отношений. «Доброе имя» выступает предпосылкой для ускорения социально-экономического развития стран/регионов/городов, повышения уровня и качества жизни населения, поскольку способствует решению ряда основополагающих вопросов, имеющих важное значение для интенсивного развития территории. Это, прежде всего, привлечение инвестиций (в том числе – иностранных), расширение рынков сбыта продукции национальных/региональных производителей, привлечение трудовых ресурсов, развитие въездного туризма. Благоприятный имидж той или иной территории во многом определяет успешность решения этих проблем [4, с. 8].

Некоторый анализ позиционирования регионов Южного Китая в контексте туристического сотрудничества с Россией представляется актуальным, учитывая тенденции развития двух стран.

Постоянно меняющаяся мировая внешнеполитическая ситуация приводит к беспрецедентному развитию отношений России и Китая, расширению сфер сотрудничества, реализации новых проектов, в частности, проектов Экономического пояса Шелкового пути, изменению вектора связей с общественностью.

Уже сейчас ясно, что проект Шелкового пути повлечет совместные проекты не только в экономической, торговой, инвестиционной, но и в других областях, в частности, в туристическом сотрудничестве России и Китая. Как считает министр иностранных дел С. Лавров, «помимо экономики, между нашими странами есть огромный взаимный интерес в гуманитарной сфере к развитию контактов и связей. У нас традиционно проходят культурные мероприятия в рамках перекрестных годов. Сейчас идет Год молодежных обменов, регулярно проводятся олимпиады по русскому языку в Китае и китайскому языку в России. Среди китайцев растет число желающих изучать русский язык, все большей популярностью пользуется и китайский язык в России. Также растет число научных обменов» [5, с. 79].

В программу Экономического пояса Шелкового пути предложено интегрировать крупные проекты инвестиционного взаимодействия РФ и КНР. Речь, в частности, идет о подписанной в 2009 году программе совместного развития Восточной Сибири, Дальнего Востока РФ и северо-восточных регионов Китая. По словам сотрудника департамента внешнеэкономических связей МИД КНР Цзинь Шэна, «Россия – неотъемлемый участник стратегии Экономического пояса Шелкового пути, в которую можно интегрировать многие китайско-российские проекты, в частности, программу совместного развития приграничных регионов двух стран» [Там же, с. 78].

Взаимодействие туриндустрии двух стран получило новый виток развития, затрагивающий как бизнес-туризм, так и традиционный пляжный туризм.

С изменением курса юаня и усилением российско-китайского взаимодействия повысился туристический интерес к России у китайских граждан. По данным Росстата, опубликованным на сайте Ростуризма, в первом полугодии 2015 года на территорию РФ с туристическими целями въехало 204,4 тыс. граждан КНР. За аналогичный период прошлого года в России побывало 134,8 тыс. туристов из Китая. Таким образом, с января по июнь 2015 года въездной турпоток из КНР увеличился на 51,6 %. По данным ведомства, общее количество граждан Китая, посетивших РФ с различными целями, в первом полугодии достигло 547,2 тыс., что превышает прошлогодний показатель на 8,9 % [7].

Однако с падением курса рубля значительно сократился выездной поток из России в Китай, в частности, на пляжный отдых на остров Хайнань. По данным Туристической ассоциации «Мир без границ», за 9 месяцев 2015 года на 60 % меньше россиян посетили Китай в рамках соглашения о безвизовых групповых поездках (спад с 461 тыс. в 2014 г. до 184 тыс. поездок в 2015 году).

Исполнительный директор туристической ассоциации «Мир без границ» Светлана Пятихатка отметила: «В ситуации сокращения платежеспособного спроса и диверсификации маршрутов выезжающих за рубеж граждан России для сохранения стабильного въездного потока из нашей страны провинции Хайнань стоит развивать два направления. Во-первых, обеим сторонам было бы выгодно субсидирование рейсов, поскольку именно стоимость билета сейчас стала основным бременем для туриста. Во-вторых, туристы оценили бы сервис, учитывающий различия в российской и китайской культурах. На данный момент после ухода с рынка авиакомпании «Трансаэро» регион связан с Россией прямым рейсом только одного перевозчика, причем китайского. Если на маршруте

появятся новые игроки, то конкуренция будет способствовать снижению цен, а следовательно, росту турпотока» [1].

Несмотря на это о. Хайнань в последний год активно развивает связи с общественностью в разных направлениях. Наблюдается значительный имиджевый интерес к русскому языку как инструменту международного туристического взаимодействия двух стран на о. Хайнань. Пилотажный опрос китайских студентов, изучающих русский язык в г. Хайкоу, Хайнань, в июне 2015 г. на тему «Почему я изучаю русский язык», показал, что изучать русский язык китайская молодежь берется для того, чтобы в будущем работать переводчиками в фирме, получать хорошую зарплату, устроиться на престижную работу. Многих изучать русский язык отправили родители, которые ведут бизнес с Россией. Большинство студентов планируют после окончания продолжить обучение в России и готовы остаться здесь работать. Среди причин изучения русского языка не только прагматичность. Большая часть опрошенных китайских студентов, изучающих русский язык, интересуется русской литературой, читает русские стихи, слушает русскую музыку, хорошо ориентируется в русской культуре, знакома с традициями, знает ключевых политических деятелей, мечтает побывать в России, увидеть Москву, а на праздники в университете обязательно исполняет русские песни, стихи и русские народные танцы.

Рассмотрим некоторые аспекты повышения имиджа и туристической привлекательности острова Хайнань.

В 2010 году правительство Китая поставило перед островной провинцией глобальную цель – стать к 2020 году международным центром туризма. Туризм острова сделал огромные шаги в своем развитии. Международный турпоток достиг пика в 2008 году, когда на остров приехали более 1 млн гостей, а общее число туристов составило 20 млн человек.

В 2014 году остров посетили 650 000 иностранных туристов, или 1,4 % от общего турпотока, составившего 47 890 000 туристов. В основном международный поток складывался за счет гостей из Южной Кореи и России и в меньшей степени – США или Европы [2].

Как считают эксперты, остров недобирает иностранных туристов по нескольким причинам. Особенно в период празднования лунного Нового года, цены на номера в гостиницах курорта повышаются.

По мнению экспертов, туристической индустрии острова также не хватает специалистов, владеющих иностранными языками.

Другая проблема заключается в том, что остров не проводит PR-кампании и, соответственно, не имеет узнаваемости на Западе, где не связывают с Китаем мысли о пляжном отдыхе.

Западные туристы едут в альтернативные страны Юго-Восточной Азии – Таиланд, Вьетнам, Филиппины, Малайзию, которые зачастую дешевле и популярнее китайского тропического острова.

«Да, это большая проблема для нас. Во-первых, развитие туристической индустрии острова Хайнань началось значительно позднее, чем в других странах Юго-Восточной Азии. Во-вторых, стоимость путешествия в соседние страны намного дешевле» – поясняет Чэнь Тецзюнь, заместитель директора Комиссии по развитию туризма провинции Хайнань [2].

Власти провинции Хайнань предпринимают маркетинговые шаги для туристического продвижения острова инструментами видеорекламы. Рекламный ролик под названием «Вдохните Хайнань» (Take a Deep Breath in Hainan) не первый раз транслируется на экране на нью-йоркской площади Таймсквер, которую называют «перекрестком мира». Площадь расположена в самом «сердце» Манхэттена. Ежегодно ее посещают 40 млн иностранных туристов, и свыше 500 000 человек проходят по ней каждый день .

Ролик был создан туристическим управлением провинции Хайнань и является одной из инициатив по привлечению иностранных туристов в регион в 2015 году. 15-секундный фильм рассказывает об уникальной экологической среде острова, сохранившейся в первозданном виде, и о гармонии между человеком и природой [3].

Государственный комитет по туризму острова Хайнань совместно с русскими специалистами также создает видеоролики на русском языке и циклы видеопередач об острове, которые транслируются в Интернете.

Главная цель властей острова – превратить туристический центр г. Санья в курорт наподобие Дубая или Майами, но только в Южно-Китайском море.

Заместитель генерального директора Sanya Phoenix Island Investment Group Ли Ли (компания планирует инвестировать 17,6 млрд юаней в развитие курорта) считает, что в течение ближайших 10 лет Санья будет играть серьезную роль на международной туристической карте.

По словам г-жи Ли, остров превращается во второй Дубай – место, куда приезжают знаменитости. Кроме того, Хайнань уже становится центром для международных кинофестивалей, наподобие каннского [2].

Один из ключей к будущему успеху острова – международные круизные суда. В порту г. Санья готовится к запуску новый причал, способный принимать даже самые большие круизные корабли.

В последние годы на острове активно развивается направление событийного туризма, основанного на инструментах ивент-маркетинга.

Каждый год здесь проходят мероприятия международного формата, такие как конкурс «Мисс мира», Кубок мира по гольфу, чемпионаты по яхт-спорту и кайтсерфингу, велоспорту, выставка орхидей и т. д. Руководство страны сделало Хайнань одной из площадок для укрепления отношений Китая с другими странами: ежегодно здесь проводится Боаоский азиатский форум, а в 2011 году в городе Санья прошел саммит БРИКС.

Проектом, заслуживающим особого внимания, является строительство «Коммуны Кино» вблизи Хайкоу, которая спроектирована по мотивам фильмов известного китайского режиссера Фэн Сяогана. Возле Города кино, как называют

Коммуну, располагается премиум-комплекс Mission Hills, в котором активно строится целая сеть развлечений.

Продвижение местных брендов немаловажно для развития туризма. Одним из мест, где сегодня создается реклама для хайнаньской продукции, является «Международная креативная гавань» в Хайкоу. В ней работают 101 национальная и иностранная компании, занимающиеся инновациями и дизайном. Именно они разрабатывают упаковку и рекламу для хайнаньских товаров, таких как, например, кокосовое молоко, кофе и экзотические фрукты. Благодаря творческому подходу, о местных брендах узнали далеко за пределами провинции и страны. По мнению специалистов креативной базы, очень важно продвигать также туристический потенциал острова, в частности, самобытную культуру его жителей. Фольклор и обычаи хайнаньцев, в том числе народностей Ли и Мяо, уникальны и могут заинтересовать иностранцев. Поэтому на многих сувенирах из Хайнаня сегодня изображены этнические особенности живущего здесь народа. В принципе, созданный в Гавани туристический имидж острова весьма успешно работает на его дальнейшее развитие [6].

Туристическая ориентация острова не могла не подтолкнуть к ряду смелых и новаторских реформ. Хайнань стала первой провинцией Китая, внедрившей принцип получения визы по прибытии. Кроме того, она полностью отменила визовый режим для граждан 26 стран, включая Россию, Казахстан и Украину. Россияне сегодня могут въехать на территорию острова в составе группы не менее двух человек на период, не превышающий 21 день. С целью привлечения туристов было инициировано и такое нововведение, как превращение острова Хайнань в зону беспощинной торговли [6].

Несмотря на относительно успешные преобразования, острову Хайнань еще предстоит качественное развитие и позиционирование в туристическом контексте. Чтобы соответствовать статусу международного курорта, необходимо работать по многим направлениям: совершенствовать инфраструктуру

туру, транспортное сообщение, индустрию развлечений, заниматься рекламой своих туристических ресурсов, развивать спектр предложений для разных групп туристов.

Список литературы

1. В три раза меньше россиян посетили Хайнань в 2015 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.visit-russia.ru/news/v-tri-gaza-menshe-rossiyan-posetili-hainan> (дата обращения: 12.12.2015).
2. Остров Хайнань станет вторым Майами? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.trn-news.ru/articles/24019> (дата обращения: 09.01.2016).
3. Ролик о курорте Хайнань демонстрируется на «Перекрестке мира» в Нью-Йорке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rgov.ru/rolik-o-kurorte-hajnan-demonstriruetiya-na-perekrestke-mira-v-nyu-jorke> (дата обращения: 01.12.2015).
4. Топоркова Е. П. Имидж и бренд приграничной территории: человеческий капитал и технологии развития. Чита: Поиск, 2015.
5. Топоркова Е. П. Оценка роли русского языка в свете современного развития российско-китайских отношений // Региональные проблемы. № 2. 2015. С. 79.
6. Туристическое взросление острова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kitaichina.com/se/txt/2013-06/26/content_551785.htm (дата обращения: 10.12.2015).
7. Число китайских туристов в России увеличилось более чем на 50 % [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sdelaounas.ru/blogs/67200> (дата обращения: 12.12.2015).

УДК 338.47:656

Ксения Александровна Петрунько,

аспирант

Институт Дальнего Востока РАН,

e-mail: petrunko-ksenia@yandex.ru

К вопросу о перспективах российско-китайского сотрудничества в области гражданской авиации

В статье проанализированы перспективы российско-китайского сотрудничества в области гражданской авиации. Приведены примеры инноваций в гражданской авиации РФ и КНР. Обоснована привлекательность для России Китая как потенциального рынка сбыта российской авиатехники.

Ключевые слова: *российско-китайское сотрудничество, гражданская авиация, гражданское авиастроение КНР и РФ, широкофюзеляжный дальнемагистральный самолет.*

Ksenia Alexandrovna Petrunko,
Postgraduate Student,
IFES RAS,
e-mail: petrunko-ksenia@yandex.ru

The perspectives of Russia-China cooperation in the field of civil aviation

This article provides analysis of the prospects for Russia-China cooperation in the field of civil aviation. It also provides the most vivid examples of innovative development of the air transport sector of Russia and China. The article proves the attractiveness of China for Russia as a potential market for Russian aircraft.

Keywords: *Russia-China cooperation, civil aviation, civil aviation industry of Russia and China, long-range wide-body airliner.*

Сегодня Китай является одним из наиболее важных партнеров России как в военном, так и в гражданском авиастроении. В последнее время кооперация в этих областях значительно усилилась. Так, в октябре 2014 г. подписано межправительственное соглашение о взаимном упрощении процедур сертификации авиационной техники – самолетов, вертолетов и авиадвигателей. Это стало дальнейшим развитием заключенного ранее соглашения о повышении безопасности полетов. Ростех и Китайская корпорация аэрокосмической науки и техники CASC (China Aerospace Science and Technology Corporation) в конце 2014 г. подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве. Документ охватывает авиастроение, производство двигателей, специальных материалов, бортового и радиолокационного оборудования. Корпорации создали рабочую группу для обсуждения конкретных проектов.

В ноябре 2014 г. Объединенная авиастроительная корпорация (ОАК) подписала с Государственной авиапромышленной корпорацией Китая (AVIC) меморандум о расширении партнерских отношений в области гражданского, транспортного и специального самолетостроения. В качестве первооче-

редных совместных проектов рассматриваются проработка возможности кооперации по программам турбовинтовых самолетов, а также промышленная кооперация, сертификация и продвижение на рынок региональной пассажирской авиатехники.

С 1991 г. КНР является одним из наиболее важных партнеров России в области поставок боевой авиационной техники. В последнее время особый импульс получило сотрудничество России с Китаем в области гражданской авиации.

Большой популярностью в Китае пользуется российская вертолетная техника, в том числе морская. В 1997–1999 гг. по 2 контрактам КНР переданы предположительно 7 противолодочных вертолетов Ка-28ПЛ и 3 поисково-спасательных Ка-28ПС. Еще 9 Ка-28ПЛ поставлены в 2009–2010 гг. В 2010–2011 гг. КНР получила 10 вертолетов дальнего радиолокационного обнаружения Ка-31.

С 1995 по 2014 гг. Китаю было поставлено в общей сложности 320 винтокрылых машин семейства Ми-8/Ми-171. В это число вошли вертолеты Ми-171/Ми-171Е и Ми-17В-5 [3].

Россия и Китай продолжают работы по созданию перспективного тяжелого транспортного вертолета. В минувшем мае холдинг «Вертолеты России» и китайская AVIC заключили рамочное соглашение. Подписание документа запускает процесс практической работы над проектом. Стороны будут сотрудничать по всем направлениям конструирования и подготовки к серийному производству нового тяжелого вертолета, который получил название Advanced Heavy Lift (AHL). По оценкам экспертов, спрос на новую машину в Китае может составить более 200 единиц в период до 2040 г.

К настоящему моменту «Вертолеты России» и AVIC предварительно сформировали технические требования и продолжают работы по согласованию облика AHL. Ожидается, что генеральный контракт на разработку и строительство AHL будет подписан до конца года. В качестве силовой установки может применяться двигатель ПД-12В, созданный на основе газогенератора ПД-14.

Холдинг «Вертолеты России» одновременно начал продвигать на китайский рынок 2 своих новейших вертолета – легкий Ка-226Т и средний Ми-38. Перспективные закупки этих машин китайской стороной связаны с получением сертификатов, позволяющих их эксплуатировать в воздушном пространстве КНР. Ранее сообщалось, что переговоры по вертолету Ка-226Т уже начаты. Холдинг также готов предложить китайской стороне совместное производство в КНР Ми-38 [2].

В 2014 г. Госсовет КНР принял решение о создании 3 промышленных зон для поддержки развития отечественного самолетостроения. Производители самолетов в этих зонах будут сотрудничать с ведущими научно-исследовательскими центрами в области разработки современных двигателей и других важных компонентов для отечественных региональных и магистральных авиалайнеров.

Китайская авиационная промышленность разрабатывает собственные типы гражданских лайнеров. Великий Китай пока в весьма ограниченных количествах выпускает лишь турбовинтовые семейства Xian Modern Ark на 48–60 пассажиров и 19-местные Harbin Y-12. Отечественную программу развития авиастроения возглавляет Китайская коммерческая авиационная корпорация (ККАК), учрежденная в 2008 г. С начала XXI в. правительство страны инвестировало более 10 млрд юаней в разработку регионального самолета ARJ21–700 и магистрального авиалайнера C919. Новый пассажирский авиалайнер ARJ21–700 (Flying Phoenix) предназначен для региональных авиaperевозок в отдаленных западных провинциях Китая. Его вместительность составляет от 78 до 90 мест, максимальная дальность полета превышает 2,2 тыс. км, а максимальный потолок – 12 тыс. м. В конце 2014 г. авиалайнер получил международный сертификат летной годности ГУГАК и сертификат качества ICAO и с 2016 г. поступит на китайский рынок. От авиакомпаний КНР уже поступил заказ на 252 самолета, и в ближайшие 20 лет китайские производители планируют собрать 850 самолетов ARJ21–700 [6].

В 2014 г. в КНР закончилась разработка отечественного трансатлантического авиалайнера С919, предназначенного для перевозки пассажиров на средние и дальние расстояния. Проектная дальность полета самолета достигает 5,5 тыс. км при крейсерской скорости в 850 км/ч. Вмещающий 170 пассажиров, новый китайский магистральный лайнер должен снизить зависимость Главного управления гражданской авиации Министерства транспорта КНР (ГУГАК) от основных мировых производителей – корпораций Boeing и Airbus. По основным параметрам он идентичен нынешним Boeing 737 и Airbus A320, при этом китайский аналог будет потреблять топлива на 15% меньше, а выбросы оксидов азота сократятся на 50%. Самолет будет сдан в эксплуатацию в 2016 г. ККАК планирует с 2025 г. ежегодно производить более 150 авиалайнеров С919 и удовлетворять примерно 30% внутреннего и 10% мирового спроса [1].

«Возможно, авиастроение скорее покажет границы китайской модели, вместо того чтобы продемонстрировать ее безграничный потенциал, – пишет американский эксперт Фаллоуз. – Китай, который сможет создать свой собственный Boeing или Airbus, будет не тем Китаем, каким мы знаем его сегодня». Рецепты, благодаря которым страна стала экономической державой, – массовое производство, быстрая окупаемость, низкие затраты и готовность мириться с большим количеством брака – прямо противоположны тому, что требуется в авиастроении. Не похоже, чтобы в сфере высоких технологий Китай в обозримом будущем смог обходиться без ноу-хау из-за рубежа. С другой стороны, не следует считать, что до этого времени страна ограничится производством ширпотреба [5].

Несмотря на известные достижения, китайские разработчики и производители двигателей по-прежнему сталкиваются с рядом технических проблем. Силовые установки всегда были слабым звеном в авиапроме КНР. Несмотря на отчеты об успехах с высокоэффективным ТРДД (турбореактивный двухконтурный двигатель) большой тягой с форсированным режимом (ТРДДФ) по программе «Тайхан» (Taihang), эта разработ-

ка не применяется для широкомасштабного оснащения авиационной техники собственного производства.

Для решения проблемы КНР закупает изделия Объединенной двигателестроительной корпорации (ОДК). ОДК и двигателестроительное подразделение государственной авиационно-промышленной корпорации Китая AVIC (AVIC Commercial Aircraft Engine) выразили намерение разработать в кооперации двигатель для широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета (ШФДМС). Вероятно, при его создании будут применены опыт и технические решения, полученные в работе над ПД-14 для перспективного российского авиалайнера МС-21. ОДК и AVIC также возобновили активные переговоры по программе создания двигателя CJ-1000 для китайского самолета С919, в том числе по возможности проведения российской компанией технического аудита проекта двигателя [4].

Одной из проблем военно-технического сотрудничества (ВТС) с КНР является нелегальное копирование закупаемой авиатехники, что оказывает негативное влияние на объемы и структуру двустороннего ВТС.

Также понятен интерес КНР к перспективному российскому авиалайнеру «Сухой Суперджет 100» (Sukhoi Superjet 100 – SSJ 100). В конце 2014 г. Россия вела переговоры с Китаем о поставке большой партии SSJ 100, как сообщил занимавший на тот момент пост заместителя министра промышленности и торговли РФ Юрий Слюсарь. По его словам, в этих переговорах участвовали конкретные авиакомпании. Одновременно ГУТАК выразило готовность сертифицировать «Суперджет». Процесс валидации сертификата типа на SSJ 100 может занять до года. Специалисты оценивают перспективы «Суперджета» в Китае как очень хорошие, при этом рассматривается возможность продажи SSJ 100 в Китае за юани.

В мае 2015 г. была заключена крупная российско-китайская сделка по лизингу «Суперджетов» в Азию, объем которой превысил 3 млрд. долл. Создана совместная компания, которая планирует закупить у ЗАО «Гражданские самолеты Сухого» (ГСС) 100 самолетов SSJ 100 и поставить их в Китай и на рынки Юго-Восточной Азии.

Конкретные меры предпринимаются для создания совместного ШФДМС. В ноябре 2014 г. был определен его технический облик, согласован ряд параметров, в частности, пассажировместимость, требования к бортовым конструкциям и системам. Подписано соглашение о проведении следующего этапа разработки эскизного проекта. В апреле сообщалось, что РФ и КНР определяют дальность полетов совместного широкофюзеляжного самолета до конца года.

Оценки стоимости создания ШФДМС сильно колеблются. По словам возглавившего ОАК Юрия Слюсаря, она составляет 13 млрд долл. в ценах сентября 2014 г. Но называются цифры и 80 млрд р. и более. Проект финансируется российской и китайской сторонами в равных пропорциях.

В феврале 2015 г. стало известно, что работа над ШФДМС будет осуществляться за счет внебюджетных источников. Ранее на проект планировалось выделить 1,489 млрд р. из федеральной казны и 2,5 млрд из внебюджетных источников.

Сроки завершения работ по проекту ШФДМС на данный момент точно неизвестны. Ранее сообщалось, что в начале 2020 гг. должны стартовать летные испытания самолета, рассчитанного на дальность 12 тыс. км и перевозку до 300 пассажиров. По словам Слюсаря, ШФДМС планируется вывести на рынок к 2025 г. Дальнейшая судьба проекта будет во многом зависеть от кооперации двух стран [3].

Совместный проект России и Китая по созданию широкофюзеляжного самолета поможет обеим странам существенно укрепиться на рынке дальнемагистральных самолетов, лидерство на котором сейчас принадлежит США и Европе. Если удастся удачно сторговаться с китайскими партнерами, то для российских авиастроителей этот проект будет и хорошим поводом повысить конкурентоспособность авиационных материалов и оборудования.

Трехлетние переговоры России и Китая о совместном создании широкофюзеляжного дальнемагистрального лайнера вышли на новый виток и обрели реальные очертания. В ходе визита российской делегации в КНР президент ОАК Михаил

Погосян и председатель совета директоров китайской корпорации СОМАС Цзинь Цзанлун подписали в Шанхае меморандум о сотрудничестве по программе перспективного пассажирского широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета.

В рамках российско-китайского проекта может быть выпущено несколько сотен самолетов. По оценке ОАК, спрос на широкофюзеляжные самолеты до 2033 г. может составить около 8 тыс. единиц, из них на пассажирские самолеты – свыше 7 тыс. Больше половины от общего спроса в широкофюзеляжном сегменте, около 4 тыс. лайнеров, в долгосрочной перспективе придется именно на Азиатско-Тихоокеанский рынок, из них порядка тысячи самолетов может быть востребовано для внутреннего рынка Китая.

По оценке экспертов, подписанное соглашение может положить начало самому крупному проекту в сотрудничестве России и Китая в сфере высоких технологий, поскольку инженерам обеих стран предстоит «с нуля» создать новый широкофюзеляжный самолет. Задача ставится амбициозная – потеснить на рынке дальнемагистральных самолетов американский Boeing и французский Airbus.

Благодаря реализации проекта востребованными окажутся не только российские технологии, но и мощности заводов. Предполагается, что Россия и Китай будут выпускать комплектующие, планер и крыло, авионику примерно в равном объеме [2].

В целом сотрудничество России и Китая в области авиационной техники различного назначения находится на взлете. Если ранее обсуждалась только кооперация в области военных самолетов, то в настоящее время предпринимаются конкретные меры и по гражданской тематике. Продолжается сотрудничество в области двигателестроения. С учетом современной политической и экономической обстановки стратегическое партнерство с Китаем приобретает особое значение. Не исключено, что Поднебесная в ближайшее время может действительно стать одним из крупнейших рынков сбыта российской авиатехники.

Список литературы

1. C919 set for debut flight in 2015, gets 400 orders (2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://en.ce.cn/Industries/Aerospace> (дата обращения: 16.11.2015).
2. Лабыкин А. Самый крупный проект России и Китая (2014) [Электронный ресурс] // Эксперт. Режим доступа: <http://expert.ru/2014/05/20/rossijsko-kitajskij-lajner-potesnit-boeing-i-airbus> (дата обращения: 20.08.2015).
3. Новиков Н., Федюшко Д. Главная интрига МАКСа-2015 (2015) // Военно-промышленный курьер [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/26710> (дата обращения: 28.08.2015).
4. Новиков Н., Федюшко Д. Двигатель сотрудничества: совместные разработки с Китаем выгоднее, чем лицензионное производств (2015) [Электронный ресурс] // Военно-промышленный курьер. Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/26813> (дата обращения: 02.09.2015).
5. Цанд Б. Между прибылью и амбициями: в Китае стремятся к развитию собственных ключевых отраслей, однако пока не могут обойтись без западных технологий (2015) [Электронный ресурс] // Профиль. Режим доступа: <http://www.profile.ru/mir/item/99269-mezhdu-pribylyu-i-ambitsiyami> (дата обращения: 28.09.2015).
6. First China-made regional plane to be delivered (2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://english.people.com.cn/n/2014/0620/> (дата обращения: 16.06.2015).

УДК 392.3(510)

Ольга Валерьевна Почагина,

канд. ист. наук,

ведущий науч. сотрудник,

Институт Дальнего Востока РАН,

e-mail: pochagina@ifes-ras.ru

**Деформация семейных связей
как угроза социальной стабильности в КНР**

В статье рассматривается деформация семейных и семейно-родственных связей, являющаяся следствием миграционной и демографической политики в КНР. Особое внимание уделено оставленным родителями в сельских районах детям, гендерному дисбалансу полов, который не позволяет миллионам молодых мужчин создать семью, и детям, не имеющим регистрации и прав граждан КНР. Существование и проблемы данных групп создают условия для формирования социальной неста-

бильности и представляют потенциальную угрозу для миграционной безопасности соседних государств в случае дестабилизации социальной ситуации в КНР.

Ключевые слова: *Китай, семья, семейные связи, социальная стабильность, миграционная безопасность.*

Olga Valerievna Pochagina,

PhD (Historical Sciences),

Leading Researcher,

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences,

e-mail: pochagina@ifes-ras.ru

Deformation of Family Ties as a Threat to China's Social Stability

The article deals with the deformation of the family and kinship ties, which is a consequence of migration and population policies in China. Particular attention is given to left-behind children, the gender imbalance of the sexes, which does not allow the millions of young men to create families and children who do not have registration and full rights of Chinese citizens. The existence and problems of these groups create conditions for social instability and represent a potential threat to the migration security of neighboring states in the case of destabilization of the social situation in the PRC.

Keywords: *China, the family, family relations, social stability, migration security.*

Успехи, достигнутые КНР в последние два десятилетия в экономическом развитии, повышение уровня жизни населения не знают аналогов, оцениваются экспертами и СМИ как китайское экономическое «чудо». Однако, когда говорят о стремительном экономическом росте и модернизации китайского общества, акцент, прежде всего, делается на изменении его экономических основ, на успехах и проблемах развития, формировании общества потребления, превращении Китая в ведущую мировую державу. Другие не менее важные, а в каком-то смысле и более значимые для дальнейшего развития социума, изменения социальных структур (одной из которых является семья) особенности процесса культурной трансмиссии, трансформация менталитета, как и цена, которую платит китайское общество за ускоренную модернизацию, нередко остаются в тени.

В коммюнике по итогам V пленума ЦК КПК 18-го созыва (октябрь 2015 г.) для решения задачи построения в Китае к 2020 г. среднезажиточного общества в качестве обязательных требований выдвигаются: ускорение процесса урбанизации населения, существенный прогресс модернизации сельского хозяйства, значительный подъем стандартов и качества жизни населения, ликвидация бедности. Первое место в разделе «Десять основных моментов» занимает «всесторонняя реализация политики второго ребенка в семье, активное реагирование на проблему старения населения» [2]. Это весьма показательный факт в свете анализа проблем, возникших в годы реформ и открытости, обострившихся в последнее десятилетие в связи с интенсификацией процессов урбанизации и имеющих негативные последствия для наиболее уязвимых социально-демографических групп сельского населения – детей и пожилых людей.

Значение происшедших изменений в семейно-брачной сфере для дальнейшего развития Китая трудно переоценить. Каждое (малочисленный состав семьи, ее упрощенная структура, диверсификация моделей семейно-брачных отношений и др.) заслуживает внимательного изучения, анализа тенденций развития и последствий для китайского социума, строящего общество социальной гармонии на основе традиционных ценностей китайской культуры, в котором «человек в основе всего». Морально-нравственные ценности современного китайского общества далеки от традиционных (когда семья и семейно-родственная группа обеспечивала защиту и уход всем своим членам, а взаимоотношения членов характеризовались уважением, жесткой иерархией, терпением, сплоченностью и солидарностью), нередко характеризуются дисгармоничностью. Особенно наглядно, по нашему мнению, эта тенденция проявляется в семейных и семейно-родственных отношениях. Изменение структуры и функций семьи, урбанизация, миграция трудоспособного населения в города привели к трансформации и разрыву семейных связей. Деформация взаимоотношений родителей и детей, проживающих в сельской местности, достигла опасной черты.

Внутренняя миграция в КНР обусловлена экономическими причинами, наличием избыточной рабочей силы на селе, характеризуется движением сельского населения в города. Она подразумевает смену постоянного места жительства, связанную с трудовой занятостью и мотивированную, как правило, повышением уровня жизни, ориентацию на социальный успех, расчет на социальные лифты и готовность к конкуренции. Отток трудоспособного и активного населения из сельской местности в города не только ведет к сокращению сельского населения, но, что не менее важно, меняет половозрастную структуру сельского населения в пользу женщин, детей в возрасте до 15 лет и пожилых людей старше 60. Такая структура сокращает возможности воспроизводства населения, создает серьезные вызовы, на которые правительству и местным властям необходимо оперативно отвечать при корректировке социальной политики, при формировании эффективных систем социальной защиты, охраны здоровья, образования указанных социально-демографических групп населения, что, безусловно, требует значительных бюджетных расходов.

В процессе социально-экономического развития такой многонаселенной страны, как КНР невозможно избежать проблем, противоречий и трудностей. С нашей точки зрения, перечисленные проблемы не являются сугубо внутренними, они затрагивают миграционную безопасность соседних с Китаем государств. Так, прогнозы миграционных потоков с территории КНР без учета накопившихся за годы реформ социальных проблем не отличаются достоверностью. К наиболее острым социальным проблемам, которые в перспективе могут спровоцировать неконтролируемую массовую миграцию, можно отнести следующие: 1) оставленные в сельских районах родителями, мигрировавшими в города, несовершеннолетние дети; 2) беспрецедентный гендерный дисбаланс в пользу мужчин; 3) дети, не имеющие регистрации и правового статуса. Отметим, что вышеуказанные проблемы коррелируют друг с другом и дают основания допускать в исторической перспективе фор-

мирование критической массы социальных противоречий и недовольства, повышающей вероятность политической и социальной дестабилизации в Китае.

Оставленные дети. Среди многочисленных проблем, связанных с активными процессами внутренней миграции и интенсификацией процесса урбанизации в КНР (смена регистрации (хукоу), ограниченные возможности мигрантов в пользовании социальными услугами, необходимость адаптации в условиях города и др.), по нашему мнению, целесообразно выделить актуальную и социально значимую проблему оставленных детей (*нуциунь люшоу эртун*). Эта специфическая проблема связана с внутренней миграцией, невозможностью из-за строгих ограничений в системе регистрации по месту жительства семейной миграции, деформацией и разрывом семейных связей. Она вызывает беспокойство руководства КНР, международных организаций, регулярно освещается китайскими СМИ, исследуется научным сообществом, присутствует в публичном дискурсе, поскольку связана с традиционной системой семейных ценностей китайского народа и может иметь долгосрочные негативные последствия для социума. Проблемы оставленных детей настолько серьезны, что в 2014 г. ЮНЕСЕФ провел в Пекине специальный форум, посвященной этой проблематике.

Внутренняя миграция затрагивает каждого пятого/четвертого китайского ребенка, родители уезжают из сельской местности в города на заработки, оставляя своих несовершеннолетних детей на попечение бабушек и дедушек, других родственников или без надзора. По данным Всекитайской переписи населения 2010 г., их численность составляла 61,03 млн (40 %) детей, проживающих в сельской местности (154 млн). Данные предоставлены источником What Census Data Can Tell Us About Children in China Facts and Figures 2013 (<http://www.unicef.cn/en/uploadfile>) (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Категории лиц, с которыми проживают оставленные дети (млн)

Отец	10,2
Мать	22,21
Прародители (дедушка/бабушка)	19,94
Сиблинги (брат/сестра)	6,53
Другие родственники	7,84
Без родственников (одни)	2,06

Таблица 2

Возрастные характеристики оставленных детей (млн)

<i>0–2 года</i>	<i>3–5 лет (дошкольники)</i>	<i>6–11 лет (учащиеся начальной школы)</i>	<i>12–15 лет (учащиеся средней школы первой ступени)</i>	<i>16–18 лет (учащиеся средней школы высшей ступени)</i>
11,72	11,70	19,53	9,95	8,13

Таким образом, оставленные дети дошкольного возраста 0–6 лет составляют 23,24 млн, а школьного возраста 6–18 лет – 37,79 млн, из них 20,79 млн мальчиков и юношей и 17,0 млн девочек (среднее соотношение рожденных в сельской местности девочек и мальчиков 100:122).

Многие родители оставляют детей в деревне, считая своим родительским долгом обеспечить им более высокий уровень жизни. Оставленные дети имеют серьезные психологические и поведенческие проблемы, болезненно переживают отсутствие любви и заботы родителей. По данным недавнего исследования, почти 50 % детей страдают от депрессии и тревоги. Они часто имеют более низкую самооценку и более низкую степень уверенности в себе, чем дети, живущие с родителями [6]. Оставленные в сельской местности дети и подростки социализируются в экстремальных для психики несовершеннолетних условиях отсутствия родительского контроля и внимания. Более 2 млн. детей являются беспризорными.

Причины возникновения ощущения социальной обделенности среди сельских подростков КНР имеют социальные основания и обусловлены экономическими, идеологическими и психологическими причинами – резким расслоением общества на бедных и богатых в результате модернизации и реформ, девальвацией духовных ценностей, распространением ценностей потребительского общества. Однако первостепенное значение имеют: отсутствие родительского надзора и внимания, беспризорность, самоощущения брошенности, ненужности. Оставленным детям социумом навязана стратегия выживания – низкие стартовые возможности, призрачные возможности получения образования, личностной самореализации, трудоустройства, повышения личного благосостояния.

Осложненный вынужденным разрывом семейных связей процесс социализации создает условия для деформации социальной адаптации детей и подростков, формирования маргинальных и криминальных групп, постепенно превращается в постоянно пополняемый источник преступности и фактор социальной дестабилизации. Подростки, особенно выросшие в неблагоприятных социально-экономических условиях, в силу возрастных особенностей, зависимости от референтной группы, эмоциональной, психологической неустойчивости и несформированности мировоззрения открыты для различных идеологических влияний, в том числе и для усвоения экстремистских и протестных идей. В условиях ухудшения социально-экономической ситуации в стране недостижимость стратегии успеха в рамках социальных норм создает благоприятную почву для распространения в молодежной среде экстремизма и радикализма. Как правило, обиженные жизнью молодые люди испытывают насущную потребность в объединении на основе решимости исправить несправедливость. Недовольство своим социальным статусом имеет потенциал трансформации в социальные протесты и экстремистские акции. Ярким примером этой тенденции является участие подростков 15 и 18 лет в террористических атаках в Париже 13 ноября 2015 г.

Дети, не имеющие регистрации. Еще одной группой риска в плане маргинализации являются так называемые «черные» дети (*хэйхайцзы*), незарегистрированные и рожденные без соответствующего разрешения, в нарушение политики ограничения рождаемости. По данным переписи 2010 г., в КНР таких детей в возрасте от 0–17 лет насчитывалось 12,68 млн, из них около 9 млн жили в сельских районах. Не имеющие регистрации (*хукоу*) дети, а впоследствии и взрослые, фактически не имеют правового статуса гражданина КНР – не могут получить национальную идентификационную карту, паспорт, пользоваться медицинскими, образовательными услугами, предоставляемыми государством, наследовать или получать имущество, вступить в брак, открыть счет в банке, перемещаться по стране, устроиться на легальную работу, арендовать жилье и др.

Несовершеннолетние дети в сельских районах Китая стали заложниками политики регистрации, ограничивающей внутреннюю миграцию, и демографической политики. Однако необходимо отметить, что в конце октября 2015 г. ПК Госсовета КНР в целях ускорения урбанизации нового типа принял проект Временных положений КНР о виде на жительство, которые, как ожидается, несколько смягчат остроту проблемы. «Согласно документу, в Китае вводится система видов на жительство, и в полной мере распространяются базовые коммунальные услуги и удобства на всех постоянно проживающих в городах и поселках людей. Временные положения также обозначили способы получения держателем вида на жительство права на постоянное проживание, в частности, через получение баллов» [3]. С нашей точки зрения, принятый документ должен иметь важное значение, в первую очередь, для совместной миграции детей и родителей в города. Пятый пленум ЦК КПК 18-го созыва отменил политику «одна семья – один ребенок», что создает возможности незарегистрированным «черным детям» со временем обрести правовой статус гражданина КНР.

Вынужденные холостяки, или «голые ветви». Более чем сорокалетняя реализация политики ограничения рождаемости

в КНР (самая жесткая демографическая установка «одна семья – один ребенок» действовала с сентября 1980 по октябрь 2015 гг.), традиционное предпочтение потомков мужского пола и обязательное проведение ультразвукового обследования беременных женщин (с августа 2006 г. УЗИ с целью определения пола будущего ребенка запрещено Постановлением Министерства здравоохранения КНР) привело к серьезному перекосу в половой структуре населения КНР (51,3 % мужчин и 48,7 % женщин). По данным 6-й Всекитайской переписи населения 2010 г., численность мужчин превышала численность женщин на 35 млн. Явление беспрецедентное в истории человечества по своим масштабам и непредсказуемости последствий не только для Китая, но и всего мира. Гендерный дисбаланс способствует формированию социальных проблем, связанных с ростом рынка сексуальных услуг, торговлей женщинами и детьми, ростом гомосексуального сообщества; распространению СПИДа. Эта диспропорция наносит серьезный ущерб психологическому здоровью молодых мужчин, провоцирует неуверенность, стрессы и суицидальные настроения, рост преступлений на сексуальной почве, активному поиску невест в сопредельных государствах. Все перечисленные тенденции создают условия для социальной дестабилизации и представляют определенную угрозу социальной безопасности [4].

Некоторые эксперты и исследователи предупреждают, что существующее в настоящее время аномальное соотношение полов в пользу мужчин значительно повышает риски асоциального (наркомания, вынужденный гомосексуализм, психические расстройства) и агрессивного поведения (рост преступности) и может привести к формированию условий для расцвета социальной патологии и социальной нестабильности, поскольку армия свободных, не обремененных семьей и дезадаптированных молодых мужчин к 2020 г. в Китае достигнет 40 млн человек. (Численность Народно-освободительной армии КНР, согласно «Белой книге» (2013), по национальной обороне составляла 1 млн 483 тыс. человек).

Невозможность построить жизненную стратегию, частью которой является семья и семейное счастье, отсутствие устойчивых семейно-родственных связей формирует у «лишних» мужчин ощущения неполноценности, обделенности, несправедливости, недовольства, усиливает процессы дезорганизации личности, маргинализации, способствует созданию преступных группировок. Представителям и этой группы государством навязана стратегия выживания, характеризующаяся невысоким социальным статусом, которая вынуждает идентифицировать себя с людьми, имеющими сходные проблемы и судьбу. Профессор демографии Чжай Чжэнью (Народный университет Китая) полагает, что рост диспропорции полов приведет к тому, что мужчины с низким доходом и недостаточным образованием обречены остаться холостяками. «Это может повлечь за собой социальную нестабильность и усилить дискриминацию женщин в обществе» [5]. Бессемейные и не имеющие стабильных социальных связей молодые люди, или гуаньгунь («голые ветви»), как свидетельствует китайская история, были вовлечены в преступную деятельность и являлись активными участниками крестьянских войн и восстаний (тайпинов против династии Цин (1850–1864), ихэтуаней в начале XX в.).

Потенциальные угрозы спонтанной неконтролируемой миграции. Сможет ли государство адекватно ответить на эти социальные вызовы, преодолеть последствия реализации политики контроля внутренней миграции и жесткой политики ограничения рождаемости? Какие счета китайскому руководству предъявят вынужденные холостяки, оставленные в деревнях дети, дети, не имеющие регистрации (общая численность этих трех групп составляет около 100 млн человек)? Устроит ли их положение людей второго сорта, изгоев в своей стране? Будут ли они искать счастье за пределами Китая или будут бороться за свое место в Поднебесной? Пока это только вопросы, на которые можно ответить лишь в случае постоянного мониторинга происходящих в КНР внутренних процессов и внимательного анализа всего комплекса социальных

проблем. Без анализа изменений, происшедших в Китае за последние 35 лет, невозможна в полной мере реализация политики стратегического партнерства и долгосрочных отношений с КНР. Политические, экономические и социальные последствия – неуправляемой миграции с территории КНР катастрофичны и представляют серьезную потенциальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Нельзя недооценивать и вероятность всплеска нелегальной миграции, организуемой преступными группировками, в случае возникновения социальных протестов и массовых беспорядков в Китае.

В современном глобализирующемся мире многие проблемы (экологические катастрофы, терроризм, миграция) не ограничиваются государственными границами, становятся трансграничными/транснациональными, а их последствия региональными или глобальными. Несмотря на все резолюции по миграционным потокам 1521 (2006), 1637 (2008), 1805 (2011), 1971 (2014), 1972 (2014) ПАСЕ, призывы к срочной реализации в странах – членах новой, более совершенной Европейской системы пограничного контроля, Европа оказалась не готова к массовому появлению на своих границах смешанных потоков нелегальных мигрантов, беженцев и лиц, ищущих убежища. По данным Агентства ЕС по безопасности внешних границ Frontex, с 1 января по 1 ноября 2015 г. внешние границы ЕС пересекли 1,2 млн нелегальных мигрантов (в основном это молодые мужчины). Такая критическая ситуация сложилась впервые в истории Евросоюза, она требует экстренных мер для решения возникших проблем. Из возникшей ситуации следует извлечь уроки и принять превентивные меры. Необходимо работать на опережение.

В настоящее время регулирование миграционных процессов, как внешних, так и внутренних, является вопросом повышенного внимания государственных властей КНР. Созданные механизмы административного и правового регулирования нацелены на эффективный контроль над перемещениями граждан и ограничение стихийности этих переме-

щений. «Миграция является и останется эффективным инструментом правительства Китая для решения внутренних и внешних задач развития страны, поэтому нельзя не учитывать возможность проведения им целенаправленной политики, направленной на стимулирование массовой внешней миграции» [1]. Особенно в случае необходимости снизить накопленное социальное напряжение или угрозы дестабилизации внутривнутриполитической обстановки.

Для обеспечения приоритета национальных интересов, миграционной и национальной безопасности РФ предлагается следующее:

- развивать сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере миграции, включая разработку и реализацию программ противодействия незаконной миграции;

- стимулировать социальное развитие стратегически значимых регионов Сибири и Дальнего Востока, прилагать усилия по решению демографической проблемы малонаселенных территорий России за счет внутренней миграции;

- активизировать дальнейшие исследования и сбор данных относительно влияния социальных процессов на внутривнутриполитическую ситуацию в КНР;

- провести научную экспертизу потенциальных экономических, социальных, политических и геополитических последствий нерегулируемой массовой миграции с территории КНР с ее колоссальным населением в случае социальной, политической дестабилизации, экологических и природных катастроф;

- провести экспертную оценку социальных и миграционных последствий избытка мужского населения в Китае, рассмотреть вызовы и возможности;

- выработать стратегию и конкретные механизмы реагирования в случае спонтанного, экстренного массового прибытия мигрантов, включая быстрое пограничное реагирование, совершенствование системы предоставления убежища;

- смоделировать возможные кризисные ситуации и тщательно просчитать риски и последствия в случае дестабилизации

ции внутривнутриполитической ситуации в КНР с акцентом на приграничные субъекты Российской Федерации (Хабаровский край, Приморский край, Забайкальский край, Республика Алтай, Амурская область, Еврейская АО).

Список литературы

1. Анохина Е. С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. Томск: Том. гос. ун-т, 2012. С. 44, 204.
2. Основные моменты коммюнике по итогам 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1031/c95181-8969671.html> (дата обращения: 07.11.2015).
3. ПК Госсовета принял проект Временных положений КНР о виде на жительство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1022/c31521-8965583.html> (дата обращения: 07.11.2015).
4. Почагина О. В. Корректировка политики «одна семья – один ребенок» // Китайская Народная Республика. Политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: Форум, 2014. С.104–113.
5. Фадеев А. Страна женихов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/07/31/neravenstvo.html> (дата обращения: 15.11.2015).
6. Xia Ruixue. Children with absent parents need more care [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://english.cntv.cn/2015/06/01/VIDE1433135760922534.shtml> (дата обращения: 07.11.2015).

УДК 338.001.36

Се Илин,

магистрант,

Научно-исследовательский институт по изучению России,

Хэйлуцзянский университет, г. Харбин, Китай,

e-mail: yilinxie1992@uandex.ru

**Потенциал приграничного сотрудничества между
Забайкальским краем и провинцией Хэйлуцзян**

Статья посвящена приграничному сотрудничеству между Россией и Китаем, на примере Забайкальского края и провинции Хэйлуцзян. В апреле 2015 г. правительством провинции Хэйлуцзян с целью углубления приграничного сотрудничества между Забайкальским краем и провинцией Хэйлуцзян была опубликована госпрограмма «Экономический коридор Китай – Монголия – Россия».

Анализ приграничного местоположения, богатого природными ресурсами, с развитой промышленностью и гуманитарными связями позволил сформулировать потенциал регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, транспортной и гуманитарной сферах.

Ключевые слова: провинция Хэйлунцзян, Забайкальский край, экономический коридор Китай – Монголия – Россия, приграничное сотрудничество.

Xie Yilin,

Master,

Research Institute for the study of Russia,

Heilongjiang University, Harbin, China,

e-mail: yilinxie1992@yandex.ru

The potential of cross-border cooperation between Transbaikal region and Heilongjiang province

The article is devoted to cross-border cooperation between Russia and China on example of Transbaikal region and Heilongjiang province. In April 2015 the government of Heilongjiang province declared the state program “Economic corridor China – Mongolia – Russia” for developing cross-border cooperation between Transbaikal region and Heilongjiang province. The analysis of advantages of cross-border location, rich natural resources, developed industry and humanitarian ties gives an opportunity to formulate the potential of regional cooperation in political, trade-economic, transport and humanitarian spheres.

Keywords: Heilongjiang province, Transbaikal region, economic corridor China – Mongolia – Russia, cross-border cooperation.

Провинция Хэйлунцзян традиционно является одним из ключевых партнеров для Дальнего Востока России, в том числе и Забайкальского края. На базе развитой промышленности и достойного местоположения Хэйлунцзян занимает особое место в нефтегазовой, машиностроительной, сельскохозяйственной и лесопромышленной областях. В 2003, 2009 и 2015 гг. Госсоветом КНР была одобрена госпрограмма «Планы возрождения экономики Северо-Востока Китая и старых промышленных районов». С апреля 2015 г. реализуется госпрограмма «Экономический пояс Шелкового пути», на региональном уровне приводится в жизнь программа «Экономический коридор Китай – Монголия – Россия». Стремясь к воз-

рождению экономики, провинция Хэйлунцзян уделяет большое внимание сотрудничеству с дальневосточными регионами России, в частности, с Забайкальским краем.

Забайкальский край был образован в 2008 г. путем объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа. Край граничит с АРВМ и традиционно сотрудничает с АРВМ и провинцией Хэйлунцзян в торгово-экономической сфере. В настоящее время социально-экономический потенциал Забайкальского края во многом определяется развитием промышленной политики или так называемой энергетической дипломатией со странами АТР, в том числе с Китаем, Японией и Кореей. Являясь важной точкой на Транссибе, связывающей Дальний Восток и Урал, в Забайкалье ожидается большой оборот грузов промышленных продукций.

Государственная и региональная поддержка с обеих сторон. В экономической жизни действует особый региональный вид регулирования, выполняющий следующие функции: составление регионально-экономических планов-прогнозов и государственных программ; финансирование и распределение централизованных инвестиций и иных контролируемых государством ресурсов; выработка и применение системы государственных регуляторов-налогов, дотаций, компенсаций, ценообразования, налоговых и кредитных льгот, таможенных правил с учетом мнения региональных властей [11].

Провинция Хэйлунцзян исторически считается важным регионом по сотрудничеству с Россией, особенно в периоды реализации советско-китайского договора о дружбе, союзе, взаимной помощи и «реформ открытости». В начале XXI века в провинции наблюдался спад экономики, рост безработицы и демографический кризис. В связи с этим, правительством КНР была одобрена госпрограмма «О всестороннем возрождении Северо-Восточного Китая», в которой говорится о создании современных высокотехнологических центров с использованием лучших образцов выпускаемых машин и оборудования [15]. В марте 2015 г. на сайте Комитета по развитию и реформам, Министерства иностранных дел и ком-

мерции была опубликована государственная стратегия «О создании экономического пояса Шелкового пути и Морского пути XXI века». В ней упоминается о международном коридоре из Китая в Россию и страны Прибалтики. В апреле 2015 г. была опубликована региональная стратегия «О создании сухопутного экономического коридора Китай – Монголия – Россия и Морского Шелкового пути», в ней подчеркивается сотрудничество между провинцией Хэйлуцзян и Забайкальским, Приморским и Хабаровским краями.

В последние годы заинтересованность правительства России в развитии Дальнего Востока и Байкальского региона заметно усилилась. Следует отметить, что на государственном уровне уже есть достаточно много программ, в том числе «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». В ней выделяются 3 этапа экономического развития: первый этап (2009–2015) предусматривает рост инвестиций и начало реализации новых инфраструктурных проектов в области промышленности и сельского хозяйства; второй этап (2016–2020) предусматривает увеличение транспорта; третий этап (2021–2025) предусматривает интеграцию Дальнего Востока и Байкальского региона в мировое экономическое пространство [10]. Очевидно, что приграничное сотрудничество между Забайкальским краем и провинцией Хэйлуцзян реализуется на этих условиях. В стратегии социально-экономического развития Забайкальского края анализируется китайский фактор, в частности, реализация транзитных функций продвижения товаров в Китай и налаживание взаимовыгодного сотрудничества, наличие земельных ресурсов для ведения сельскохозяйственного производства [12].

Особенностью современных российских региональных лидеров является и то, что они зачастую совмещают роль владельца средств производства, выполняющего функции организатора производства, и роль политика, выполняющего функции организатора политической жизни. Новые региональные лидеры отличаются тем, что они выдвигаются насе-

лением, стараются общаться с массами, завоевывать их доверие [1]. Мы считаем, что губернатор Забайкальского края Константин Константинович Ильковский поддерживает и вносит большой вклад в приграничное сотрудничество между Забайкальем и Хэйлуцзяном. За прошедшие два года, кроме своего официального визита в Харбин 5 ноября 2014 г., губернатор Константин Ильковский встретился с губернатором провинции Хэйлуцзян Лу Хао и на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме, и в составе делегации РФ в визите Президента России Владимира Путина в Пекине возглавлял Забайкальский форум приграничного сотрудничества-2015 в Чите и Байкальский экономический форум-2015 в Иркутске. По его словам, развитие российско-китайских отношений и станет эффективным инструментом совершенствования взаимовыгодного сотрудничества граничащих территорий России и Китая. Рекомендации и предложения экспертов, представителей практикующих организаций, бизнес-структур и государственных органов управления приграничных регионов будут иметь огромную ценность для правительств наших регионов [5].

Развитие транспорта и строительство инфраструктуры. Из-за слабого развития транспортной инфраструктуры и недоступности транспортных сетей Забайкальский край носит фрагментарный характер. По данным статистики Министерства транспорта края, транспортная сеть включает 2399 км железнодорожных путей и 10 435 км автомобильных дорог. В соответствии со стратегией развития транспорта, в крае высоко оценивается увеличение пропускной способности через государственную границу, планируется строительство и реконструкция автомобильных дорог, соединяющих населенные пункты Ключевский, Нерчинск, Приаргунск и Шилка, и федеральных шоссе «Чита – Хабаровск», «Чита – Забайкальск» и «Иркутск – Улан-Удэ – Чита».

Практически все крупные проекты развития транспортной инфраструктуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке содержат в себе уникальную возможность совме-

ния роста добычи сырья с формированием значительного транспортно-транзитного потенциала территории – основы ее устойчивого развития [14]. Забайкальский край является важной точкой на пути следования поезда международного сообщения «Пекин – Москва», Транссиба и БАМа. Многие годы через край перевозятся товары и продукты из Хэйлуцзяна в Россию, и одновременно из европейской части России в Китай. Правительство Забайкальского края привлекает большие инвестиции в проекты инфраструктуры на Транссибе. В стратегии «Об инвестиционной стратегии Забайкальского края до 2020 года» выделяются следующие проекты со стоимостью 175,5 млрд р.: 1) реконструкция участка Карымская – Забайкальск; 2) строительство новых железных дорог Борзя – Газимурский Завод – Лукоган, Приаргунск – Березовское, обход читинского железнодорожного узла. Стоит отметить, что строительство новых железных дорог позволит улучшить пропускную способность и развитие Быстринской группы месторождений.

По сравнению с Забайкальским краем, у провинции Хэйлуцзян достаточно развитая транспортная инфраструктура. 3 ноября 2015 года была одобрена 13-я пятилетка. Как отмечает директор Института стратегических исследований (провинция Хэйлуцзян) Сун Куй, период 13-й китайской пятилетки – это одновременно и период реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути», что создает огромные возможности развития транспортной инфраструктуры. Вполне вероятно, что строительство скоростной железной дороги способно изменить геополитическую ситуацию в мире [13]. Согласно программам, в будущем планируется международный экономический коридор из Владивостока через Харбин, границу, Читу и до европейской части России.

Торгово-экономические связи – основа приграничного сотрудничества. Анализы даны учеными из Забайкальского государственного университета (г. Чита), Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск) о роли торгово-экономических связей между Забайкальским краем и провин-

цией Хэйлунцзян. По мнению директора ИЭИ ДВО РАН Павла Минакира, основными статьями экспорта дальневосточного региона являются сырьевые товары, а данный регион ориентирован на страны АТР, в свою очередь, главным партнером является Китай [8].

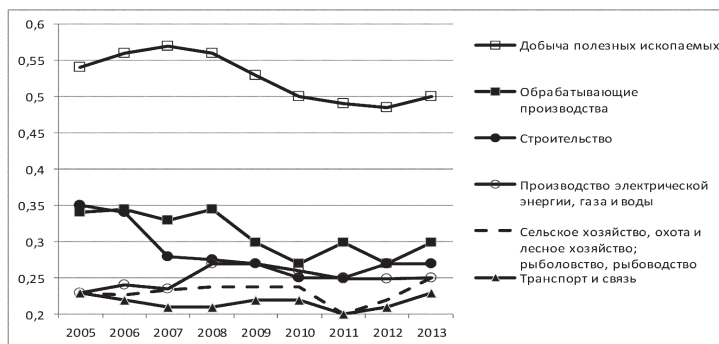

Рис. 1. График добычи полезных ископаемых

Из представленного графика (см. рис. 1) видно, что с 2008 г. объем добычи полезных ископаемых уменьшился; а количество обрабатывающих производств увеличилось. Забайкальский край богат природными ресурсами, по данным статистики Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов России, в недрах края заключено 94 % разведанных запасов урана Российской Федерации; 37,2 % – циркония; 36 % – плавикового шпата; 30,5 % – молибдена; 23,8 % – меди; 22,7 % – титана; 14,4 % – серебра; 8,5 % – свинца; 7 % – золота; имеются также запасы вольфрама, олова, лития, цинка и железных руд. В советское время в Читинской области построены добывающие заводы с развитой технологией. Однако после распада СССР и экономических кризисов внутри страны и региона некоторые предприятия потеряли конкуренцию на международном рынке, в том числе Приаргунский горно-химический комбинат. Чтобы реализовать проекты при условии приграничного сотрудничества, и край, и предприятия нуждаются в инновациях и инвестициях.

Рис. 2. Реализация программы сотрудничества между восточными регионами России и Северо-Востоком КНР (2009–2018)

По первым итогам реализации программы сотрудничества между восточными регионами России и Северо-Востоком КНР (2009–2018), практически все проекты на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока основаны на добыче сырья, а в северо-восточных провинциях КНР намечается создание обрабатывающих производств (см. рис. 2) [3]. Таким образом, ожидается рост экспорта из провинции Хэйлунцзян в Забайкальский край. Для этого требуется улучшение условий логистики, сохранения и транспортировки товаров в приграничных районах.

Забайкальский край имеет богатый лесной ресурс, но в настоящее время не в состоянии самостоятельно полностью финансировать охрану, воспроизводство и организацию рационального использования лесного фонда на своей территории [4]. Правительство Забайкальского края высоко оценивает место лесной промышленности в ВРП. За 2010 г. экспорт необработанных лесоматериалов из края в Хэйлунцзян составил 30 080 тыс. долл., а обработанных – 45 293 тыс. долл. Это показывает, что обработка древесины и производство целлюло-

зы еще не велики. Поэтому при государственной поддержке таможенных пошлин на необработанные лесоматериалы с территории КНР было завезено большое количество оборудования для производства пиломатериалов самой минимальной степени переработки. Правительство Забайкальского края также поддерживает совместные проекты с участием инвестиций из Хэйлунцзяна, например, создание лесопромышленного комплекса ООО ЦПК «Полярная» в Могочинском районе и строительство Амазарского целлюлозного завода. 5 ноября 2014 года во время своего визита в Харбин губернатор Константин Ильковский провел переговоры с заместителем председателя Народного Правительства провинции Хэйлунцзян Сунь Яо и руководителем хэйлунцзянской корпорации «Синбан» Сюй Цзяньчу, реализующей на территории Забайкальского края проект строительства Амазарского целлюлозного комбината. Губернаторы К. Ильковский и Лу Хао поддержали данный проект на правительственном уровне. По нашему мнению, Амазарский целлюлозный завод является удачным примером для дальнейшего совместного предприятия в других приграничных городах Забайкальского края и провинции Хэйлунцзян. С вводом его в эксплуатацию в пос. Амазар должно быть создано более 3000 рабочих мест, построены дороги и инфраструктурные здания, которые способствуют созданию благоприятных условий жизни местного населения.

Забайкальский край по профилю экономической деятельности является сельскохозяйственным. Также край является экспортером мясных и молочных продуктов в Красноярском крае и Иркутской области. Благодаря благоприятному землепользованию и трансграничному сотрудничеству в аграрной сфере, сельское хозяйство Забайкальского края занимает 11,3 % ВРП, а 13,5 % работоспособного населения занято в сельскохозяйственной сфере, а в промышленной – 13,8 %.

Правительство Забайкальского края высоко оценивает приграничное сотрудничество с Китаем. 20 июня 2015 г. на международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге,

губернатор К. Ильковский обсудил с губернатором Лу Хао вопросы, касающиеся сельского хозяйства. В настоящее время в Приаргунском и Забайкальском районах действует вновь образованное совместное российско-китайское сельскохозяйственное предприятие и 44 фермерских хозяйства. Согласно результатам анализа приграничных территорий с Китаем Приаргунского района Забайкальского края, экономика района характеризуется аграрной специализацией с преобладанием растениеводства над животноводством. Данный район, наряду с Александрово-Заводским и Агинским районами Забайкальского края, входит в число лидеров края по объемам произведенной продукции сельского хозяйства на душу населения. В 2012 г. данный показатель составил в Приаргунском районе 75 тыс. р., увеличившись на 28,21 произведенной продукции по сравнению с 2011 г. В Приаргунском районе также действуют 14 сельхозпредприятий, 112 крестьянских и фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей, 5423 личных подсобных хозяйства. В районе имеются два племенных завода и один племенной репродуктор по разведению овец, два – по мясному скотоводству [2]. На наш взгляд, благодаря приграничному соседству с Китаем и традиционной сельскохозяйственной экономической деятельности, Приаргунский район имеет большой потенциал по сотрудничеству с АРВМ и провинцией Хэйлунцзян. Кроме того, Министерством сельского хозяйства Забайкальского края организованы конкурсы и мероприятия по информационной поддержке сельскохозяйственных фирм и предпринимателей: «Произведено в Забайкалье», «Ярмарка-онлайн». Стоит еще отметить, что за последние годы сельский туризм становится одним из основных направлений несельскохозяйственных видов деятельности, создающих привлекательные рабочие места, в том числе для сельской молодежи, он способствует обустройству сельских территорий, а также комплексному использованию их природных и культурных потенциалов [7]. Забайкальский край не является исключением. В госпрограмме «Устойчивое развитие сельских территорий (2014–

2020 гг.)» уже предусмотрена государственная поддержка на проекты по развитию сельского туризма, в частности 5,7 млрд р. из федеральных и 1,8 млрд р. из краевых бюджетов на ЖКХ, образование и здравоохранение сельского населения и привлечение кадров, молодых специалистов и семей на села.

Гуманитарные связи укрепят дружбу и взаимопонимание между Забайкальским краем и провинцией Хэйлуцзян. Межкультурное взаимодействие России и Китая, несомненно, обладает рядом особенностей, которые определяются цивилизационным, историческим, политическим, экономическим, социальным, географическим и другими факторами. Однако действие этих факторов в целом благоприятно сказывается на процессе взаимодействия двух региональных культур и позволяет говорить об особенных отношениях, существующих между Китаем и Россией [9].

Провинция Хэйлуцзян исторически является межнациональной территорией, здесь проживает около 34 национальностей, включая ханьцев, корейцев, дауров, эвенков. Международный фестиваль льда и снега в г. Харбин, шоппинг-туризм в городах Хэйхэ и Сунфэйхэ, санатории и лечебные курорты в г. Удаляньчи и планируемая туристическая зона на острове Большой Уссурийский при участии Хабаровского края позволяют жителям Забайкальского края посещать эти места.

Забайкальский край также имеет большой туристический потенциал, здесь проживает около 100 национальностей, включая русских, бурятов, дауров, евреев и т. д. По сравнению с другими регионами России Забайкальский край имеет следующие особенности: национальная традиция восточных народов; гармоничные связи между разными народами; активная работа представителей национальностей; сохранение культурных памятников и мест. В соответствии с оценками экспертов Забайкалья, наибольшее развитие имеют познавательный, экологический и лечебно-оздоровительный туризм. В сравнении с другими видами туризма, представленными на территории Забайкальского края, познавательный и экологический занимают лидирующее место по количеству посетите-

лей. В государственных природных биосферных заповедниках (ГПБЗ) «Даурский», «Сохондинский» и в национальном парке «Алханай» разработаны маршруты экологических троп, проводится системная просветительская работа с туристами и посетителями, публикуется рекламная продукция и т. д. Опыт организации экотуристской деятельности на этих ООПТ может быть полезен для развития экотуризма на других природных объектах Забайкалья [6]. На наш взгляд, создание национальных парков и природных заповедников и реконструкция исторических памятников показывает эффективность работы Правительства Забайкальского края. В дальнейшем внимание может быть уделено строительству туристической зоны «Восточные ворота России – Забайкальск» на федеральном уровне, маршрут Чита – Улан-Удэ – Иркутск – Байкал и развитие туризма в приграничных городах, например Приаргунск, Нерчинск и Шилка на региональном уровне с целью привлечения туристов из Хэйлунцзяна в Забайкалье.

На основе потенциала приграничного сотрудничества между Россией и Китаем, на примере Забайкальского края и провинции Хэйлунцзян дана оценка государственной и региональной поддержки, торгово-экономических связей в горнопромышленной, лесопромышленной и сельскохозяйственной сферах, туризме. Кроме государственных программ и официальных визитов между региональными политиками необходимы постоянные контакты между предпринимателями, учеными, молодежью и жителями Забайкальского края и провинции Хэйлунцзян. Таким образом, сотрудничество между Забайкальским краем и провинцией Хэйлунцзян будет иметь большой потенциал.

Список литературы

1. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России: курс лекций: в 3 ч. СПб.: БГТУ, 2004.
2. Башкуева Е. Ю., Атанов Н. И. Потенциал сотрудничества приграничных муниципальных образований Забайкальского края и сопредельных территорий Китая (Приаргунский и Забайкальский районы) // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2014. № 3.

3. Изотов Д. А., Суслов Д. В. Первые итоги реализации программы сотрудничества между восточными регионами России и Северо-Востоком КНР (2009–2018 гг.) // *Пространственная экономика*. 2014. № 2.
4. Колесникова А. В. Трансграничные факторы в развитии лесопромышленного комплекса Забайкальского края // *Региональная экономика: теория и практика*. 2010. № 22 (157). С. 27–35.
5. Константин Ильковский обратился к участникам и гостям Забайкальского форума приграничного сотрудничества – 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.збайкальскийкрай.рф/project/fozum/fozum_novost_7.html (дата обращения: 20.01.2016).
6. Лазаревская С. В. Ресурсный потенциал познавательного и экологического туризма на территории Забайкальского края // *Гуманитарный вектор*. Сер.: Педагогика, психология. 2008. № 3.
7. Максанова Л.-Б. Ж. Сельский туризм в Сибири // *ЭКО*. Всероссийский экономический журнал. № 9. 2015. С. 38–42.
8. Минакир П. А., Прокапало О. М. Программы и стратегии развития российского Дальнего Востока // *Вестн. ДВО РАН*. 2007. № 5.
9. Морозова В. С. Роль региональной культуры в межкультурном взаимодействии РФ и КНР (на примере Забайкальского края) // *Изв. РГПУ им. А. И. Герцена*. 2010. № 123.
10. О Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/info/12092/> (дата обращения: 20.01.2016).
11. *Региональная экономика* / под ред. В. И. Видяпина, М. В. Степанова. М.: Инфра-М, 2007. 666 с.
12. Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://правительство.збайкальскийкрай.рф/blog/373.html> (дата обращения: 20.01.2016).
13. Сун Куй. ЧжунЕ хэцзо гунцзянь дунбу сычоу чжи лу цзинцидай. = *Экономика Хэйлунцзяна*. Харбин, 2014. С. 12. Кит. яз.
14. Трансазиатские транспортные коридоры и развитие транспортной системы России / А. М. Алкльчев, К. Х. Зоидов, А. А. Медков, З. К. Зоидов // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2010. № 3. С. 16.
15. Чан Гуобао. Нули кай чуан дунбей лаогуне цзиди чжэньсин синьцзюймянь. = *Торговля и экономика Китая*. Пекин, 2014. С. 6. Кит. яз.

УДК 327.8

Ольга Анатольевна Симоненко,

канд. полит. наук,

доцент кафедры социологии, политологии и регионоведения,

e-mail: o.a.simonenko-togu@yandex.ru

Маргарита Владимировна Ускова,

студент,

Тихоокеанский государственный университет,

e-mail: uskova.riri@gmail.com

Перспективы решения тайваньского вопроса

Тайваньский вопрос рассматривается как один из наиболее серьезных факторов, определяющих политическую позицию КНР в вопросах внутренней и внешней политики. В статье анализируются исторические основания, современное состояние и перспективы развития диалога между берегами Тайваньского пролива. За десятилетия фактически сепаратного развития при серьезном влиянии США произошли коренные изменения в политической культуре граждан Китайской Республики. На острове формируется так называемый «тайваньский менталитет», и все более популярной становится идея о суверенитете Тайваня.

Ключевые слова: тайваньский вопрос, Китайская Республика, Китайская Народная Республика, США, Гоминьдан, Демократическая прогрессивная партия, Коммунистическая партия Китая, тайваньская идентичность.

Olga Anatolievna Simonenko,

PhD(Political Sciences),

*Associate Professor of the Department of Sociology, Political Science
and Regional Studies,*

e-mail: o.a.simonenko-togu@yandex.ru

Margarita Vladimirovna Uskova,

Student,

Pacific State University,

e-mail: uskova.riri@gmail.com

The prospects for a settlement of the Taiwan question

The Taiwan question is regarded as one of the major factors that determine the political position of China in matters of domestic and foreign policy. The article analyzes the historical reasons, contemporary status and prospects of the dialogue between two sides of the Taiwan Strait. For decades, in fact, separate development under a serious influence of the USA has under-

gone radical changes in the political culture of the citizens of Republic of China. The so-called «Taiwanese mentality» has been formed on the island, and the idea of the sovereignty of Taiwan becomes more and more popular.

Keywords: *the Taiwan question, Republic of China, People's Republic of China, USA, Kuomintang, Democratic Progressive Party, Chinese Communist Party, the Taiwanese identity.*

1 октября 1949 года была провозглашена Китайская Народная Республика. Этому событию предшествовала Гражданская война 1946–1949 гг., в ходе которой за власть в Китае боролись Коммунистическая партия Китая и партия Гоминьдан, которая, в силу своего поражения в Гражданской войне, была вынуждена покинуть материковый Китай и перебраться на остров Тайвань. Гоминьдан, отказавшись подчиниться коммунистическому правительству КНР, создал на острове собственное государство – Китайскую Республику. Таковы исторические основания возникновения «тайваньского вопроса», являющегося болезненной проблемой для внешней и внутренней политики КНР.

Юридически Китайская Республика не отказывалась от своих притязаний на материковую часть Китая, хотя в последнее время об этом говорится все меньше. Несмотря на тот факт, что фактически Китайская Республика контролирует только сам Тайвань, а также расположенные рядом с ним несколько небольших островов, до начала 1970-х гг. именно Тайваньское правительство признавалось большинством государств и международными организациями как единственно законное правительство всего Китая. Так, участие в заседаниях Совета Безопасности ООН до 1971 года принимал представитель именно Тайваня, а не материкового Китая.

Отметим, что Советский Союз признал КНР буквально сразу – 2 сентября 1949 года, а вот США изначально признали легитимным тайваньское правительство, но в 1972 году разорвали дипломатические отношения с Тайбэем, сохранив лишь неофициальные связи, но, в то же время, продолжая оказывать военную помощь Китайской Республике [14]. На данный момент КНР имеет дипломатические отношения с более чем

160 государствами, которые признали принцип одного Китая и обещали выстраивать свои отношения с Китайской Республикой, не нарушая данный принцип.

В дальнейшем, на протяжении почти четырех десятилетий, Тайвань находился в состоянии постоянной боевой готовности, ожидая нападения с материка. Это объясняется официальной позицией Пекина, который отстаивал принцип «одного Китая», считая Тайвань частью Китайской Народной Республики. Однако в 1979 году Правительство КНР несколько смягчило свое отношение к данной проблеме: предполагалось объединить Китай по принципу «одна страна – две системы» [16].

В результате уже к концу 1980-х гг. в отношениях между Пекином и Тайбэем наметилось расширение экономических, культурных и индивидуальных связей.

Однако в начале 1990-х, с приходом к власти Ли Дэнхуэя на Тайване, ситуация вернулась к своему первоначальному состоянию. Ли Дэнхуэй является первым избранным Президентом Китайской Республики, который, к тому же, родился непосредственно на острове. Он положил начало демократическим реформам на Тайване. Но самое главное, Ли Дэнхуэй – ярый сторонник тайванизации, открыто заявлявший, что отношения между материком и островом имеют статус «межгосударственных». Позднее Ли Дэнхуэй вышел из Гоминьдана и основал Тайваньский Союз Солидарности, партию, выступающую за независимость Тайваня. В Пекине склонны считать, что именно он разрушил фундамент, на котором можно было достигнуть мирного объединения двух берегов Тайваньского пролива. Это, считают в Пекине, «...нанесло ущерб коренным интересам всей китайской нации, в том числе и тайваньским соотечественникам...» [12].

Хотелось бы отметить, что здесь употребляется слово «соотечественники», что свидетельствует о категорическом неприятии Пекином любых попыток отторгнуть Тайвань от Китая. Позднее Ли Дэнхуэй выпустил книгу «Позиция Тайваня», в которой изложил свои взгляды на то, как должен

быть устроен единый Китай. По его мнению, вся территория Китая должна быть разделена на регионы, которым, в свою очередь, должна предоставляться полная автономия и свободный выбор пути развития региона с учетом его специфики. Автор убежден, что эпоха авторитаризма ушла в прошлое, поэтому Китаю следует от нее отказаться [6].

Свою позицию в отношении острова Центральное Правительство КНР подкрепляет юридическими актами, согласно которым Тайвань – неотъемлемая часть Китайской Народной Республики. Так, китайское руководство ссылается на Каирскую декларацию 1943 г., которую подписали Китай, США и Великобритания.

Согласно данной декларации, все китайские территории, которые были оккупированы Японией, в том числе и остров Тайвань, должны быть возвращены Китаю. В Потсдамской декларации 1945 г., которую подписали Китай, Соединенные Штаты, Великобритания и Советский Союз, оговорено, что все условия Каирской декларации обязательны к выполнению [9].

На сегодняшний день Китайская Республика – это частично признанное демократическое государство, которое контролирует остров Тайвань и прилегающие к нему острова. Основными политическими партиями на Тайване являются Гоминьдан и Демократическая прогрессивная партия. Они, в свою очередь, возглавляют «Синюю» и «Зеленую» коалиции соответственно.

В «Синюю», помимо Гоминьдана, входят Новая партия и Первая народная партия. «Зеленая» коалиция представлена Демократической прогрессивной партией и Тайваньским Союзом Солидарности, о котором упоминалось выше. Данные коалиции занимают абсолютно противоположные позиции по вопросу объединения с Китайской Народной Республикой. Так, «Синяя» коалиция придерживается мнения о едином Китае, что Тайвань – его неотъемлемая часть. «Зеленая» коалиция, напротив, считает, что Тайвань должен существовать как независимое государство, а не как одна из провинций КНР.

Пекин неоднократно заявлял, что готов предпринять любые меры для сохранения целостности государства. Тайванский вопрос в КНР рассматривается как внутреннее дело само-

го Китая, поэтому вмешательство какой-либо другой страны недопустимо. Поэтому Пекин постоянно подчеркивает, что не обязан воздерживаться от применения и военной силы. Однако некоторые эксперты сходятся во мнении, что материковое правительство не прибегнет к данному методу решения проблемы, так как Тайвань имеет тесные взаимоотношения с Соединенными Штатами [11], являющимися в данном случае гарантом безопасности.

Тайвань находится в дипломатической изоляции большинства стран мирового сообщества. На данный момент государственный суверенитет Китайской Республики признали лишь 22 государства, большинство из которых невелики по своей площади и политическому влиянию в международных вопросах [17].

Но, в то же время, Тайвань поддерживает отношения и с другими странами через свои экономические и культурные представительства, которые, по сути, выполняют функции посольств. С начала 1990-х гг. Тайвань регулярно подает заявки на вступление в Организацию Объединенных Наций. На самом острове практически ежегодно проводятся акции и митинги за вступление Китайской Республики в ООН. Тайваньские политические лидеры требуют, чтобы 23-миллионное население острова имело свое представительство в самой большой международной организации.

Но до сих пор все эти усилия не увенчались успехом. Большинство стран-членов ООН выступают против вступления Тайваня в организацию, тем самым поддерживая принцип «одного Китая». Пекинские власти подчеркивают, что, если у Тайваня появится собственное представительство в ООН, то это будет означать полный раскол между двумя берегами Тайваньского пролива.

Начиная с 1949 года, официальные встречи между представителями Китайской Народной Республики и Китайской Республики практически не проходили. Первый диалог между официальными представителями сторон состоялся в 1992 году и получил название «Консенсус 1992».

Главным результатом данных переговоров можно назвать принятие обеими сторонами принципа единства и единственности Китая, что, несомненно, можно назвать определенным успехом в отношениях между Пекином и Тайбэем. Также стороны заявили, что разность интерпретации понятия «Китай» не помешает дальнейшему проведению переговоров между ними. Обе стороны отметили положительные результаты данной встречи. Скептически к «Консенсусу 1992», назвав его бессмысленным, отнеслась Демократическая прогрессивная партия Тайваня.

Следующий шаг по налаживанию правительственных связей между КНР и Тайванем был сделан 11 февраля 2014 года, на встрече главы Канцелярии Госсовета КНР по делам Тайваня Чжан Чжицзюня и главы тайваньского Совета по делам материковой части Китая Ван Юйци. Тогда стороны договорились о создании специального механизма осуществления регулярных контактов между этими двумя структурами.

4 ноября 2015 года мировые средства массовой информации начали выпускать сообщения о предстоящей встрече лидеров Китайской Народной Республики и Китайской Республики – Си Цзиньпина и Ма Инцзю. Довольно быстро эту информацию подтвердили в Пекине. Данная встреча еще до ее начала была названа исторической, ведь это была первая с момента возникновения тайваньского вопроса встреча на высшем уровне [7].

Отметим, что в СМИ эти переговоры охарактеризовали как «двусторонние», что негативно восприняли в Пекине, ведь данная формулировка противоречит принципу «одного Китая». В КНР мероприятие характеризовали как встречу лидеров двух берегов Тайваньского пролива. Пекин постоянно подчеркивал прагматичный характер переговоров, а также свое намерение продолжать отстаивать принцип «одного Китая».

Особенно актуальной эта встреча представляется на фоне усиливающегося соперничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе КНР и США. Положительно восприняли эту новость

в других странах мира, например, в Японии, где отметили важность сохранения стабильности и безопасности в районе Тайваньского пролива [4].

В Вашингтоне также подчеркнули, что США придерживаются принципа неделимости Китая. В свою очередь, в администрации Тайваня заявили об ориентации на укрепление мира, а не на изменение текущего положения дел между Пекином и Тайбэем. Также было оговорено, что встреча не должна восприниматься мировым сообществом как политические переговоры, и общественность не должна ожидать подписания каких-либо документов. Гоминьдан назвал встречу «прорывом» и важным историческим шагом по налаживанию отношений между двумя берегами Тайваньского пролива [8].

Встреча, которую ждали 66 лет, проходила 7 ноября 2015 г. на нейтральной территории, в одном из отелей Сингапура. Она началась с рукопожатия двух лидеров. Символично было то, галстуки каких цветов надели Си Цзиньпин и Ма Инцзю: на лидере «материкового Китая» был красный галстук – цвета Коммунистической Партии Китая, на лидере Тайваня – синий, цвета его партии – Гоминьдан. Отметим, что заранее было оговорено, что на данном мероприятии не допускалось размещение флагов какой-либо стороны, более того, должности двух лидеров не должны были упоминаться. Вместо этого следовало использовать обращения «господин Си» и «господин Ма».

Непосредственно встреча проходила за закрытыми дверями. Пресса могла услышать лишь приветственные слова. Си Цзиньпин заявил, что в мире не существует такой силы, которая способна разлучить Китай и Тайвань, ведь они – «одна семья». Китайский лидер вновь подчеркнул, что отношения между берегами пролива не являются межгосударственными, ведь Тайвань – все еще часть Китайской Народной Республики. Однако, говоря о разных путях развития Китая и Тайваня, Си Цзиньпин подчеркнул, что стороны обязаны уважать выбор друг друга. Председатель КНР отметил, что с пониманием относится к желанию Тайваня стать полноценным участником

международных отношений, однако, это возможно только в случае, если это не требует признания независимости Китайской Республики. Со стороны Председателя КНР прозвучало заявление, что жители обеих сторон Тайваньского пролива являются представителями одной нации, и никаких других мнений на этот счет не допускается. Также китайский лидер подчеркнул, что у КНР и Тайваня достаточно мудрости, чтобы решить все свои споры самостоятельно, без помощи третьих государств или международных организаций [3].

Тайваньский лидер, в свою очередь, подчеркнул необходимость придерживаться «Консенсуса 1992» и не нарушать статус-кво в отношениях между сторонами. Также, Ма Инцзю заявил, что на данный момент в отношениях между материком и островом настал самый мирный период в их истории. Он призвал снизить враждебность по отношению друг к другу и решать все споры, возникающие между Пекином и Тайбэем только мирным путем, без применения какой-либо силы.

Однако некоторые жители Тайваня восприняли новость об этой встрече крайне негативно. В то время как в Сингапуре лидеры Китая и Тайваня обсуждали перспективы развития отношений, в Тайбэе противники данной встречи организовали у здания парламента акцию протеста, в которой приняло участие около 100 человек. В адрес Ма Инцзю митингующие выкрикивали обвинения в «продаже суверенитета» и предательстве тайваньского народа. Средства массовой информации также утверждают, что участники акции пытались «...поджечь портреты тайваньского лидера...» [5].

Свою озабоченность по поводу встречи Си Цзиньпина и Ма Инцзю выразила Демократическая прогрессивная партия Тайваня. Ее представителей насторожило, что данная встреча имеет закрытый характер и проходит всего за два с небольшим месяца до выборов нового главы Тайваня.

Председатель Демократической прогрессивной партии, Цай Инвэнь, заявила, что новость о переговорах на высшем уровне «застала всех врасплох». Звучали также обвинения в том, что глава тайваньской администрации не узнал мнение

самих жителей острова, как они относятся к данному мероприятию, хотят ли они сближения с материком. Оппозиционеры убеждены, что данная встреча была организована с целью повлиять на результаты выборов, которые пройдут на острове 16 января 2016 года. Однако Ма Инцзю отрицает, что это часть его предвыборной кампании, утверждая, что это, напротив, большой шаг вперед для будущих поколений тайваньцев [2].

Согласно оценкам экспертов, победу на выборах 2016 г. одержит Цай Инвэнь, представитель Демократической прогрессивной партии, а вот Ма Инцзю и Гоминьдан стремительно теряют свой политический вес на острове. Напомним, Демократическая прогрессивная партия Тайваня выступает за независимость острова. А сама Цай Инвэнь является сторонником более осторожной политики в отношении материкового Китая [13].

Анализируя итоги встречи, можно сказать, что, разумеется, от нее не следовало ожидать немедленного объединения материка и острова. Все слова, сказанные Си Цзиньпинем и Ма Инцзю, были общими, не дававшими никакой конкретики по поводу дальнейшего выстраивания отношений между берегами Тайваньского пролива.

Не был дан ответ на вопрос, как будет проходить дальнейшее политическое сближение между Пекином и Тайбэем и будет ли оно проходить вообще.

В то же время нельзя отрицать тот факт, что уже больше двух десятилетий КНР и Тайвань тесно связаны друг с другом экономическим сотрудничеством: стороны могут инвестировать в экономики друг друга, тысячи тайваньцев работают на материке, а Тайвань является одним из самых популярных курортов среди жителей материка. Но, с участием Ма Инцзю в встрече с Председателем КНР, по мнению многих тайваньцев, правительство Тайваня зашло слишком далеко. Оппозиция утверждает, что остров становится все более зависимым от материка, и этот процесс необходимо срочно остановить.

Интересно, что за десятилетия фактически сепаратного развития при серьезном влиянии США произошли коренные

изменения в политической культуре граждан Китайской Республики. Хотя вопрос о существовании «тайваньской идентичности» продолжает оставаться дискуссионным на острове [15], существует немало свидетельств того, что растет доля тайваньцев, перестающих чувствовать себя китайцами: десять лет назад их уже было большинство [1], а сейчас о своей тайваньской идентификации заявляет 59 % носителей «тайваньского менталитета», и лишь 3,3 % считают себя «китайцами» [10]. На острове все более популярной становится идея о суверенитете Тайваня. Этим объясняется падение рейтинга партии Гоминьдан перед выборами главы тайваньской администрации и парламентскими выборами, которые намечены на этот же день.

Существует мнение, что тайваньцы боятся установления Коммунистической партией Китая контроля над островом. Жители острова успели привыкнуть к демократии, они не хотят жить под китайским «тотальным контролем». В этой связи интересно внимание тайваньцев к акциям протеста в Гонконге в 2014–2015 гг. и их заметное возмущение достаточно агрессивными действиями руководства страны по подавлению недовольства. На острове Председателя КНР Си Цзиньпина даже прозвали «диктатором». А все заявления китайского руководства о том, что оно готово жить по принципу «одна страна – две системы», воспринимаются как ложь. На основании всего этого можно утверждать, что об объединении, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, не может идти и речи.

В свою очередь в Пекине по-прежнему придерживаются принципа неделимости Китая, полагая, что рано или поздно Тайвань откажется от своих намерений добиться широкого международного признания его независимости. КНР планирует проводить политику дальнейшего сближения с Тайванем.

На основе всего вышесказанного можно предложить, что шансы признания Тайваня как суверенного государства со стороны КНР крайне малы. Более того, наиболее крупные мировые державы не рискнут поступиться своими связями с КНР и также не признают Тайвань независимой страной, а продол-

жат ограничиваться лишь экономическими и культурными контактами с островом. Тайвань регулярно подает заявки на вступление в ООН, но всегда получает отказ, надо полагать из-за того, что КНР является постоянным членом Совета Безопасности ООН и блокирует принятие острова в организацию.

Некоторое потепление в отношениях между материком и островом намечилось в 2008 году, с приходом к власти на Тайване Ма Инцзю, который проводил политику экономического сближения с КНР, при этом не меняя политический статус-кво. За это Ма регулярно подвергался критике со стороны не только тайваньской оппозиции, но и своих граждан, называющих его предателем тайваньских интересов, утверждая, что он продает остров Китаю.

Несмотря на весь скептицизм, высказанный по поводу встречи лидеров Китая и Тайваня, нельзя не признать, что это был серьезный шаг для них обоих, и формулировка «историческая встреча» здесь применена уместно.

Пекин беспокоится по поводу следующих выборов главы администрации Тайваня, ведь если Гоминьдан не сможет одержать победу, тогда осуществить план по воссоединению станет крайне сложно, скорее, невозможно.

С другой стороны, противники сближения с КНР могут расценить встречу двух лидеров как попытку вмешательства КНР во внутренние дела Тайваня и использовать эту угрозу как козырь в своей политической игре.

При этом эксперты прочат победу Демократической прогрессивной партии как в президентских, так и в парламентских выборах, что крайне нежелательно для руководства КНР. Кандидат от этой партии Цай Инвэнь известна своим негативным отношением к политике сближения с материком, которой придерживается нынешний глава Тайваня. Однако в то же время, в ходе своей предвыборной кампании, она не раз заявляла, что в случае победы готова проводить встречи на высшем уровне с Председателем КНР и поддерживать экономические и культурные связи с материком (впрочем, в таком заявлении

можно видеть не только стремление к диалогу, но и настаивание на признании собственного статуса главы суверенного государства).

Также, если Цай Инвэй станет следующей главой администрации Тайваня, то она возьмет курс на снятие дипломатической изоляции Тайбэя. Однако вновь подчеркнем: добиться этого будет крайне трудно. Сохранение статус-кво также представляется малореалистичным, поскольку для этого необходимо, если не одинаковое понимание вариантов урегулирования конфликта, то хотя бы желание избежать его эскалации. Но уступка в этом вопросе принципиальна невозможна ни для одной из сторон. Таким образом, наиболее благоприятным вариантом для всего Азиатско-Тихоокеанского региона будет сохранение текущих позиций сторон, или заморозка конфликта. Стремление к его полному урегулированию или изменению статуса участников будет сопряжено с серьезными рисками.

Список литературы

1. Андреев А. Время менять имена. Половина жителей Тайваня уже не считают себя китайцами [Электронный ресурс] // Новые известия. 2007. 19 янв. Режим доступа: <http://www.newizv.ru/world/2007-01-19/61575-vremja-menjat-imena.html> (дата обращения: 13.01.2016).
2. В администрации Тайваня считают, что встреча с лидерами КНР нацелена на укрепление мира [Электронный ресурс] // ТАСС. Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2406836> (дата обращения 10.11.2015).
3. В Сингапуре прошла историческая встреча глав Китая и Тайваня [Электронный ресурс] // News.ru. Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/07nov2015/sing.html> (дата обращения: 09.11.2015).
4. Генсек правительства Японии: Токио будет внимательно следить за диалогом Китая и Тайваня [Электронный ресурс] // ТАСС. Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2405965> (дата обращения: 09.11.2015).
5. Историческая встреча глав Китая и Тайваня состоялась в Сингапуре [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20151107/1315694111.html> (дата обращения: 09.11.2015).
6. Ли Дэнхуэй. Позиция Тайваня / под ред. В. Б. Панина. М.: МГУ, 2000. 271 с.

7. Пекин подтвердил встречу лидеров КНР и Тайваня [Электронный ресурс] // RT. Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/127746> (дата обращения: 09.11.2015).

8. Первая в истории встреча лидеров КНР и Тайваня пройдет в Сингапуре [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20151107/1315343431.html> (дата обращения: 08.11.2015).

9. Портякова Н. Плоть со сломанными костями [Электронный ресурс] // Lenta.ru. Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2015/11/09/chinaandchina/> (дата обращения: 09.11.2015).

10. Потсдамская декларация. (Декларация глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая о Японии): от 26.07.1945 г., опубл.: 27.07.1945 г. [Электронный ресурс] // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля–2 августа 1945 г.) М.: Изд-во полит. лит., 1984. С. 357–359. Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/...\(1945\)](https://ru.wikisource.org/wiki/...(1945)) (дата обращения: 02.01.2016).

11. «Принцип одного Китая» во взаимоотношениях двух берегов Тайваньского пролива [Электронный ресурс] // Синология. Режим доступа: <http://www.synologia.ru/a> (дата обращения: 10.11.2015).

12. Принцип одного Китая и тайваньский вопрос. Канцелярия по тайваньским делам [Электронный ресурс] // Все о Китае из первых рук: сайт Китайского информационного интернет-центра. Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/32178.htm> (дата обращения: 13.01.2016).

13. Тайвань и Китай: чего ожидать от встречи двух лидеров? [Электронный ресурс] // ВЕСТИ. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2683924> (дата обращения: 09.11.2015).

14. Цветков И. А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме, 1949–1999 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. СПб., 2000. С. 73–134.

15. Чэнь Цзявэй. Тайваньская идентичность: локальная, национальная, глобальная? // Развитие и экономика. 2013. № 7. С. 134.

16. One Country, Two Systems // China Facts and Figures [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.china.org.cn/english/features/china/203730.htm> (дата обращения: 12.12.2015).

17. The Republic of China Yearbook 2014 [Электронный ресурс] // Executive Yuan. Режим доступа: <http://www.ey.gov.tw/en/cp.aspx?n=622463CE8C210423> (дата обращения: 09.11.2015).

УДК 811. 008 (5кит)

Сунь Янь,

преподаватель,

Хэйлунцзянский институт иностранных языков,

г. Харбин, КНР,

e-mail: sunyannushi@126.com

Русская культура в исследованиях китайских ученых

Статья описывает историю и практику исследования русской культуры в трудах китайских ученых. Автор утверждает, что специфика русской культуры раскрывается через анализ русского языка. В свою очередь сегодня прослеживается взаимовлияние двух культур – русской и китайской. В конце статьи автором доказывается участие русской культуры (как части мирового наследия) в современном активном межкультурном дискурсе.

Ключевые слова: русская культура, китайская культура, межкультурное взаимодействие.

Sun Yan,

Lecturer of Heilongjiang Institute of Foreign Languages,

Harbin, China,

e-mail: sunyannushi@126.com

Russian culture in studies of Chinese researchers

The article describes history and practice of the studies of Russian culture in the works of Chinese scientists. The author argues that the specifics of Russian culture is revealed through the analysis of the Russian language. In turn, today it is observed an interaction between the two cultures – Russian and Chinese. At the end of the article the author proved the participation of Russian culture (as part of the World Heritage) in today's active intercultural discourse.

Keywords: Russian culture, Chinese culture, cross-cultural interaction.

Русская культура, являясь частью мирового наследия, занимает особое место. Феномен русской культуры детерминруется благодаря многообразию подходов, традиций, аспектов и методов ее исследования. Одним из способов достижения уникальности культуры России является та характеристика, которую дают представители другой национальности, а соответственно, другой культурной и языковой традиции. Изучая вопрос природы культуры, Ю. М. Лотман отметил значимость

не столько факта физико-психологического различия между отдельными людьми, сколько факта вариативности человеческой личности, «развиваемой и стимулируемой всей историей культуры». Именно этот факт лежит в основе многогранности понимания феномена русской культуры представителями разных этнических групп: национальное осмысление культурных ценностей есть «инвариант» общей системы. Национальный аспект исследования культуры русского народа отражен в трудах В. Большакова, Луи Леже (русская культура в восприятии французов); в работах итальянского исследователя Стефано Гардзонио, изучающего русскую культуру через литературу; Э. Г. Ермольевой, Т. Б. Ковалем и др. подготовлена монография «Россия глазами испанцев», в которой рассматриваются различные аспекты имиджа России в испанском обществе, и т. д.

Задача данной статьи заключается в рассмотрении направлений изучения русской культуры китайскими исследователями. Такое изучение мы можем условно разделить на два направления. Первое связано с выявлением специфики русской культуры через анализ истории, географии, языка русского народа и др. (Лей Липин, Чжоу Ли, Цзин Дунсю, Нань Лан, Ван Хунся). Второе направление охватывает вопросы влияния и воздействия русской культуры на северо-восточную культуру Китая (Цзин Ган, Цзинь Дунсю, Цзюнчжун, Ли Ляньшу и др.). Остановимся на рассмотрении каждого из этих направлений.

Исследование специфики русской культуры китайскими учеными является одним из крупнейших направлений научной мысли.

Лей Липин в работе «Формирование, развитие и основные особенности русской культуры» указывает на достаточно поздний период формирования русской культуры. Анализируя четыре основных периода в развитии русской культуры (Средневековье, Новое время, вторая половина XIX и XX в.), ученый рассматривает связь культуры с историческими процессами. Первый период, а именно Средневековье, охватыва-

ет IX-XVII вв. истории русской культуры, времена Киевской Руси, татаро-монгольского ига и княжества Московского. Основной культурный признак периода Киевской Руси – устная поэзия, «берестяные грамоты», летописи, Византийский стиль в архитектуре и живописи.

Второй период, Новое время русской культуры, промежуток с конца XVII или с начала XVIII до первой половины XIX века. Этот период характеризуется тем, что в культурной сфере модернизация, любовь ко всему западному, демократизация, рационализм стали играть важную роль, а капитализм только-только начал проникать в культуру. Начало этого периода – это время реформ Петра I в истории России.

Третий период начинается со второй половины XIX до XX века, в истории русской культуры это самая славная страница. В эти всего лишь несколько десятилетий в русской культуре появился ряд мировых гениев, мыслителей, писателей и ученых, а также возникло большое количество идеологических трудов, шедевров изобразительного искусства и научных изобретений.

Четвертый период – XX век, главным образом, это советский период, охватывающий 74 года. Постсоветский период насчитывает меньше 10 лет. В советский период в русской культуре в качестве основного признака отмечаются различные политические тенденции. В культуре доминирует западный марксизм.

Анализируя исторические факторы формирования русской культуры, ученый выделяет ее ведущие признаки: «промежуточность» и «совместимость» (способность сочетать признаки западной и восточной культур); биполярность (столкновение и борьба восточной и западной культур в России и разделение между низами и верхами русского общества); способность противоречий образовывать единство, это порождает сильное религиозное сознание и благодаря им возникают доброта, честность, гуманность, помощь окружающим, а также терпение к национальному устройству.

Ссылаясь на работы Н. Бердяева, Чжоу Ли обращается к следующим элементам, составляющим ядро содержания русской культуры: «соборность, религиозность, отсутствие умеренности и впадение в крайности, высокая сдержанность и терпение, всемирная отзывчивость».

Это показывает, что русская культура получила всеобщий широкий отклик, способна использовать собственные способы для отражения тем и мыслей, конфликтов и образов других культур – восточной или западной культуры, в то же время не изменять собственные национальные особенности.

Цзин Дунсю связывает особенность культурного сознания и характера русских людей с географическим фактором:

- 1) территория России охватывает Европу и Азию, поэтому признаки востока и запада отражаются в русской культуре;
- 2) богатые природные ресурсы порождают такие качества национального характера, как самоуверенность и лень.

Нань Лан раскрывает специфику русской культуры через анализ языка. Исследователь обращается к идиомам русского языка. Нань Лан высказывает мысль о том, что идиомы в лексике языка обладают большой жизнеспособностью и выразительностью, а также являются языковыми единицами, которые наилучшим образом отражают национальные культурные признаки. Идиомы – это лаконичные устойчивые выражения или предложения. Формирование языковой идиомы происходит при ее использовании из поколения в поколение, при непрерывном развитии. Русские идиомы вобрала в себя различные признаки русской национальной культуры, истории, глубокое сознание русской национальной культуры.

Ван Хунся провела поверхностный анализ ряда значимых идиом русского языка и русской культуры (религия, бытовая сфера, национальный фольклор и национальные предпочтения).

Например, идиома «козел отпущения» – эта идиома вышла из библейской истории. У древних евреев был ритуал: в день Покаяния главный священник клал руки на голову живого козла, это выражало, что все грехи человечества переходят

дили к козлу, проклятое таким образом животное изгонялось в пустыню. Теперь это выражение используется для обозначения другого человека, который вместо настоящего виновника понесет наказание. Идиома «строить на песке» вышла из проповеди Иисуса, это сравнение с воздушным замком. А также идиомы «кромешный ад», «гроб повапленный» и т. д.

Идиома «работать как вол» выражает значение напряженной работы. Бык – символ здоровья, поэтому идиома «здоров как бык» описывает крепкое здоровье, как у быка. Корову доят, поэтому идиома «дойная корова» означает, что человек или вещь может принести богатство, китайский эквивалент 摇钱树 – денежное дерево. Русские любят использовать слова «овца, коза» для выражения антипатии: «овечье сердце», «пустить козла в огород», «стадо баранов». Осина является символом хрупкости, робости, идиома «дрожать как осиновый лист» выражает «дрожать, как листья осины на ветру», дрожать от страха.

Ван Хунся приводит наблюдение, что многие русские идиомы вышли из народных сказок, басен и легенд. Например, идиома «избушка на курьих ножках» описывает простой и шаткий маленький деревянный дом. Идиома «пир на весь мир» описывает очень богатый пир. Идиома «бросить щуку в реку» – метафора про тигра, который направляется обратно в горы. Идиома «как белка в колесе» описывает напрасный труд. Идиома «лебедь, щука и рак» выражают невозможность сплотиться воедино.

Особенности русского народа и его предпочтения, по мысли исследователя, тоже находят свое отражение в соответствующих идиомах. Например, эстетическое восприятие у русского народа цветов красный, белый, черный: красная девица (красивая девушка), белая кость (дворянство), черная кость (родился в бедной семье), из этого можно увидеть, что красный символизирует красоту, белый – чистоту, знатность, черный – низкое положение в обществе.

Таким образом, представленные признаки русской культуры, исследуемые китайскими учеными первого направле-

ния, детерминированы историческими, географическими и языковыми особенностями. Способность русской культуры аккумулировать признаки западного и восточного культурных цензов, тенденция к биполярности и универсальности сопряжены с признанием ее особого статуса в исследованиях китайских культурологов.

Второе направление посвящено исследованию влияния русской культуры на китайскую. Наибольшее воздействие русской культуры было оказано на территорию Северо-Востока Китая в связи с фактором географической близости.

Цзин Ган отметил влияние русской культуры на культуру Северо-Восточного Китая через культурную продукцию, деятельность большого количества иммигрантов и экспатриантов. Взаимодействие двух стран детерминировано географическим расположением и историческим развитием. Поэтому проблема понимания русской культуры учеными Китая актуальна в связи с фактом культурного обмена обеих стран.

Цзинь Дунсю подробно рассмотрел сферы влияния русской культуры на китайскую. Он считает, что этот процесс тесно связан с природными условиями, историческим развитием, формированием социального климата, управлением господствующей идеологией и другими факторами, поэтому исследование этого влияния должно охватывать весь широкий спектр культуры: образование, язык, одежду, кухню, архитектуру, литературу, искусство и др.

Исследователь обращает внимание на то, что русские, которые управляли КВЖД, особое внимание уделяли образованию. 6 декабря 1898 года была основана Первая школа в Харбине, что сыграло ключевую роль в развитии образования. В 1900 году КВЖД без каких-либо условий предоставила школе 5 500 р. Эти деньги были направлены на строительство двух библиотек: библиотеки для преподавателей и библиотеки для учащихся. В 1908 году собрание книг этих двух библиотек насчитывало более 3 000 трудов.

Что касается языковой области, то многие русские транскрибированные слова успешно использовались китайцами

в повседневной жизни. Например: «ведро, платье, хлеб» и др. В произведениях северо-восточных писателей также часто можно встретить русские транскрибированные слова. Например: в «Низах» у Са Цзюня встречается «ботинки»; в «Тюрьме» у Ло Фэна – «суп, собака, японец». Северо-восточные китайцы у северо-восточных писателей не только использовали в своем языке лексику русского языка, но и некоторые обычные крестьяне и дети могли немного говорить по-русски.

Что касается кухни, северо-восточные жители также переняли кое-что из русской кухни. В городе Харбине много ресторанов русской кухни, можно посидеть в кофейне, магазине мороженого, интерьер этих заведений оформлен в русском стиле. Северо-восточные жители переняли у русских традицию отдыха, некоторые гастрономические предпочтения (пиво, колбаса, хлеб, маринованные огурцы). В настоящее время пиво, колбаса, хлеб, сливочное масло, икра и другие продукты стали для северо-восточных жителей важной частью их повседневного рациона. Здесь стоит сказать о распространителе пива. В 1900 году русский купец Лев Сицын, чтобы удовлетворить потребности жизни русских мигрантов, открыл в Харбине пивной завод, это был первый пивной завод в Китае.

И в архитектуре северо-восточных городов присутствует русский стиль. После того как в 1898 году город Харбин стал центральным узлом КВЖД, вслед за ремонтом железной дороги приступили к планированию строительства города. В 1900 году инженерный отдел КВЖД командировал Лефодеева в качестве главного инженера для проектирования торговых кварталов города. Архитектор первоначального города за основу взял проект Москвы, использовал все региональные особенности города, подготовил общий проект зданий города. Район порта был превращен в торговый район с тесными рядами магазинов, в настоящее время это двенадцатая улица, центральная улица, улицы Шанчжи и др. В прежние времена почти все торговые здания были выполнены в западном традиционном

или русском стиле. Храм Святой Софии – это деревянная церковь, построенная в 1907 году при содействии богатого купца Чистякова, который выделил 60 000 р. на ее сооружение. В 1923 году она была разрушена и вновь возведена, превратившись в величественный храм из камня, купол на вершине храма полностью отражал особенность русских зданий. В настоящее время этот своеобразный храм относится к охраняемым памятникам архитектуры и гордо называется «Музеем архитектурного искусства города Харбина». На Солнечном острове очень много русских дач, что превратило его в курорт для высокопоставленных лиц. Такое проектирование изначально определило макет города, в качестве центра которого выступала КВЖД, Харбин и прилегающие к нему районы. В 20–30-х годах XX века город Харбин называли «Восточной Москвой», «Маленьким Восточным Парижем», он был известен по всему миру. Подобная преемственность русской культуры, на наш взгляд, носит не только географическое, но и политическое обоснование.

Цзюнчжун освещает в ряде работ проблему глубокого влияния русской литературы на китайскую культуру, которое прошло различные исторические этапы. Это выразилось в литературном идеологическом влиянии, во влиянии государственного курса в области литературы и искусства и в литературно-духовном влиянии. Результат влияния состоит в том, что в некоторой степени установился путь развития современной китайской литературы и воздействия русской литературы на китайскую культуру, на протяжении долгого времени затрагивались различные области, степень оказанного влияния была очень глубокой. С точки зрения пройденных этапов можно выделить ранние переводы в конце династии Цин, «огромную популярность русской литературы» во время движения «4 мая», всестороннее признание в 1950-х годах, относительное охлаждение после 1960-х годов, новую волну популярности после реформ открытости, рациональное регулирование в 1990-х гг. Ученый отмечает, что русская литература имеет

глубокое воздействие на восприятие китайских читателей, даже в некоторой степени изменила систему культурных ценностей нескольких поколений.

Особенно популярны в Китае труды А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, М. Горького и др. Изучая значимость произведений А. С. Пушкина, Чжан Тефу, Цзэн Цулинь, указывают на то, что его стихи «выпестовали поколение за поколением читателей и поэтов. Дух стремления к свободе, которым пропитаны его произведения, сильно вдохновил китайский народ, также стремившийся к свободе. Его художественный стиль, отличающийся искренностью, простотой, естественностью и ясностью, соответствует эстетическому вкусу китайских читателей». Данное высказывание позволяет эксплицировать некоторые особенности русского характера, изображаемые в национальной литературе: свободолюбие, искренность, простоту.

Ли Ляньшу отмечает, что китайских читателей привлекает в Чехове «сдержанный и уравновешенный характер, который близок китайскому складу ума». Исследователь оценивает важное влияние традиций Чехова на творческую манеру таких художников слова, как Лу-Синь, Ша Тин и др.

Таким образом, второе направление исследования русской культуры определяется ее воздействующим характером на культурную жизнь и быт Китая. Активное включение в лексический фонд жителей Северного и Восточного Китая русских номинаций является признаком интенсивного взаимодействия культур. Раскрывая смысловую грань, язык и стиль произведений русских писателей, китайские исследователи формируют представление о менталитете, культуре и психологии жителей России. Второе направление исследования русской культуры позволяет выявить ее специфику в контексте китайской реальности. Культурная составляющая русской жизни в приграничном Китае также всегда была многогранна и богата. Это театр, музыка, живопись, архитектура и, конечно, литература. Русская культура нашла свое выражение именно в наиболее характерной и типичной форме – литературе [Морозова В. С. Региональная культура... , с. 125].

Особого культурфилософского осмысления заслуживает русско-китайский пиджин как специфический результат взаимодействия приграничных культур. Несмотря на то, что данная разновидность языка перестала активно употребляться в первой половине XX века, отдельные слова до сих пор остаются основными во взаимодействии приграничного населения России с представителями Китая, более того, появляются и новые лексические единицы [Морозова В. С. Региональная культура... , с. 25].

Таким образом, представленные нами условно два направления исследования русской культуры китайскими учеными (выявление специфики русской культуры через анализ истории, географии, языка и т. д. и установление воздействия русской культуры на китайскую) являются взаимодополняющими. Данные направления позволяют сформировать понимание культуры России не только как изолированной индивидуальной ценности в мировом наследии, но и как части активного межкультурного процесса, вступающей во взаимодействие с другими культурами.

Список литературы

Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013. С. 125.

УДК 323 (510)

Ксения Александровна Тарабарко,
ст. преподаватель кафедры востоковедения,
Забайкальский государственный университет,
e-mail: xiaoyun@yandex.ru

**Научные центры исследования «мягкой силы»
как часть национальной стратегии КНР**

В статье акцентируется внимание на стратегической политике официального Пекина по созданию единого информационно-аналитического центра, призванного оптимизировать деятельность КПК и Правительства КНР по созданию долгосрочных стратегий развития

Китая. Данная структура объединит специализированные информационно-аналитические центры всей страны, в том числе и вновь созданные научные институты и подразделения по исследованию «мягкой силы» культуры как часть национальной стратегии.

Ключевые слова: *информационно-аналитические центры, «мягкая сила», стратегическая политика, глобализация, социокультурное пространство.*

Kseniya Aleksandrovna Tarabarko,
*Senior Lecturer of Oriental Studies Department,
Transbaikal State University,
e-mail: xiaoyun@yandex.ru*

Scientific research center of “soft power” as part of the national strategy of the PRC

The article focuses on the strategic policy of official Beijing on the establishment of a unified information and analytical center, called to optimize the CPC and the Chinese government on the creation of long-term development strategies of China. This structure will unite the specialized “think tanks” throughout the country, and a newly created research institutes and departments for the study of “soft power” of the culture is also part of the national strategy.

Keywords: *information and analytical centers, “soft power”, strategic policy, globalization, socio-cultural space.*

С началом осуществления экономической «Политики открытости», с последующим вступлением КНР в ВТО и внедрением стратегии «Идти вовне» КНР постепенно оказалась глубоко вовлеченной в глобальные и региональные интеграционные процессы, что позволяет Китаю последовательно реализовывать свои внешнеполитические и геополитические амбиции. Вместе с тем, сегодня китайский социум вынужден развиваться в условиях огромного количества неразрешенных внутренних проблем и жесткой конкуренции на международной арене, а «...расширяющиеся границы социокультурного пространства в рамках функционирования китайской модели открытости не могут в полной мере обезопасить его от проникновения деструктивных глобализационных элементов, способных негативно воздействовать на культурно-цивилизационные основы китайского государства...» [3, с. 210].

Неоднозначность современного этапа развития китайского государства ставит высшее руководство перед необходимостью постоянного сбора и обработки информации. Однако для обеспечения безопасного и устойчивого развития этого недостаточно. Для современного глобализирующегося мира характерна динамичная смена событий, этот процесс ускорения мирового времени и перед управленческим аппаратом КНР ставит задачи поиска и разработки аналитических моделей, которые позволили бы оперативно оценивать текущее положение дел в стране и на международной арене, прогнозировать тенденции развития и возможные последствия принимаемых управленческих решений. Этот комплекс задач призваны решать информационно-аналитические институты, так называемые «мозговые центры» (от англ. *think tanks*) – научно-исследовательские организации, осуществляющие консультирование в области политического производства и оценки возможных социально-экономических последствий политических решений. Продукты аналитических центров – прикладная политическая экспертиза, исследования и аналитика, фундаментальные теоретические труды, которые, как правило, отличает стратегическое целеполагание, основанное на определенных представлениях о желаемых социально-экономических и политических результатах [7].

За годы реформ руководство Китая изменило свое отношение к «мозговым центрам» (кит. «智库»). Сегодня такие структуры принимают самое непосредственное участие в процессе выработки государственных решений по стратегическим направлениям внутренней и внешней политики страны. Жизненную необходимость создания новых высококвалифицированных «мозговых центров» отметил в своем выступлении в октябре 2014 г. действующий Председатель КНР Си Цзиньпин [5], особо подчеркнув значимость интеллектуальной элиты страны для успешного развития КНР. В декабре 2015 г. на рабочем совещании по вопросам создания государственных высококвалифицированных «мозговых центров» член Политбюро и секретарь ЦК КПК Лю Юньшань отметил,

что строительство информационно-аналитических центров с китайской спецификой в полной мере способствует строительству «социализма с китайской спецификой» и осуществлению «китайской мечты» [9]. Особые надежды китайское руководство связывает со специализированными «мозговыми центрами», которые занимаются исследованием отдельных актуальных проблем развития китайского общества и могут предложить конструктивные их решения.

На пути поиска стратегии дальнейшего сбалансированного внутреннего развития страны и устойчивого гармоничного развития КНР на международной арене взоры китайских деятелей науки и политиков обратились к стратегии «мягкой силы». Мировой научный и общественный интерес к понятию «мягкая сила», его сущностному содержанию и возможному применению на практике резко возрос в последние десятилетия, и КНР – не исключение. Данное понятие находит отражение в контекстах новых стратегий Китая на средне- и долгосрочную перспективу и является темой внушительного объема научных публикаций и монографий. В выступлениях высшего руководства Китая зазвучали призывы использовать «мягкую силу» для достижения тех или иных внутри- или внешнеполитических целей.

Официальным Пекином понятие «мягкой силы» впервые было озвучено в ноябре 2006 года на VIII Всекитайской конференции представителей литературы, когда председатель КНР Ху Цзиньтао призвал «увеличивать международную конкурентоспособность культуры страны и повышать “мягкую силу” государства» [4]. С 2007 г. стратегия «мягкой силы» стала частью партийной идеологии, когда 15 октября на XVII Съезде КПК в докладе Ху Цзиньтао прозвучал призыв повышать «культурную мягкую силу» государства в создании гармоничного общества внутри Китая и гармоничного мира за его пределами [8]. 8 ноября 2012 г. на XVIII Всекитайском съезде КПК в своем отчетном докладе генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао среди «задач полного построения среднезажиточного общества и всестороннего углубления реформ

и открытости» отдельно выделил задачу «усиления роли культуры как “мягкой силы” государства». В докладе подчеркивалась необходимость укоренения в сознании людей основных ценностей социализма, повышения культурного уровня граждан и цивилизованности общества. Отмечалась необходимость активного содействия распространению китайской культуры за рубежом. «Все это, – по мнению Ху Цзиньгао, – позволит заложить прочный фундамент для создания социалистической культурной державы» [10]. По мнению исследователя Ли Минцзяна, именно политической элитой был сгенерирован интерес к «мягкой силе» [3, с. 212].

По мнению профессора Мэнь Хунхуа, тема «мягкой силы» и ее значения для Китая стала одной из самых обсуждаемых и в научных кругах. К такому заключению китайский ученый пришел на основе анализа результатов обзора научных публикаций (CNKI) [11]. Его запрос показал наличие 518 работ, опубликованных с 1997 по 2007 гг., в названии которых присутствовало ключевое слово «мягкая сила». За пять лет этот показатель достиг более 2000 публикаций (2008 – 151; 2009 – 227; 2010 – 303; 2011 – 337; 2012 – 424) [3, с. 211].

Сегодня китайское научное сообщество обнаруживает не просто интерес к новому термину, но фундаментальный подход к исследованию «мягкой силы», подтверждением чему служит создание новых исследовательских институтов в рамках общегосударственной стратегии создания новых «мозговых центров».

Так, 27 июля 2012 г. в г. Гуанчжоу состоялась церемония открытия Гуандунского института исследования «мягкой силы» (кит. 广东南方软实力研究院). В коллективе института 123 научных сотрудника, большинство из которых – специалисты и профессора высших учебных заведений Китая и Академии общественных наук КНР (АОН КНР). Сотрудники института, согласно сферам научных интересов, работают по разным направлениям: «Мягкая сила культуры», «Мягкая сила предприятий», «Мягкая сила города», «Мягкая сила общества», «Мягкая сила закона», «Мягкая сила финансов»,

«Мягкая сила образования», «Мягкая сила личности» и др. На сегодняшний день, несмотря на свой совсем «молодой возраст», институт активно сотрудничает с АОН КНР и ведущими вузами страны, такими как Пекинский университет, Китайский народный университет, Гонконгский университет, Аомыньским университетом, Аомыньский университет урбанонологии, Аомыньский политехнический институт, университет им. Сунь Ятсена, университет Цзинань, Гуандунский институт внешнеэкономической деятельности и иностранных языков, Южно-китайский педагогический университет, Гуандунская партийная школа КПК, Гуандунский институт социализма, и другими вузами и научно-исследовательскими центрами [2].

В 2013 г. на базе Уханьского университета создан Государственный инновационный центр совместных исследований «мягкой силы» культуры (кит. 国家文化软实力协同创新中心). Центр ежегодно проводит научные конференции, последняя из которых состоялась в мае 2015 г. В работе конференции были задействованы не только ученые Уханьского университета, но и представители научно-исследовательских учреждений Шанхайского транспортного университета и университета Цинхуа (г. Пекин) [6].

29 сентября 2014 г. при Пекинском университете, на базе Института международных отношений, был основан Государственный центр исследований «мягкой силы» культуры (кит. 国家文化软实力研究中心). Центр приглашает для работы в качестве членов правления и научных сотрудников опытных специалистов из центральных и государственных органов власти, вузов, исследовательских структур и корпораций; тесно работает с государством в области научных исследований, собирает данные для выработки национальных стратегий с применением «мягкой силы» культуры Китая.

На церемонии открытия центра министр культуры КНР Цай У подчеркнул, что «...в контексте глобализации конкуренция между различными культурными ценностями становится все более ожесточенной. Могущественные и развивающиеся

государства используют “твердую силу” в непрерывном стремлении к равновесию, однако в будущем “мягкая сила” культуры из вспомогательного средства любого государства превратится в ключевой фактор соперничества великих держав. Китаю, находящемуся на ключевом этапе “мирного возвышения”, особенно необходимо сосредоточиться на содействии распространению китайской культуры в международном сообществе, в целях содействия осознания и признания китайской культуры и национальной системы ценностей народами других стран. На современном этапе развития культура постепенно стала ядром национальной стратегии развития нашей страны. Создание Государственного центра исследований мягкой силы культуры будет последовательно способствовать совершенствованию и усилению теоретической базы исследований “мягкой силы” национальной культуры Китая» [1].

В современном Китае исследование «мягкой силы» – одно из важнейших научных направлений. Высшее руководство страны выражает уверенность, что ценностным ядром и основным инструментом «мягкой силы» КНР является ее национальная культура. Именно культура содержит огромные социетальные ресурсы, что обретает особую актуальность при решении целого ряда проблем в таком гетерогенном государстве, как Китай. Вновь созданные центры исследования «мягкой силы» культуры Китая призваны найти адекватные ответы на многие вопросы внутреннего развития, а также на глобализационные вызовы его социокультурному пространству. Главная цель формирования подобных «мозговых центров» – анализ мирового опыта использования «мягкой силы»; распространение представлений о китайской культуре, современных китайских ценностях и повышение международного национального имиджа.

Список литературы

1. Бэйцзин дасюе чэнли гоцзя вэньхуа жуаньшили яньцзю чжунсинь. = Пекинский университет основал Государственный центр исследования «мягкой силы» культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/2014-09/29/c_1112674693.htm (дата обращения: 14.08.2015). Кит. яз.

2. Гуандун наньфан жуаньшили яньцзю юань. = Гуандунский институт исследования мягкой силы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gdsisp.org/a/guanyuwomen/2013/0928/5.html> (дата обращения: 11.07.2015). Кит. яз.
3. Кучинская Т. Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013.
4. Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. № 4. С. 149.
5. Си Цзиньпин: чжундянь цзяньшэ ипи гаодуань чжику. = Си Цзиньпин: придавать особое значение созданию высокопрофессиональных мозговых центров [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gdsisp.org/a/shekedongtai/20141029/197.html> (дата обращения: 30.09.2015) Кит. яз.
6. Ухань дасюе. = Уханьский университет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gs.whu.edu.cn/index.php/index-view-aid-7384.html> (дата обращения: 29.07.2015). Кит. яз.
7. Филиппов В. А. Аналитические центры – стратегический интеллектуальный ресурс. М.: ЛЕНАНД, 2007. 104 с.
8. Ху Цзиньгао. Гао цзюй Чжунго тэсэ шэхуэй чжуй вэйда цичжи, вэй доцюй цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуэй синь шэнли эр фэньдоу. Цзай Чжунго гунчаньдан ди шици цы цюаньго дайбяо дахуэйшандэ баогао (2007 нянь, 10 юе, 15 жи). = Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества. Доклад на Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 15 октября 2007 г. // Информационное агентство Синьхуа. 2007. 24 окт. Кит. яз.
9. Цици туйцзинь чжунго тэсэ синьсин чжику цзяньшэ. = Активно продвигать строительство новых мозговых центров с китайской спецификой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gdsisp.org/a/shekedongtai/20151203/249.html> (дата обращения: 15.12.2015). Кит. яз.
10. XVIII съезд Коммунистической партии Китая // Экспресс-информация ИДВ РАН. 2012. № 7. С. 38.
11. China Knowledge Resource Integrated Database [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.global.cnki.net/kns50/single_index.aspx (дата обращения: 15.09.2015).

УДК 314.7(571.16)

Анастасия Евгеньевна Яковлева,
*специалист отдела международных проектов и программ
управления международной деятельностью,
Забайкальский государственный университет,
e-mail: yangol-93@mail.ru*

**Некоторые особенности социокультурной адаптации
китайских граждан при сдаче комплексного экзамена
по русскому языку, истории России и основам
законодательства Российской Федерации**

В статье рассматриваются основные трудности, возникающие у китайских граждан в процессе проведения комплексного экзамена в аспекте социокультурной адаптации к проживанию в России.

Ключевые слова: *социокультурная адаптация, мигранты, Забайкальский край, комплексный экзамен, русский язык.*

Anastasiya Yevgenyevna Yakovleva,
*Specialist of International Projects and Programs Department
Office for International Affairs,
Transbaikal State University,
e-mail: yangol-93@mail.ru*

**Some features of sociocultural adaptation of Chinese citizens
while passing comprehensive exams on Russian language,
History of Russia and the fundamentals of legislation of the
Russian Federation**

In the article the main difficulties of Chinese citizens while passing the comprehensive test are determined in terms of sociocultural adaptation for living in Russia.

Keywords: *sociocultural adaption, migrants, Transbaikal region, comprehensive exam, Russian language.*

По данным ООН, Россия является вторым государством в мире по приему мигрантов, при этом становясь основным «работодателем» для трудовых мигрантов не только на постсоветском пространстве, но и для некоторых стран дальнего зарубежья. Особенно это актуально для приграничных регионов, таких как Забайкальский край, где среди иностранной рабочей силы граждане Китая составляют большую часть.

Поэтому существует объективная потребность анализа и теоретического осмысления ситуации, сложившейся в сфере социокультурной адаптации этой категории населения на территории Российской Федерации. Такая необходимость продиктована еще и тем, что отсутствие условий для успешной адаптации иностранцев влечет за собой риск увеличения социальной напряженности, конфликтов на национальной почве, а в перспективе – и угрозу национальной безопасности.

Социокультурные риски и трудности, неизбежно возникающие в процессе миграции, представляют собой достаточно обширный круг проблем, включающий в себя трудности как личностно-психологического характера, так и, в более широком смысле, ментально-культурного. Справиться с этими трудностями призваны такие механизмы, как адаптация и интеграция иностранных граждан в социокультурное пространство российского общества.

Социокультурная адаптация иностранных граждан – это важное направление государственной миграционной политики. В Федеральном законе «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» сказано, что «основой адаптации и интеграции иностранных граждан является уважение к государственному языку Российской Федерации, культуре народов России, соблюдение норм законодательства Российской Федерации, правил поведения, принятых в российском обществе. Социальная и культурная адаптация иностранных граждан – это совокупность действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и иностранного гражданина, направленных на его включение в социальное и культурное пространство российского общества через освоение им навыков и знаний в области русского языка, истории и культуры России, основ законодательства Российской Федерации в объеме, необходимом для временного пребывания на территории Российской Федерации с целью осуществления трудовой деятельности» [5].

Прямым результатом отсутствия государственных программ адаптации и интеграции является изоляция мигрантов

от принимающего социума и нарастание негативного отношения к мигрантам. К организации программ интеграции и адаптации необходимо привлечь все заинтересованные стороны (правительства стран происхождения мигрантов, самих мигрантов, бизнес-структуры, неправительственные организации) [3].

Одним из самых эффективных инструментов адаптации и интеграции в принимающее общество является стимулирование иностранных граждан к изучению русского языка, знакомству с культурными традициями народов России и нормами поведения, принятыми в российском обществе [2]. Введенный с 1 января 2015 г. экзамен для иностранных граждан по русскому языку, истории и основам законодательства Российской Федерации призван стать одним из первых этапов вхождения иностранного гражданина в социокультурную реальность России [4]. Существует несколько категорий иностранных граждан, которые обязаны подтвердить свое владение русским языком: это трудовые мигранты, лица, желающие получить разрешение на временное проживание, а также лица, желающие получить вид на жительство в Российской Федерации. В зависимости от категории документа, на который претендует иностранный гражданин, к нему предъявляются различные требования в отношении уровня владения русским языком, знания истории России и основ законодательства РФ.

Среди мигрантов, прибывающих в Забайкалье, традиционно большую долю занимают граждане Китая. В 2015 г., по данным Локального центра тестирования Забайкальского государственного университета, из 3666 иностранных граждан, прошедших тестирование для получения разрешения на работу или патента, 43 % являются гражданами КНР. Среди лиц, претендующих на получение разрешения на временное проживание, доля китайцев составила всего 2 %; среди лиц, желающих получить вид на жительство – 3 %, а гражданство РФ – всего 0,8 %.

В процессе социокультурной адаптации китайских граждан в России неминуемо образуется ряд барьеров, препятству-

ющих ее скорейшему протеканию. Конкретно при сдаче комплексного экзамена, прежде всего, следует упомянуть лингвистический барьер. Большинство мигрантов, прибывающих на территорию России, очень слабо знают русский язык, поскольку никогда не изучали его в школе.

Образовательный барьер также имеет особое значение, так как трудовые мигранты, которые составляют львиную долю всех мигрантов из Китая, – в основной массе люди рабочих профессий без высшего образования, зачастую – из бедствующих семей и регионов. Разумеется, сегодня наша страна заинтересована в притоке высококвалифицированных специалистов. Однако трудовые мигранты пока остаются востребованными в тех областях, куда не стремятся местные специалисты, и именно поэтому большая часть занята неквалифицированным трудом, замкнута в рамках своей этнической группы, что иногда провоцирует негативное отношение к культуре принимающей стороны.

Барьер обособленного проживания: предприятия, использующие труд наемных китайских рабочих, на территории Забайкальского края хоть и достаточно многочисленны, однако достаточно закрыты. Обычно рабочие создают обособленные поселения, внутри которых не приветствуется появление посторонних. Такое поведение нормально для общин, находящихся в чужеродной социокультурной среде, чаще всего они проживают изолированными этническими группами, где коммуникация с социумом сведена до минимума, а между собой они могут общаться и на своем национальном языке.

Однако стоит отметить, что, несмотря на все трудности, китайские граждане успешно проходят комплексный экзамен. По статистике Локального центра тестирования ЗаГУ можно проследить соотношение между общим числом граждан, принявших участие в прохождении комплексного экзамена, и числом граждан, успешно его сдавших. За 2015 г. 96,6 % китайских граждан успешно прошли комплексный экзамен (для сравнения, вторая наиболее многочисленная категория граждан в Забайкалье – граждане Узбекистана – имеет аналогичный показатель в 93,0 %).

Таким образом, миграция граждан КНР на территорию Забайкалья неизбежна ввиду потребностей обеих стран. Миграция может выступать в качестве преобразующей силы, внося вклад в устойчивое развитие как страны назначения, так и страны происхождения. Но это возможно только в том случае, если обеспечиваются необходимые условия для социокультурной адаптации мигрантов, одним из звеньев которой является знание русского языка, истории и основ законодательства. На сегодняшний день существует ряд естественных барьеров, которые, судя по количеству успешно прошедших государственную экзаменацию, с успехом преодолеваются китайскими гражданами. Представляется возможным уменьшить трудности, с которыми сталкиваются китайские граждане в процессе адаптации, посредством создания крупных многофункциональных центров обучения и адаптации иностранных граждан. Проекты таких центров уже разрабатываются, и на сегодняшний день они существуют в тестовом варианте [1].

Список литературы

1. Для иностранных граждан планируется создавать центры адаптации и интеграции // Министерство экономики Республики Бурятия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://economy.govrb.ru/2013/news/?ELEMENT_ID=6472 (дата обращения: 05.01.2016).
2. Иванова Л. С., Иванова А. А. Проблемы адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество // Русский язык и проблемы социокультурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации: сб. науч.-метод. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. В. Должиковой, В. Н. Денисенко. М.: РУДН, 2015. С. 41–43.
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная миграционная служба. Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/documents/projects/item/7425/> (дата обращения: 10.01.2016).
4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25.07.2002 г. №115-ФЗ (ред. от 28.11.2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
5. О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная миграционная служба. Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/documents/projects/item/1623/> (дата обращения: 10.01.2016).

Научное издание

**Актуальные проблемы развития КНР
в процессе ее регионализации и глобализации**

VIII Международная
научно-практическая конференция
10 марта 2016 г.

г. Чита

Редактор О. Ю. Гапченко
Вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 15.03.16.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 11,3. Заказ № 16060.
Тираж 100 экз.

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30